СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ

РУССКОМЪ РАСКОЛѢ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

РАСКОЛЬНИЧЕСКАГО УЧЕНІЯ О БРАКѢ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

(ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I)

Э. О. ПРОФЕССОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

И. Нильскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.
Литейный проспектъ, № 39.

1869

Отъ С.-Петербургскаго комитета духовной цензуры печатать позволяется. 18 сентября 1869 г.

Цензоръ *архимандритъ Геласій.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Краткій очеркъ правительственныхъ распоряженій относительно раскольничьихъ браковъ—со времени Петра I до царствованія императора Николая I; новыя, сравнительно съ прежними болѣе снисходительныя и точныя, постановленія касательно этого предмета, изданныя въ первые годы царствованія императора Николая Павловича и благопріятствовавшія развитію въ средѣ безпоповщинскаго раскола ученія о необходимости брачной жизни; московская поморщина; дѣятельность ея главныхъ членовъ въ пользу брачной жизни; обстоятельства, вредившія успѣху этой дѣятельности; уничтоженіе въ 1837 году Покровской часовни; рѣшеніе вопроса о бракѣ петербургскою поморщиной; Павелъ Любопытный и его письменная дѣятельность въ пользу брака; снисходительность къ петербургскимъ безпоповцамъ низшихъ административныхъ инстанцій и даже высшаго правительства; вѣнчаніе поморскихъ браковъ въ Малоохтенской часовнѣ Павломъ Любопытнымъ и его сотрудниками: Карпомъ Новосадовымъ и Иваномъ Неклюдовымъ; преслѣдованіе властію петербургскихъ поморцевъ и уничтоженіе ихъ моленныхъ — въ Моховой улицѣ и на Малой Охтѣ; происшедшія въ слѣдствіе этого затрудненія ихъ въ заключеніи браковъ; «Марья Карповна» Новосадова; вѣнчаніе ею безпоповщинскихъ браковъ; нѣкоторые изъ столичныхъ поморцевъ рѣшаются вступать въ браки съ благословенія православныхъ пастырей и даже женятся на православныхъ дѣвицахъ.

Въ самомъ началѣ 1826 года полученъ былъ губернскими властями циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ слѣдующаго содержанія: „въ маѣ 1825 года пермскій гражданскій губернаторъ донесъ министерству внутреннихъ дѣлъ объ опредѣленіи уголовной палаты, состоявшемся по дѣлу совершенныхъ между тамошними старообрядцами бракахъ... неизвѣстными попами. Комитетъ гг. министровъ, въ который внесено было по сему предмету представленіе,

усматривая изъ онаго, что всѣ, прикосновенные къ дѣлу сему, люди состоятъ издавна въ старообрядчествѣ, и имѣя въ виду, что какъ въ пермской, такъ и въ другихъ губерніяхъ находится таковыхъ старообрядцевъ весьма значительное число, и всѣ они совершаютъ браки... по своимъ обрядамъ, находилъ, что мѣстнымъ начальствамъ не должно входить ни въ какія изслѣдованія о таковыхъ старообрядцахъ, — ибо отъ сего могутъ произойти большія безпокойства, а надлежитъ только наблюдать, дабы они никого изъ православныхъ не совращали въ свой расколъ. Таковое мнѣніе комитета гг. министровъ, изъясненное въ положеніи онаго, состоявшемся 7 октября 1825 года, удостоено 9 января 1826 года Высочайшаго утвержденія“ (1).

Чтобы понять надлежащимъ образомъ все значеніе этого законодательнаго акта въ отношеніи къ разсматриваемому нами предмету, необходимо припомнить ту страшную путаницу, какая существовала въ нашемъ законодательствѣ относительно раскольничьихъ браковъ — со времени Петра Великаго, впервые обратившаго свой орлиный взоръ на этотъ предметъ, и до самаго царствованія императора Николая Павловича.

Мы уже видѣли прежде (2), что преобразователь Россіи, ни въ какомъ случаѣ не упускавшій изъ виду государственныхъ доходовъ, не ограничиваясь „двойнымъ окладомъ“, положеннымъ на раскольниковъ, обложилъ еще „особливымъ сборомъ, и именно рубля по три съ человѣка мужеска и женска полу, на обѣ стороны поровну, а съ богатыхъ и больше“, — тѣхъ изъ заблуждающихъ, которые пожелали бы „жениться тайно не у церкви, безъ вѣнечныхъ памятей“ (1). Такимъ распоряженіемъ власти,

(1) Собр. постан. по части раск. 1858 г. стр. 93—4.
(2) См. вып. перв. стр. 332.
(3) Полн. собр. зак. т V, № 3340.

очевидно, давалось раскольникамъ полное право заключать свои браки, какъ кому вздумается; поповцы могли вѣнчаться у своихъ бѣглыхъ поповъ, безпоповцы имѣли право, если бы пожелали, вступать въ сожитія съ избранными ими женщинами—по благословенію своихъ наставниковъ—„большаковъ", или просто—по взаимному согласію между собою. Ни власть свѣтская, ни власть духовная, въ силу вышеприведеннаго указа, не имѣли ни малѣйшаго права вмѣшиваться въ это дѣло, лишь бы только раскольники исправно вносили въ казну за свои внѣ-церковныя вѣнчанія трехъ-рублевый сборъ. Такъ, казалось бы, должно было быть, и однакоже не то мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Не смотря на именной указъ 24-го марта 1719 года, церковная власть издаетъ въ 1722 году (15-го мая) свой указъ, которымъ рѣшительно отрицается право раскольниковъ „жить безъ церковнаго вѣнчанія" и налагается наказаніе какъ на вѣнчавшихъ „внѣ церкви" раскольничьи браки, такъ и на самихъ брачившихся; тѣ же изъ раскольниковъ, кои „сживались сами съ собою безъ всякаго вѣнчанія, яко законопреступники, звались на судъ архіерейскій", и даже—„въ розыскъ" (1). Мало этого: въ томъ же 1722 году св. сунодъ уже „обще съ сенатомъ" издаютъ другой указъ, которымъ опредѣлялось „имать у всѣхъ раскольниковъ сказки, подъ лишеніемъ имѣнія и ссылкою на галеры, кто у нихъ... брачившихся вѣнчаетъ, и по тѣмъ сказкамъ такихъ, кого они покажутъ, сыскивать чрезъ нихъ же самихъ къ духовному правленію и, сыскивая, допрашивать, какого былъ кто чина (и ежели попъ, кѣмъ посвященъ и имѣетъ ли свидѣтельствующую священство его грамоту, и гдѣ служитъ, и по указу-ль, и не подъ запрещеніемъ ли обрѣтается. А буде не посвященной дѣйствуетъ), давно-ль въ расколѣ и кѣмъ въ ра-

(1) Тамъ же, т. VI, № 4009, п. 8.

сколъ приведенъ и такой прелести наученъ, и для чего такъ дерзостно не данная ему дѣйствуетъ, и, по тѣмъ допросамъ учиня обстоятельное о нихъ слѣдованіе, отсылать для наказанія и ради ссылки на галеры къ свѣтскимъ управителямъ, а движимое ихъ и недвижимое имѣніе отписывать на Его императорское Величество и содержать подъ сѵнодскимъ вѣдѣніемъ“ (1). Этотъ указъ, очевидно, направленъ былъ уже къ тому, чтобы, чрезъ поимку бѣглыхъ поповъ и раскольническихъ наставниковъ, отнять у заблуждающихъ самую возможность вступать въ безцерковные браки и тѣмъ заставить ихъ или вѣнчаться у православныхъ священниковъ (2), или „жить безъ всякаго вѣнчанія“, какъ кому удобнѣе. Наконецъ, независимо отъ трехъ-рублеваго сбора въ пользу казны, св. сѵнодъ указами 15-го мая 1722 года и 10-го сентября 1723 года наложилъ на раскольниковъ за внѣ-церковную ихъ „женитьбу“ особый штрафъ въ пользу приходскаго духовенства (3). А изъ всего этого выходило то, что въ царствованіе Петра I раскольникъ, на основаніи именнаго указа отъ 24 марта 1719 года, могъ, внеся въ казну три рубля, вступить въ бракъ посредствомъ вѣнчанія „внѣ церкви“, или — и безъ вѣнчанія; но при этомъ обязанъ былъ за свою „женитьбу“ заплатить „гривну“ и даже больше своему приходскому священнику съ причетниками, и кромѣ того долженъ былъ объявить начальству, кто его вѣнчалъ, и представить такого „продерзателя къ духовному правленію“ для наказанія, которому подвергался и самъ, „яко своего обѣщанія“, даннаго „при записаніи своемъ въ явный расколъ съ росписко̀ю, преступникъ“; въ случаѣ же нежеланія открыть совершителя брака, молодой супругъ

(1) Тамъ же № 4052.
(2) Собр. постан. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 53.
(3) Тамъ же стр. 38 и 82.

имѣлъ право попасть „въ розыскъ“, т. е. познакомиться съ приснопамятными дѣятелями преображенскаго приказа, или—по меньшей мѣрѣ—розыскной раскольническихъ дѣлъ канцеляріи, т. е. послѣ распросовъ—испытать „на тѣлѣ публичное наказаніе“, или даже, смотря „по важности винъ, подлежать ссылкѣ временно или и вѣчно въ галерную работу“ (1).

Такая же противорѣчивость въ законодательствѣ касательно раскольничьихъ браковъ продолжалась и послѣ Петра I-го—до Екатерины II-й. Именной указъ о трехъ-рублевомъ сборѣ съ раскольниковъ, вступавшихъ въ бракъ безъ церковнаго вѣнчанія, продолжалъ существовать въ качествѣ дѣйствующаго закона, а между тѣмъ сенатъ издаетъ въ это время новыя постановленія, которыя прямо ему противорѣчили. Такъ указомъ 26 мая 1733 года повелѣвалось сыскивать и за карауломъ отсылать въ сунодъ тѣхъ раскольниковъ, которые—„непосвященные церковныя дѣйства дерзаютъ чинить, и именно: свадьбы вѣнчаютъ“ и проч. (2). Съ цѣлію же пресѣчь раскольникамъ возможность вступать въ браки безъ церковнаго вѣнчанія и совершать другія требы былъ изданъ сенатомъ указъ и въ 1736 году (3). Что же касается власти церковной, то она, считая сожительства раскольниковъ безъ церковнаго вѣнчанія любодѣяніемъ (4), а дѣтей, рождавшихся отъ подобныхъ сожительствъ, незаконнорожденными (5), употребляла всѣ средства къ тому, чтобы „таковому всескверному“ раскольниковъ „дѣйству возъимѣлось пресѣченіе“, и съ этою цѣлію разсылала „достойныхъ персонъ“ для поимки „раскольническихъ учителей и скитавшихся поповъ“, которые, въ

(1) Снес. тамъ же стр. 135.
(2) Полн. собр. зак. т. IX, № 6415.
(3) Тамъ же № 6928.
(4) Собр. постан. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 141.
(5) Тамъ же стр. 585.

числѣ другихъ святотатственныхъ дѣйствій, позволяли себѣ „брачившихся“ раскольниковъ „вѣнчать“ и которыхъ за это сунодъ предписывалъ „отдавать подъ наикрѣпчайшій арестъ, заклепавъ въ ручныя и ножныя желѣза, и содержать подъ тѣмъ арестомъ до указу въ самыхъ крѣпкихъ мѣстахъ, никого и ни для чего къ нимъ ни съ чѣмъ не допущая“ (1); хотя, на основаніи Высочайшей резолюціи, состоявшейся 12 апрѣля 1722 года на докладныхъ пунктахъ сунода, судъ о любодѣяніи и дѣтяхъ, прижитыхъ блудодѣйствомъ, принадлежалъ власти свѣтской, а не духовной (2).

Въ царствованіе Екатерины II-й вопросъ о раскольническихъ бракахъ, по видимому, уясняется. Въ первый же годъ своего царствованія Великая императрица издаетъ указъ, въ которомъ, повторивъ, между прочимъ, распоряженія Петра I-го о наложеніи на всѣхъ вообще раскольниковъ двойнаго оклада, а на тѣхъ изъ нихъ, которые вѣнчались „не у церкви, безъ вѣнечныхъ памятей“, трехъ-рублеваго сбора, объявляла во всеобщее свѣдѣніе, что во всемъ другомъ раскольникамъ, равно какъ и дѣтямъ ихъ, „ни отъ кого никакого притѣсненія чинено не будетъ“ (3). За тѣмъ въ 1764 году, послѣ третьей ревизіи, манифестомъ отъ 3 марта назначена была перепись и раскольникамъ, при чемъ повелѣвалось, чтобы раскольники, при подачѣ о себѣ сказокъ, „въ тѣхъ сказкахъ писали всѣхъ, какъ мужескій, такъ и женскій полъ, по семейству своему, какого бы они званія ни были, безъ малѣйшей утайки“ (4). А это значило, что въ это время семейные союзы раскольниковъ хотя и не признавались вполнѣ законными,

---

(1) Тамъ же стр. 400—403.
(2) Полн. собр. зак. т. VI, № 3963, п. 7 и 12.
(3) Тамъ же, т. XVI, № 11725.
(4) Тамъ же № 12067.

но—и не расторгались свѣтскою властію (1). Далѣе: указомъ 1765 года Екатерина II отмѣняетъ „во всемъ государствѣ съ свадебъ за вѣнечныя памяти денежный сборъ“ (2). Простирался ли этотъ указъ и на раскольниковъ, какъ стараются доказать это современные намъ раскольническіе писатели (3), или онъ ограничивался только лицами православными, „желавшими, по словамъ синода, вступать въ бракъ по церковному чиноположенію“,—мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что, послѣ уничтоженія вѣнечныхъ памятей, продолжать трехъ-рублевый сборъ съ раскольниковъ, вѣнчавшихся „не у церкви, *безъ вѣнечныхъ памятей*“, значило бы поступать несправедливо. Наконецъ въ 1782 году Екатерина освобождаетъ заблуждающихъ отъ платежа двойнаго оклада (4), а въ 1783 году—и отъ самаго названія „раскольникъ“; а это значило, что съ этого времени „свѣтская власть“ рѣшилась „не вмѣшиваться въ различіе, кого изъ жителей въ числѣ правовѣрныхъ, или кого въ числѣ заблуждающихся почитать“, а только считала своею обязанностію „надъ всѣми вообще наблюдать, дабы каждый поступалъ по предписаннымъ государственнымъ узаконеніямъ“ (5). При такомъ отношеніи къ расколу власти свѣтской, разумѣется, не могло быть и рѣчи о какомъ либо преслѣдованіи раскольниковъ за ихъ безцерковные браки (6), и власти церковной, не признававшей законности

(1) См. собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 667—8; снес. стр. 550.

(2) Полн. собр. зак. т. XVII, № 12433.

(3) Историч. извѣщ. о безпрер. продолж. законнаго брака въ старовѣрахъ л. 16.

(4) Полн. собр. зак. т. XXI, № 15581.

(5) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 710—723; Истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 37.

(6) Не даромъ же защитники безсвященнословныхъ браковъ писали въ это время: „нынѣ время свободы, нынѣ слово Божіе не вяжется“ и проч. См. „слово увѣщ. о зак. бракѣ“ — Заяцевскаго — въ публ. библіот. № 31, въ сборн. № 473.

такихъ браковъ, не оставалось ничего болѣе, какъ, скрѣпя сердце, „увѣщевать“ только заблуждающихъ „о обращеніи отъ расколу и о вѣнчаніи въ церквахъ православныхъ“ (1).

Впрочемъ такой порядокъ вещей продолжался не долго. Въ первый же годъ по смерти Екатерины II-й церковная власть уже начинаетъ заявлять о незаконности раскольничьихъ браковъ, и притомъ не только безсвященнословныхъ, но и вѣнчанныхъ бѣглыми попами (2). А съ первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра Благословеннаго она даже начинаетъ расторгать подобные союзы (3). Въ 1808 году св. сунодъ, по прежнему признавая раскольничьи браки незаконными, любодѣяніемъ, блудомъ, а дѣтей, прижитыхъ въ такихъ бракахъ, незаконнорожденными, судъ объ нихъ, по силѣ Высочайшей резолюціи на докладныхъ св. сунода пунктахъ, предоставляетъ власти свѣтской (4). И однако же, не смотря на такое опредѣленіе, онъ и послѣ этого продолжаетъ расторгать раскольничьи браки своею собственною властію (5), а консисторіи не перестаютъ требовать къ себѣ раскольниковъ „для отвѣта“ по дѣламъ о бракахъ (6). Мало этого: въ царствованіе императора Александра I-го, сами свѣтскіе суды начинаютъ путаться въ рѣшеніи вопроса о раскольничьихъ бракахъ. Одни изъ нихъ преслѣдуютъ брачившихся внѣ церкви раскольниковъ судомъ уголовнымъ (7), другіе составляютъ „выписки изъ законовъ“ о томъ, что „браки раскольниковъ, вѣнчаные внѣ церкви,

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 694.
(2) Тамъ же стр. 755.
(3) Тамъ же кн. 2, стр. 48—49.
(4) Тамъ же стр, 75, 83—84.
(5) Тамъ же стр. 78—79.
(6) Тамъ же стр. 98, 133, 174—5.
(7) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 93.

незаконны и подлежатъ расторженію,—виновные наказываются тѣлесно, а дѣти, отъ нихъ рожденныя, лишаются нетолько наслѣдства въ имѣніи, но и фамиліи“ (1), хотя и не осмѣливаются приводить эти выписки въ исполненіе, безъ разрѣшенія высшихъ инстанцій; между тѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ, не признавая такого взгляда на раскольничьи браки неправильнымъ, не рѣшается однако же обратить его въ законъ и, вмѣсто положительныхъ предписаній, даетъ подчиненнымъ ему мѣстамъ и лицамъ только совѣтъ—слѣдовать въ вопросѣ о бракахъ раскольническихъ „правиламъ кротости, принятымъ основаніемъ въ распоряженіяхъ правительства“ (2). Но и послѣ этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, „по требованію мѣстнаго духовнаго начальства“, раскольничьи браки подвергаются расторженію и даже—„безъ предварительнаго о томъ представленія министерству“ (3).

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи находились раскольничьи браки предъ судомъ закона, когда императору Николаю Павловичу, въ первый же годъ своего царствованія, угодно было Высочайше утвердить вышеизложенное мнѣніе комитета министровъ. Строго говоря, этимъ мнѣніемъ не разрѣшался еще окончательно вопросъ о томъ, какое юридическое значеніе должны были имѣть съ этого времени внѣ церковные раскольничьи браки; но имъ по крайней мѣрѣ пресѣкались всѣ недоумѣнія, какія возбуждались въ низшихъ судебныхъ инстанціяхъ, при сужденіи объ этомъ предметѣ, и прекращались самыя изслѣдованія о бракахъ заблуждающихъ, и притомъ—не только въ судахъ свѣтскихъ, но и духовныхъ. А что такъ, а не иначе, понималъ свое мнѣніе комитетъ министровъ, видно изъ

(1) Истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 115.
(2) Тамъ же стр. 119.
(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 96.

того, что, когда старшины екатеринбургскаго старообрядческаго общества обратились (въ томъ же 1826 году) въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ просьбою „о томъ, дабы вѣнчанные старообрядческими священниками между сословіемъ ихъ браки не были подвергаемы, по требованіямъ мѣстнаго духовнаго начальста, расторженію“, комитетъ министровъ, „имѣя въ виду, что высочайше утвержденнымъ положеніемъ онаго 9 января 1826 года постановлено уже“ было, „чтобы какъ въ Пермской, такъ и въ другихъ губерніяхъ, мѣстныя начальства не входили ни въ какія розысканія о тѣхъ старообрядцахъ, которые издавна находятся въ сей сектѣ, а наблюдали бы только, дабы они никого изъ православныхъ не совращали въ свой расколъ, журналомъ 19 января 1826 года положилъ, что сего постановленія совершенно достаточно, дабы сихъ людей ни мѣстныя полиціи, *ни духовныя начальства* не тревожили понапрасну“, о чемъ, по утвержденіи положенія комитета Государемъ императоромъ, и дано было знать секретными предписаніями гражданскимъ губернаторамъ тѣхъ губерній, въ коихъ находились раскольники, а св. сѵноду предоставлено было сдѣлать такія же предписанія епархіальнымъ архіереямъ (1). Наконецъ, когда въ 1827 году возникъ въ государственномъ совѣтѣ вопросъ: „духовному, или гражданскому, вѣдомству надлежитъ разсматривать и судить дѣла о людяхъ, вступившихъ въ бракъ по раскольничьему обряду“, Государь императоръ, „усматривая, что указомъ святѣйшаго сѵнода 14 августа 1808 года, преосвященному воронежскому и черкасскому даннымъ, дѣла такого рода постановлено разсматривать и судить гражданскимъ, а не духовнымъ правительствомъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы означенный указъ распубликованъ былъ для единообразнаго и повсемѣстнаго

(1) Тамъ же стр. 97—8.

исполненія какъ чрезъ правительствующій сенатъ, такъ и посредствомъ святѣйшаго сѵнода“ (1).

Нужно ли говорить, съ какою радостію приняты были указанныя постановленія раскольниками—поповцами, которые, какъ извѣстно, никогда не отрицали брака и къ которымъ собственно и относились всѣ означенныя распоряженія власти? Но не одни поповцы могли быть признательны молодому Государю за новые законы по вопросу о бракахъ раскольниковъ. Читая вышеприведенные указы, могли чувствовать себя хорошо и тѣ изъ раскольниковъ—безпоповцевъ, кои труднымъ опытомъ жизни дошли до сознанія, что ученіе „прежнихъ отцевъ“ о всеобщемъ дѣвствѣ—вещь хорошая, но неудобоисполнимая, и, во избѣжаніе разврата, обзаводились женами—то по благословенію родителей, то по обрядамъ Покровской часовни (2). Правда, во всѣхъ указахъ, которые мы изложили, рѣчь шла только о раскольническихъ бракахъ, заключавшихся при посредствѣ, такъ называвшихся, бѣглыхъ поповъ, между тѣмъ какъ безпоповцы вступали въ свои сожительства по благословенію своихъ наставниковъ—мірянъ. Но, разсуждали безпоповцы, вѣдь и бѣглые попы, которыми пробавляются поповцы, по суду власти церковной и гражданской, суть такіе же незаконные пастыри, какъ и наши наставники, и браки поповцевъ, которые совершаютъ у нихъ бѣглые попы, точно также признавались въ прежнее время незаконными, какъ незаконными считались и наши семейные союзы, заключавшіеся по благословенію родителей, или наставниковъ; и мы, подобно поповцамъ, давно состоимъ въ „древлеправославной вѣрѣ“, или въ старообрядствѣ, и отъ не признанія властію нашихъ

(1) Тамъ же стр. 109—110.

(2) Какъ заключались браки безпоповцевъ въ Покровской часовнѣ, см. объ этомъ въ перв. вып. стр. 217—219.

брачныхъ союзовъ могутъ произойти разнаго рода „безпокойства“, потому что и насъ точно также, какъ и поповцевъ, находится въ разныхъ губерніяхъ „весьма значительное число“; а потому, заключали безпоповцы, быть не можетъ, чтобы правительство, прекратившее преслѣдованія браковъ поповщинскихъ, позволило мѣстнымъ властямъ преслѣдовать по прежнему наши безсвященнословные брачные союзы. И если въ новыхъ указахъ рѣчь идетъ только о бракахъ поповщинскихъ, то, вѣроятно, потому, что представленія, по которымъ состоялись эти указы, касались только поповцевъ. На основаніи такихъ разсужденій, тѣ изъ безпоповцевъ, коимъ наскучило дѣвство, спѣшили въ Покровскую часовню для заключенія въ ней своихъ браковъ, а настоятели часовни, ничтоже сумняся, вѣнчали такіе браки (1).

Не долго, впрочемъ, пришлось безпоповцамъ оставаться въ неизвѣстности о томъ, въ какое отношеніе поставитъ себя къ ихъ бракамъ новое правительство, съ такою терпимостію взглянувшее на браки поповщинскіе. Въ 1833 году назначена была новая—восьмая ревизія (2). Намъ неизвѣстно, возникали-ль, при производствѣ этой ревизіи, въ губерніяхъ, населенныхъ безпоповцами, вопросы о томъ, „какимъ образомъ слѣдуетъ записывать въ ревизскія сказки женщинъ, вступившихъ съ раскольниками въ браки по обрядамъ ихъ сектъ,—и дѣтей, прижитыхъ въ таковыхъ бракахъ“,—какъ было это при производствѣ 9-й народной переписи (3),—но мы знаемъ, что „сожительницы раскольниковъ безпоповщинской секты—даже ѳедосѣевской—были показаны по 8-й ревизіи въ семействахъ названныхъ мужей своихъ *женами* ихъ“ (4),

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 744—746.
(2) Стат. табл. Росс. импер. вып. 2, 1863 г., стр. 143.
(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 537.
(4) Тамъ же стр. 534 и 550.

подобно женамъ поповцевъ, а слѣдовательно и дѣти безпоповцевъ имѣли право на названіе законныхъ. Уже одинъ этотъ фактъ долженъ былъ убѣдить безпоповцевъ въ томъ, что правительство, рѣшившееся „терпѣть въ гражданскомъ отношеніи“ браки поповцевъ (1), не намѣрено преслѣдовать и брачные союзы безпоповщинскіе. Въ скоромъ, впрочемъ, времени послѣдовалъ объ этомъ предметѣ положительный законъ. На сообщенный министерству внутреннихъ дѣлъ вопросъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора: „должно ли не дозволять раскольникамъ безпоповщинской секты отправленіе таинствъ по обрядамъ оной явно“,—Государь императоръ, 5 декабря 1834 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: „сообщить новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору, что о тѣхъ раскольникахъ секты безпоповщинской, или иной, кои совершаютъ таинства и мірскія требы по обряду своей ереси, само собою не слѣдуетъ входить ни въ какое изслѣдованіе, а надлежитъ только наблюдать, дабы они отнюдь не отправляли оныя публично и съ явнымъ оказательствомъ ученія и богослуженія ихъ секты“ (2). По смыслу этого распоряженія, безпоповцы, очевидно, ставились на одну доску съ поповцами и точно также, какъ послѣдніе, могли вступать въ свои безсвященнословные браки, не опасаясь за это преслѣдованія мѣстныхъ властей. Нѣтъ нужды доказывать, какъ благопріятны были всѣ указанныя распоряженія власти развитію и распространенію въ средѣ безпоповщинскаго раскола ученія Покровской часовни о необходимости брачной жизни. Если и въ прежнее время, когда безпоповщинскіе брачные союзы могли подвергнуться и на самомъ дѣлѣ часто подвергались расторженію, проповѣдь послѣ-

(1) Тамъ же стр. 265.
(2) Тамъ же стр. 166—7.

дователей Василья Емельянова о необходимости и законности брачной жизни находила себѣ большое сочувствіе въ массахъ безпоповщинскихъ; то само собой понятно, что теперь, когда безпоповцамъ дано было право безбоязненно совершать, по ихъ обрядамъ, всѣ таинства, а слѣдовательно и таинство брака, ученіе Покровской часовни должно было находить себѣ еще больше послѣдователей. Къ сожалѣнію, въ это время между лицами, заправлявшими дѣлами Покровской часовни, возникли недоразумѣнія и ссоры, которыя сильно вредили успѣху распространенія—по крайней мѣрѣ въ московской безпоповщинѣ—„тайны брака“.

Въ 1827 году Андреянъ Сергѣевъ, зять Скочкова, мечтавшій послѣ тестя сдѣлаться настоятелемъ часовни и однакоже не достигшій своей цѣли, рѣшился отмстить своему обществу, избравшему въ настоятели Антипа Андреева, и совершенно отдѣлиться отъ него. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали этому замыслу Сергѣева. Въ 1826 году умеръ настоятель одной московской ѳедосѣевской молельни, устроенной купцомъ Грачевымъ, завѣщавъ молельню съ настоятельствомъ бѣглому солдату Анисимову, проживавшему въ молельнѣ въ числѣ призрѣваемыхъ и съумѣвшему, при помощи денегъ, приписаться въ московскіе мѣщане. Между тѣмъ Преображенское кладбище, толкуя по-своему завѣщаніе Грачева и не видя въ Анисимовѣ особенно усерднаго къ себѣ приверженца, рѣшилось, во что бы то ни стало, завладѣть Грачевской молельней. Анисимовъ, чтобы успѣшнѣе бороться съ кладбищемъ, задумалъ сблизиться съ Покровской часовней, или вѣрнѣе: съ Андреяномъ Сергѣевымъ, который, какъ догадывался Анисимовъ, былъ недоволенъ часовней, за отказъ ему въ настоятельствѣ, и радъ былъ отдѣлиться отъ нея, чтобы составить отдѣльную, самостоятельную общину.

И дѣйствительно Сергѣевъ, придумавъ довольно благовидный предлогъ къ отдѣленію отъ часовни, перешелъ со всею своею партіею къ Анисимову—въ молельню Грачева, при чемъ унесъ съ собою и „брачную книгу“, которою завѣдывалъ и которая собственно и привлекала къ Покровской часовнѣ многихъ московскихъ и иногородныхъ поморцевъ. Это обстоятельство, впрочемъ, не особенно смутило Антипа Андреева, настоятеля Покровской часовни. Лишившись „брачной книги“ и части своихъ прихожанъ, перешедшихъ съ Сергѣевымъ въ молельню Грачева, онъ только усилилъ свою пропаганду въ пользу брака и въ скоромъ времени достигъ того, что подчинилъ своей часовнѣ поморцевъ подмосковнаго села Зуева и почти весь Покровскій уѣздъ владимірской губерніи; а „брачную книгу“, унесенную Сергѣевымъ, замѣнилъ выдачею свидѣтельствъ, за подписью первостатейныхъ прихожанъ (1),—свидѣтельствъ, которымъ простодушные старообрядцы вѣрили не меньше, чѣмъ прежнимъ записямъ ихъ браковъ въ „брачную книгу“. Мы имѣемъ подъ руками одно изъ такихъ свидѣтельствъ, и такъ какъ въ немъ указаны основанія, на которыхъ безпоповцы утверждали свое право на безсвященнословные браки, то мы считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь. „Свидѣтельство о бракѣ, 1835 года октября 24 дня, на основаніи Высочайшихъ, существующихъ указовъ всемилостивѣйше старообрядцамъ о бракахъ состоявшихся 1718 марта 2 и октября 9, 1719 марта 24, 1762 декабря 14, 1775 марта 17. ст. ст. и Высочайше утвержденнаго въ 26 день марта 1819 г. мнѣнія Государственнаго совѣта и Правительствующимъ Сенатомъ распубликованнаго указами въ апрѣлѣ 1819 г., и по указу Правительствующаго Сената, распубликованному

(1) Старообр. Покр. мол. и Фил. часовн. въ Москвѣ, Вишнякова, стр. 17—21 и 24; снес. Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 744—5.

отъ 4 января 1819 г., мы нижеподписавшіеся симъ свидѣтельствуемъ, что дворовый человѣкъ Семенъ Тимоѳеевъ старообрядецъ, Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда, экономической Жадимеровской волости, деревни Сельниковъ, съ крестьянскою дочерью, дѣвицею Матреною Ѳедоровою старообрядкою, въ Москвѣ, Лефортовской части, въ старообрядческомъ общественномъ домѣ сего 1835 года, октября 23 дня, вступилъ въ законное супружество, оба первымъ бракомъ; въ утвержденіе чего, по указу московскаго магистрата 2-го департамента 1804 года февраля 15 дня, означеннаго старообрядческаго дома попечители подписуемся: московскій 1-й гильдіи купецъ Никаноръ Матвѣевъ Гусаревъ, московскій мѣщанинъ Маркелъ Никитинъ. Подпись рукъ удостовѣряю Лефортовской части, 4 квартала, квартальный надзиратель Колосовскій. Въ третьей книгѣ записной 1835 года № 13“ (1).

Собственно говоря, интересны въ этомъ раскольничьемъ документѣ не данныя, на основаніи которыхъ Покровская часовня считала себя въ правѣ вѣнчать браки своихъ послѣдователей и о несостоятельности которыхъ мы уже говорили (2), а то обстоятельство, что это свидѣтельство выдано раскольничьими вожаками въ октябрѣ 1835 г.,— и даже за подписью квартальнаго надзирателя, между тѣмъ какъ еще 1834 года 29 января было Высочайше повелѣно—сообщить московскому военному генералъ-губернатору, чтобы онъ воспретилъ раскольникамъ выдавать свидѣтельства о духовныхъ требахъ (3). Видно, московскіе старообрядцы умѣли замедлять исполненіе даже Высочайшихъ повелѣній.

1835 годъ, къ которому относится приведенный нами

---

(1) Кельсіев. вып. 4, стр. 217, примѣчаніе.
(2) Семейн. жизнь, вып. перв. стр. 331—336.
(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 152—3; снес. стр. 259.

документъ, былъ послѣднимъ годомъ самостоятельнаго существованія Покровской часовни. 31 декабря 1836 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе — домъ, въ которомъ помѣщалась часовня, и землю, на которой стоялъ домъ, отдать, по уничтоженіи молельни, наслѣдникамъ Монина, по имени котораго Покровская часовня и называлась Мониной (1). Въ 1837 году Высочайшее повелѣніе было уже исполнено. Въ Сборникѣ бракоборныхъ сочиненій, находящемся въ императорской публичной библіотекѣ (№ 473), въ сочиненіи подъ № 34, сказано: „сословіе брачущихся и за царя молящихся по приходу принадлежитъ къ дому, бывшему общественному, который нынѣ находится въ Москвѣ, Лефортовской части, 5-го квартала, подъ № 755— въ Покровскомъ. Домомъ симъ они владѣли, въ немъ отправляли богослуженіе и совершали обряды таинства для браку 40 лѣтъ. Домъ сей нынѣ съ 1837 года поступилъ во владѣніе наслѣдникамъ“ (л. 270 об.). Вслѣдствіе чего постигла такая бѣда Покровскую часовню, изъ Высочайшаго повелѣнія не видно; но, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, случай, послужившій поводомъ къ закрытію моленной, былъ слѣдующій. Еще до изданія въ 1834 году указа—о непреслѣдованіи безпоповцевъ за совершеніе ими таинствъ и другихъ требъ, по обрядамъ ихъ вѣрованій, Покровская часовня повѣнчала однажды иногороднюю чету, пріѣхавшую въ Москву за благословеніемъ на бракъ изъ владимірской губерніи. Дѣло, по видимому, не важное; подобные браки не разъ заключались въ Покровской часовнѣ,—полиція это знала, но молчала, потому что пользовалась отъ каждаго брака приличными приношеніями. На бѣду часовни, о совершенномъ въ ней бракѣ лицъ изъ владимірской губерніи узналъ приходскій священникъ и немедленно донесъ своему начальству о своеволіи по-

(1) Тамъ же стр. 235—6.

*

кровцевъ въ вѣнчаніи браковъ. Началось изслѣдованіе заявленнаго факта, которое открыло за покровцами и другіе грѣшки,—именно: отмѣну Антипомъ Андреевымъ молитвы за царя и непризнаніе имъ браковъ, вѣнчанныхъ въ православной церкви... Какъ велось дальше дѣло, неизвѣстно; только оно кончилось уничтоженіемъ Покровской молельни и передачей земли, на которой она была построена, наслѣдникамъ Монина. Тяжело было покровцамъ разставаться съ молельней, въ которой они отправляли богослуженіе и совершали свои браки цѣлые 40 лѣтъ; но въ скоромъ времени они были утѣшены устройствомъ новой (молельни) въ домѣ купца Гусарева — того самаго, подпись котораго мы видѣли подъ вышеприведеннымъ „свидѣтельствомъ о бракѣ“, въ качествѣ попечителя Покровской часовни. Дѣло въ томъ, что полиція, которой было приказано запечатать Покровскую молельню со всѣми ея принадлежностями и сломать иконостасъ, ограничилась только тѣмъ, что разобрала иконостасъ, а вещи изъ часовни, иконы и утварь дозволила, за извѣстную плату, вывезти изъ часовни въ домашнюю молельню Гусарева, которая немедленно и обратилась въ общественную (1). Кромѣ того образовалось въ это время съ ученіемъ Антипа Андреева двѣ моленныхъ — въ домѣ купца Морозова, изъ которыхъ въ одной былъ сдѣланъ настоятелемъ московскій мѣщанинъ Матвѣй Андреевъ, а въ другой отправляла богослуженіе казенная крестьянская дѣвка Дарья Нефедьева (2).

Гораздо важнѣе была для московскихъ поморцевъ Покровской часовни другая потеря, которую они понесли въ томъ же 1836 году, — потеря жаркаго проповѣдника необходимости брачной жизни и ловкаго наставника въ лицѣ

(1) Старообр. Покр. мол., Вишнякова, стр. 15—16.

(2) Дѣло въ арх. департ. общ. дѣлъ мин. вн. дѣлъ 1854 г. № 212, л. 22.

Антипа Андреева, скончавшагося въ этомъ году (1). Мѣсто его занялъ, по однимъ извѣстіямъ (2), Я. Петровъ,— человѣкъ слабый и старый, который, разумѣется, мало заботился о пропагандѣ въ пользу брака; по другимъ (3), преемникомъ Антипу Андрееву былъ Михаилъ Яковлевъ, вызванный Андреевымъ въ Москву изъ города Гороховца, владимірской губерніи (4), — то же личность ничѣмъ особеннымъ не замѣчательная. Какъ бы то ни было, только несомнѣнно то, что съ 1836—7 года, и особенно съ 1847 года, община Покровской часовни начинаетъ слабѣть и распадаться на части (5), что́, само собой понятно, мало благопріятствовало развитію въ средѣ поморскихъ безпоповцевъ Москвы ученія о необходимости брачной тайны. Впрочемъ, есть свидѣтельства о томъ, что, и по смерти Антипа Андреева и по уничтоженіи Покровской моленной, прихожане ея не перестали вступать въ браки, вѣнчаясь въ молельнѣ Гусарева и по прежнему получая „свидѣтельства“ о повѣнчаніи. Въ сборникѣ бракоборныхъ сочиненій, находящемся въ императорской публичной библіотекѣ, есть подъ № 51 такое „свидѣтельство“ о бракѣ, относящееся къ 1844 году. Вотъ это свидѣтельство. „1844 года, февраля-дня мы нижеподписавшіеся симъ свидѣтельствуемъ, что московскій мѣщанинъ слободы Огородной Абрамъ Семеновъ, имѣя отъ роду 22 года, и московская мѣщанка слободы Конюшенной, дѣвица Аграфена Павлова, имѣющая отъ роду 21 годъ, старообрядцы, брачущіеся по безпоповщинѣ сословія поморскаго, сего 1844 года, января 23 дня, вступили въ бракъ законный по обрядамъ своего исповѣданія, по приходу же они принадлежатъ къ дому

(1) Истор. извѣщ. о безпрер. прод. зак. брак. въ старовѣр. л. 17.
(2) Стар. Покр. мол., Вишнякова, стр. 24.
(3) Истор. извѣщ. о безпр. прод. зак. бр. л. 17.
(4) Стар. Покр. мол., Вишнякова, стр. 17.
(5) Тамъ же стр. 24.

старообрядческому общественному, бывшему въ Москвѣ Лефортовской части, что въ Покровскомъ; домъ сей нынѣ 5-го квартала подъ № 755, въ чемъ удостовѣряя подписуемся". Впрочемъ въ сборникѣ, въ которомъ мы читали это „свидѣтельство", находится одна только подпись отца новобрачнаго, московскаго мѣщанина Семена Артемьева. Другихъ подписей, или рукоприкладствъ, нѣтъ.

Все, что мы говорили доселѣ, относится къ той части московскихъ поморцевъ, которые остались вѣрны Антипу Андрееву и считались прихожанами Покровской часовни. Что же дѣлалось въ это время въ той половинѣ покровцевъ, которые въ слѣдъ за Андреяномъ Сергѣевымъ оставили часовню и перешли въ Грачевскую молельню? Здѣсь проповѣдь въ пользу брака шла успѣшнѣе. Анисимовъ наслѣдовалъ послѣ Баженова 15 фунт. золота въ монетѣ и слиткахъ и множество серебряныхъ денегъ съ ассигнаціями. Какъ человѣкъ практическій, онъ прежде всего и сталъ пользоваться этимъ средствомъ для цѣлей пропаганды, разсылая деньги по разнымъ небогатымъ раскольничьимъ общинамъ и привлекая ихъ на свою сторону. За тѣмъ, не ограничиваясь проповѣдью о необходимости брачной жизни и вѣнчаніемъ браковъ, по обрядамъ Покровской часовни, Анисимовъ сталъ еще говорить при совершеніи браковъ свои самодѣльныя поученія, что́ придавало много торжественности брачнымъ церемоніямъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что съ Грачевской молельней соединились и усвоили ея ученіе поморскія общины: стародубская, волоколамская, и поморцы по берегамъ Хутыни, Оки и Волги. Что же касается Андреяна Сергѣева, то онъ дѣйствовалъ въ пользу брачной жизни, главнымъ образомъ, чрезъ свою брачную книгу. Кромѣ того, занимая должность главнаго прикащика у купца Л. Осипова, отправлявшаго свои товары въ Малороссію,

Сергѣевъ не пропускалъ случая писать къ тамошнимъ поморцамъ, убѣждая ихъ вступать въ бракъ и увѣряя, что спасеніе единственно зависитъ отъ брака, между тѣмъ какъ безбрачная жизнь подвергаетъ слабыхъ разврату. Путешествуя же по городамъ и селамъ харьковской, полтавской и екатеринославской губерній, во время мѣстныхъ ярмарокъ, Сергѣевъ и лично внушалъ тѣ же мысли мѣстнымъ поморцамъ (1). Наконецъ и въ это время, какъ и прежде, Сергѣевъ писалъ въ защиту брачной жизни разнаго рода сочиненія. Одно изъ такихъ сочиненій, подъ названіемъ: „исходъ изъ рая тайны брака въ царство земное“, писанное Сергѣевымъ въ 1842 году, напечатано въ „сборникѣ сочиненій о бракахъ разныхъ ревностныхъ мужей“, изданномъ въ началѣ текущаго десятилѣтія въ Іоганнисбургѣ—извѣстнымъ о. Павломъ Прусскимъ, при посредствѣ одного изъ самыхъ талантливыхъ его учениковъ—К. Голубова. Мы не станемъ излагать подробно содержанія указаннаго сочиненія Сергѣева, потому что въ немъ содержатся тѣ же воззрѣнія на безсвященнословный бракъ и тѣ же доказательства его необходимости и законности въ настоящее время—въ средѣ безпоповщинскаго раскола, какія высказывались Скочковымъ и другими послѣдователями Покровской часовни и о которыхъ у насъ уже была рѣчь (2). Но не можемъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ поименованномъ сочиненіи Сергѣевъ, не ограничиваясь основаніями и примѣрами въ пользу безсвященнословнаго брака—церковно-историческими, указывалъ еще и на современныя узаконенія гражданскія. „Браки, по обрядамъ въ разныхъ вѣроисповѣданіяхъ совершаемые, писалъ онъ, и въ настоящемъ времени признаются и утверждаются въ

(1) Стар. Покр. мол., Вишнякова, стр. 22—3.
(2) См. вып. перв. стр. 231—248.

своей силѣ Высочайшими свода законами и почитаются законными, и дѣти, отъ браковъ таковыхъ рожденныя, признаются законными наслѣдниками родительскому имѣнію. Да кромѣ того тѣми законами предписано, чтобы супружескіе союзы не расторгать даже и тѣхъ исповѣданій, въ коихъ браки принимаются за гражданскій только актъ“ (1). И хотя статьи свода законовъ, на которыя ссылался Сергѣевъ, рѣшительно не относились къ вопросу, о которомъ онъ писалъ, такъ какъ въ нихъ рѣчь идетъ о бракахъ лицъ христіанскихъ исповѣданій, а раскола власть гражданская и прежде и въ разсматриваемое нами время не признавала отдѣльнымъ христіанскимъ исповѣданіемъ, считая его только уклоненіемъ отъ православія и заблужденіемъ (2), — хотя съ другой стороны еще въ 1839 году, какъ увидимъ послѣ, правительство положительно объявило, что оно не признаетъ безсвященнословныхъ браковъ раскольническихъ законными и „сведенныхъ такимъ образомъ—мужемъ и женою“ (3); тѣмъ не менѣе можно думать, что плохо знакомые съ законами поморцы, особенно иногородніе, до которыхъ распоряженія власти не скоро достигали, вѣрили „учителю первопрестольнаго града“ и спѣшили прилагать его проповѣдь о необходимости брачной жизни къ дѣлу. Только къ концу жизни Сергѣева, авторитетъ его сталъ падать по слѣдующему обстоятельству. До св. Синода дошли слухи, что Сергѣевъ вѣнчаетъ въ Москвѣ браки и даже имѣетъ какую-то „брачную книгу“, въ которую вноситъ совершаемые имъ браки и которая, главнымъ образомъ, и приманивала къ Грачевской молельнѣ московскихъ и иногородныхъ поморцевъ. Началось слѣдствіе, заставившее Сергѣева скрыть до

(1) Сборн. ч. I, л. 79 об. и 80.
(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. II, стр. 231, 343 и 684.
(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 350.

обыска брачную книгу и спѣшить въ Петербургъ откупаться отъ „никоніанскаго суда“. И хотя, при помощи 50 тысячъ рублей, данныхъ Сергѣеву на дорогу Грачевскою общиною, онъ и успѣлъ оправдаться, но вести брачную книгу ему запрещено было навсегда (1).

Въ 1847 году Сергѣевъ умеръ (2), но дѣло его не остановилось. Нашлись въ Москвѣ люди, которые не менѣе его были убѣждены въ законности брачной жизни, и, если не съ бо̀льшимъ искуствомъ, такъ по крайней мѣрѣ не съ меньшимъ усердіемъ, старались доказать правильность безсвященнословныхъ браковъ и незаконность и гибельность всеобщаго дѣвства. Нѣкто Онисимъ Никифоровъ Любушкинъ, московскій поморецъ, рѣшился взять на себя дѣло, за которое ратовалъ Сергѣевъ, и сталъ проповѣдывать необходимость брака не только устно, но и письменно. Мы имѣемъ подъ руками одно изъ его сочиненій, подъ названіемъ: „бесѣда о бракѣ“, написанное въ 1852 году и разосланное имъ по разнымъ безпоповщинскимъ общинамъ—съ цѣлію убѣдить ихъ къ принятію безсвященнословныхъ браковъ (3). „Бесѣда о бракѣ“ составлена въ формѣ разговора между безбрачнымъ и брачнымъ и написана такъ, что защитникъ всеобщаго дѣвства является подъ перомъ Любушкина не довольно состоятельнымъ въ своихъ доводахъ. Всѣ его разсужденія о послѣднихъ временахъ міра, о прекращеніи на землѣ православнаго священства, о необходимости для законности брака пресвитерскаго благословенія и проч. и проч., опровергнуты брачнымъ, съ безпоповщинской точки зрѣнія, весьма сильно, и кромѣ того представлены послѣднимъ убѣдительныя доказательства того, что отверженіе брачной

(1) Стар. Покр. мол. стр. 25—6.

(2) Истор. извѣщ. о безпр. прод. зак. брак. въ старов. л. 16 об.

(3) Сочиненіе это находится въ сборникѣ библ. покойн. митр. Григорія № 154, л. 1—25.

жизни болѣе вредитъ безпоповству, чѣмъ принятіе брака, хотя бы и безсвященнословнаго. Вотъ главныя мысли этого небольшаго, но не лишеннаго интереса, по спокойному тону, сочиненія.

Желая доказать, что бракъ долженъ продолжаться въ родѣ человѣческомъ до конца міра и что безбрачіе не можетъ быть обязательнымъ для всѣхъ закономъ, авторъ „бесѣды о бракѣ“ говоритъ: мы всѣ (т. е. какъ поморцы, такъ и ѳедосѣевцы) признаемъ крещеніе необходимымъ для спасенія и имѣющимъ существовать до кончины міра; но „крещеніе человѣку—второе рожденіе, а второе безъ перваго не бываетъ: первое родится человѣкъ плотію отъ утробы матери своея, второе родится отъ купели св. Духомъ, и слѣдовательно какъ первое рожденіе человѣку, такъ и второе будутъ продолжаться до конца“. Сказавъ затѣмъ, что Богъ, сотворивъ мужа и жену, повелѣлъ имъ *растити́ся и множи́тися*, а потомъ, за преступленіе человѣкомъ заповѣди, обрекъ его на смерть: *земля еси и въ землю отъи́деши*, — Любушкинъ замѣчалъ: „сіи Господни изреченія, какъ брачная, такъ и смертная, продолжаются и до нынѣ и будутъ продолжаться до конца всего міра“, и далѣе разными свидѣтельствами отцевъ церкви доказываетъ, что бракъ уничтожится не раньше упраздненія смерти и наступленія царства славы, въ которомъ ни женятся, ни посягаютъ, что онъ необходимъ „продолженія родовъ ради, да, преемники роду составляюще, не погибнемъ“, что брачиться и рождать—также естественно, какъ—и умирать, что невольное дѣвство, какъ не для всѣхъ выносимое, запрещено и ведетъ къ разврату, что оно оставлено каждому „на произволеніе“, что и дѣвство и супружество равно ведутъ ко спасенію,—не можеши дѣвствовати, брачися, точію съ цѣломудріемъ,—что наконецъ „никто, нигдѣ, никогда отъ святыхъ не полагалъ въ церкви дѣвство

закономъ, кромѣ одного діавола; сей многократно во многихъ еретикахъ покушался поставить дѣвство закономъ, но всегда былъ церковію отражаемъ". И чтобы окончательно поразить бракоборцевъ, авторъ „бесѣды о бракѣ" указывалъ на то, что самъ Ѳеодосій Васильевъ признавалъ браки староженовъ законными и что, слѣдовательно, нынѣшніе ѳедосѣевцы, разводя на „чистое житіе" даже такихъ супруговъ, противорѣчатъ основателю своего толка.

Стараясь за тѣмъ разъяснить безбрачному, на какихъ основаніяхъ поморцы принимаютъ бракъ безсвященнословный, Любушкинъ говоритъ: „на сіе надобно имѣть разсужденіе, которое выше всѣхъ добродѣтелей, и должно смотрѣть правила временъ нужныхъ и правила временъ свободныхъ" и не смѣшивать тѣхъ и другихъ. „Чтобы пояснить сію статью, скажемъ нѣсколько примѣровъ". Исповѣдь напр., по правиламъ, можетъ принимать только епископъ, или по крайней мѣрѣ — священникъ; мало этого: по кормчей, „безъ воли епископа своего пресвитеры и всѣ діаконы да не творятъ ничтоже, тому бо суть поручени людіе Господни". И однакоже, замѣчалъ безпоповецъ, „мы службы совершаемъ, кутью ставимъ на налой, крестимъ младенцевъ" и проч. не только безъ воли епископа, но даже и безъ священника, и считаемъ такой порядокъ вещей правильнымъ и законнымъ. Такъ нужно разсуждать и о бракѣ. „Во времена свободныя" желавшіе вступить въ бракъ вѣнчались,—„въ нужныя" же—сходились безъ вѣнчанія „либо благословеніемъ" родителей, „либо записаніемъ", т. е. ограничиваясь однимъ свадебнымъ контрактомъ. Эту послѣднюю мысль авторъ „бесѣды о бракѣ" доказываетъ многочисленными свидѣтельствами и примѣрами древности, которыя мы уже указывали прежде, при изложеніи содержанія другихъ поморскихъ сочиненій (1), и въ

(1) См. вып. перв. стр. 240—247.

заключеніе говоритъ, что не только браки христіанскіе, заключенные по взаимному согласію жениха и невѣсты и по благословенію родителей, но даже браки язычниковъ признаются отцами церкви законными, если только они не были заключены въ ближайшихъ степеняхъ родства; такъ какъ подобные браки, по обращеніи къ церкви невѣрующихъ супруговъ, не расторгались и не повторялись.

Въ концѣ сочиненія Любушкинъ, указавъ бракоборцамъ на жизнь ихъ среди міра, и притомъ—жизнь часто не только довольную, но и роскошную, обращается къ нимъ съ такою рѣчью: „когда было вольное дѣвство, и тогда не въ міру сихъ людей оставляли святіи, но строили имъ монастыри съ крѣпкими оградами и имѣли у вратъ стражу, а также поставляли надъ сими людьми начальниковъ, и никому не позволялось безъ благословенія власти изъ монастыря вонъ исходить; какимъ же образомъ въ нынѣшнее время, нарицаемое плачевное, попустимъ жить въ міру безъ женъ, и не будетъ ли отъ сего вреда церкви и порицанія христіанамъ отъ внѣшнихъ“? И затѣмъ, щадя современныхъ бракоборцевъ, Любушкинъ разсказываетъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, только дѣла давно минувшихъ дней, какъ напр. папа Григорій, издавшій повелѣніе, чтобы священнослужителямъ не имѣть женъ, вытащилъ однажды изъ пруда 6000 младенцевъ, а царь Іустиніанъ—3000. Мнимые дѣвственники, разумѣется, понимали, съ какою цѣлію авторъ „бесѣды о бракѣ“ пустился въ такую глубокую старину.

Какіе плоды принесло сочиненіе Любушкина ученію поморцевъ о необходимости брака, мы не знаемъ; но, по свидѣтельству самихъ ѳедосѣевцевъ, „тетрадь“, содержавшая въ себѣ это сочиненіе, „переходила изъ рукъ въ руки“ и удостоивалась вниманія даже тѣхъ изъ нихъ, кои

жили „въ кельяхъ“, т. е. были „лютыми“ защитниками и проповѣдниками всеобщаго дѣвства (1).

Въ сѣверной столицѣ—въ Петербургѣ главнымъ и ревностнымъ проповѣдникомъ ученія о необходимости брачной жизни—въ средѣ безпоповцевъ былъ въ разсматриваемое нами время тотъ же Павелъ Любопытный, который, какъ мы видѣли (2), неутомимо защищалъ тайну брака и въ прежнее царствованіе. Независимо отъ устныхъ собесѣдованій съ бракоборцами, Любопытный въ это время неустанно пишетъ одно за другимъ сочиненія въ защиту безсвященнословнаго брака и въ опроверженіе ученія о всеобщемъ дѣвствѣ. Такъ въ 1826 г. является изъ подъ его пера сочиненіе, подъ названіемъ: „камень брака, или неоспоримость вѣчности его въ Христовой церкви, и что сущность онаго есть вѣчный обѣтъ сожитія сопрягающихся лицъ, а не вѣнчаніе пресвитера, по заключенію черни и гласу суевѣрія“. Въ 1827 г. Любопытный пишетъ „отвѣтъ Христовой (т. е. поморской) церкви суевѣрамъ и внѣшнимъ церквамъ о формѣ бракосовершенія не хиротонисанныхъ мужей, что оные, по праву разума и духу Христовой церкви, таинство брака, въ небытіи священства, свято могутъ совершать“, и кромѣ того—„показатель Христовой церкви о формѣ браковъ ветхой и новоблагодатной церквей, что существо сей тайны, по разуму и духу Христовой церкви, состоитъ въ вѣчномъ обѣтѣ сожитія сочетавающихся лицъ, а не въ вѣнчаніи чрезъ пресвитера, по молвѣ черни и воплю суевѣрія, омрачающихъ истину небесъ“. Въ 1829 г. онъ сочиняетъ: „отвѣтъ философу о времени сошествія св. Духа на чету, во время совершенія священнаго ея обряда“ (3), и въ томъ

(1) См. въ томъ же сборникѣ сочиненіе, начинающееся словами: „растлѣнна жизнь не остается безъ послѣдствій“... л. 3 об.

(2) См. вып. перв. стр. 390—397.

(3) Катал. №№ 407, 408, 411 и 412; время написанія Любопытнымъ

же году предполагаетъ „непремѣнно сочинить“ слѣдующія книги въ пользу брака и въ опроверженіе ученія о всеобщемъ безбрачіи: „плачевный гласъ Христовой церкви о злочестивомъ мудрованіи пагубнаго бракоборства старовѣрческихъ церквей и о горестномъ того послѣдствіи, происходящемъ всегда въ нихъ и внѣ оныхъ въ злобномъ мірѣ“,—„обличеніе суевѣрныхъ и глупыхъ 17-ти соборныхъ статей ѳедосіанской церкви (1), ясно утверждающихъ пагубное бракоборство и злочестивый раздоръ съ поморскою церковію“,—„краткую исторію о началѣ яснаго, чистаго и свободнаго мудрованія о брачной тайнѣ и торжественнаго ея отправленія въ поморской церкви“, и нѣкоторыя другія (2). Зная страсть Любопытнаго къ сочинительству, можно навѣрно сказать, что онъ привелъ въ исполненіе свои предположенія и написалъ указанныя, а, можетъ быть, и другія книги. Такая неустанная пропаганда Любопытнаго въ пользу брака, конечно, не могла не дѣйствовать на петербургскихъ безпоповцевъ, которые, по самому пребыванію своему въ шумной, устроенной на нѣмецкій манеръ, столицѣ, труднѣе, чѣмъ иногородніе ихъ единомышленники, могли переносить суровое безбрачіе, не подвергаясь искушеніямъ плоти, и изъ которыхъ многіе, какъ мы видѣли (3), и прежде довольно снисходительно относились къ семейной жизни.

Историческіе памятники того времени вполнѣ подтверждаютъ нашу мысль. Въ самомъ началѣ разсматриваемаго нами періода времени, именно въ 1829 г., с.-петербургскій митрополитъ Серафимъ донесъ св. суноду, что нѣко-

---

поименованныхъ сочиненій указано нами по рукописи историческаго словаря его, находящ. въ публ. библіотекѣ подъ № 1280—въ концѣ.

(1) Объ этихъ статьяхъ у насъ уже была рѣчь, см. вып. перв. стр. 305—309, 352—355.

(2) Катал. №№ 489, 490, 503, 525 и др.

(3) См. вып. перв. стр. 303—310, 385—390.

торыя изъ столичныхъ безпоповщинскихъ моленныхъ выхлопотали себѣ у свѣтскаго начальства право, распространенное затѣмъ и на другія моленныя, и даже—внѣ столицы — по уѣзднымъ городамъ и селамъ, — право имѣть книги, въ родѣ метрикъ, для внесенія въ нихъ, между прочимъ, „бракосочетавшихся“. И хотя св. сѵнодъ, въ силу того начала, что „браки раскольниковъ, повѣнчанные въ домахъ и часовняхъ неизвѣстными бродягами, не могутъ быть признаны за браки законные, а за сопряженія любодѣйныя“, нашелъ распоряженіе гражданской власти неправильнымъ и вреднымъ для церкви и отечества и потому постановилъ — дать знать петербургскому военному генералъ-губернатору, „не благоугодно ли будетъ ему немедленно отмѣнить оное, безъ дальнѣйшихъ о семъ предметѣ по извѣстному порядку сношеній“ (1); тѣмъ не менѣе есть основаніе думать, что и послѣ этого многіе изъ петербургскихъ безпоповцевъ не только продолжали вступать въ браки, по благословенію своихъ наставниковъ, но даже старались придавать своимъ внѣ–церковнымъ сопряженіямъ гражданскую законность—полученіемъ отъ своихъ обществъ свидѣтельствъ о повѣнчаніи, за подписью духовниковъ, или попечителей моленныхъ. Мало этого: не смотря на то, что еще указомъ св. сѵнода отъ 31 декабря 1828 г. выдача свидѣтельствъ, за подписью раскольническихъ духовниковъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта, была безусловно запрещена (2), с. петербургская Дума почему-то считала такіе раскольничьи документы законными. Въ мартѣ 1836 г. преосвящ. митрополитъ петербургскій Серафимъ увѣдомлялъ секретный совѣщательный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ, что въ началѣ этаго года много было заклю-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 229—231.
(2) Тамъ же стр. 224; снес. стр. 230.

чено браковъ между столичными поморцами, что браки эти совершались на Охтѣ раскольническими наставниками со всею торжественностію, при чемъ преосвященный указывалъ даже имена вступившихъ въ безсвященнословныя супружества безпоповцевъ, именно: извѣстныхъ купцевъ Яковлева и Семенова. Мало этого: 17 декабря того же 1836 г. купецъ Семеновъ вошелъ въ городскую Думу съ прошеніемъ, при которомъ, представя данное ему изъ общественнаго раскольничьяго дома, за подписью попечителя, купца Кузьмы Горлова, свидѣтельство въ томъ, что онъ, по обряду старообрядцевъ, сочетался законнымъ бракомъ съ дочерью купца первой гильдіи Абрама Яковлева Настасьею Абрамовой, просилъ Думу причислить ее къ его капиталу. И Дума, ничтоже сумняся, указомъ отъ 23 декабря 1836 г., предписала старостамъ купечества и члену своему Герасимову—исполнить просьбу Семенова (1).

Само собой понятно, что подобное отношеніе къ раскольничьимъ бракамъ низшихъ гражданскихъ управленій могло привлекать въ Петербургъ раскольниковъ и изъ другихъ мѣстъ — для совершенія въ столицѣ браковъ и полученія брачныхъ свидѣтельствъ. И это—тѣмъ болѣе, что само высшее правительство смотрѣло въ это время на браки петербургскихъ поморцевъ, такъ сказать, сквозь пальцы. Такъ, когда доведенъ былъ до свѣдѣнія Государя императора приговоръ петербургской уголовной палаты по дѣлу объ отставномъ канцеляристѣ Григоріи Карташевѣ, состоявшемъ въ поморской сектѣ и просившемъ развода съ женою, съ которою онъ былъ вѣнчанъ по обрядамъ своей секты, Его Величество 16 мая 1836 года Высочайше повелѣть соизволилъ: „дѣло о бракѣ Карташева съ Марьею Карповою оставить безъ дальнѣйшаго

(1) Дѣло департ. общ. дѣлъ минист. внутр. дѣлъ 1839 г. № 77, л. 101 и 110; снес. истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 398.

производства“ на томъ основаніи, что „когда не было правильнаго брака, то нѣтъ мѣста разсуждать и о разводѣ“ (1). А послѣ этого не удивительно, если, не смотря на начавшееся съ 1839 г. преслѣдованіе со стороны правительства сводныхъ браковъ между раскольниками иногородними, столичные поморцы по прежнему продолжали вступать, съ благословенія своихъ наставниковъ, въ свои безсвященнословныя сожительства и даже получать отъ нихъ свидѣтельства на свои внѣ-церковные браки. Въ 1841 г. нѣсколько такихъ свидѣтельствъ было найдено въ ладожскомъ уѣздѣ (2); а это значило, что въ Петербургѣ наставники поморскіе вѣнчали браки не только столичныхъ своихъ прихожанъ, но даже и провинціальныхъ раскольниковъ. Главная фабрикація раскольничьихъ безпоповскихъ браковъ въ Петербургѣ совершалась на Охтѣ—въ бывшей здѣсь поморской моленной. Вѣнчались ли въ это время браки въ другой поморской моленной, находившейся во 2-мъ кварталѣ литейной части (подъ № $^{32}/_{124}$), въ домѣ купца Пиккіева, на Моховой улицѣ, мы не знаемъ; но несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что въ эту часовню допускались на общую молитву и брачные поморцы; слѣдовательно здѣсь не было той нетерпимости къ брачной жизни, какою отличались ѳедосѣевскія молельни Косцова, Зеленкова и др.

Кто же въ разсматриваемое нами время совершалъ въ малоохтенской поморской часовнѣ раскольничьи браки? Г. Вишняковъ указываетъ въ этомъ случаѣ на одного петербургскаго поморскаго наставника, нѣкоего Петра Онуфріева, который, узнавъ объ успѣшной проповѣди Андреяна Сергѣева на югѣ Россіи, рѣшился поступить по его примѣру и съ этою цѣлію чрезъ своихъ адептовъ

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 215—216.
(2) Истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 398.

сталъ распространять между поморцами разныхъ мѣстъ Россіи, что ему позволено вѣнчать браки и выдавать брачныя свидѣтельства св. сунодомъ. Этотъ-то Петръ Онуфріевъ, по словамъ г. Вишнякова, и занимался въ Петербургѣ вѣнчаніемъ раскольничьихъ браковъ (1). Въ этомъ извѣстіи есть доля правды, но есть въ немъ и ошибка. Въ разсматриваемое нами время училъ и дѣйствовалъ среди петербургскихъ безпоповцевъ въ пользу брачной жизни, а равно и вѣнчалъ браки въ малоохтенской поморской моленной, не Петръ, а Павелъ Онуфріевъ, тотъ самый Павелъ Онуфріевъ Любопытный, который такъ много заботился объ интересахъ этой часовни, гдѣ онъ и жилъ нѣкоторое время (2), и о которомъ мы уже говорили выше. Помощникомъ Любопытному въ дѣлѣ брачной проповѣди былъ въ это время Карпъ Ивановъ Новосадовъ, муромскій ямщикъ, переселившійся въ Петербургъ, жившій долгое время при малоохтенской поморской часовнѣ и, подобно Любопытному, занимавшійся вѣнчаніемъ поморскихъ браковъ,—хотя Любопытный въ своемъ историческомъ словарѣ отзывается о Новосадовѣ и не очень благосклонно, быть можетъ, потому, что послѣдній занимался тою же профессіею, которая приносила столько почета автору историческаго словаря. Наконецъ въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ есть еще указаніе на какого-то петербургскаго мѣщанина Ивана Некаодова, или вѣрнѣе: Неклюдова (3), который, подобно Навосадову, слылъ въ народѣ подъ именемъ „вѣнчальника„ и

(1) Старообр. Покр. мол. стр. 25.

(2) Сборн. для истор. стар. Попова, т. II, вып. V, прилож. стр. 17 и 23.

(3) На распросы наши: кто былъ Некаодовъ, старообрядцы, знакомые намъ, отвѣчали, что о Некаодовѣ они и не слыхали, а слышали, что былъ въ Петербургѣ въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ и вѣнчалъ браки нѣкто Иванъ Неклюдовъ; значитъ, фамилія Неклюдова въ дѣлахъ минист. внутр. дѣлъ искажена, вѣроятно, переписчикомъ, какъ искажено и имя Новосадова, который названъ въ бумагахъ не Карпомъ, а Киромъ.

будто бы также, какъ и Новосадовъ, вѣнчалъ раскольничьи браки и выдавалъ отъ себя свидѣтельства о повѣнчаніи (1).

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ петербургскіе раскольники обратили на себя вниманія правительства. Дѣло началось съ одной ѳедосѣевской моленной, которая извѣстна была подъ именемъ Косцовой и въ которой, не смотря на всѣ мѣры власти, происходили разнаго рода безпорядки, даже перекрещиваніе въ расколъ православныхъ (2). По Высочайшему повелѣнію, министерство внутреннихъ дѣлъ приступило къ изученію раскола въ столицѣ и, разумѣется, на ряду съ моленной Косцова, открыло въ Петербургѣ и другіе раскольничьи притоны и въ томъ числѣ—поморскую часовню на малой Охтѣ, въ которой вѣнчались раскольничьи браки. И хотя раскольники, въ оправданіе своихъ брачныхъ сопряженій, указывали на отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору—отъ 30 января 1835 года за № 60, въ которомъ было сказано, что „раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ секты, относящіяся до вѣры, и могутъ спокойно держаться сихъ мнѣній и исполнять принятые ими обряды, какъ-то: крестить младенцевъ, совершать браки и погребеніе умершихъ“, только „безъ всякаго публичнаго оказательства ученія и богослуженія своей секты, могущаго быть соблазномъ для православныхъ“, т. е. повторена была сущность постановленій, которыя мы уже видѣли; но такъ какъ въ это время власть, по поводу усиленія между провинціальными безпоповцами сводныхъ браковъ, измѣнила свой взглядъ на раскольничьи внѣ-церковныя сопряженія, признавъ

(1) Дѣло департ. общ. дѣлъ мин. внутр. дѣлъ 1839 г. № 77, л. 56—7, 79—80.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. II, стр. 229.

ихъ „развратомъ и беззаконною жизнію“ и предписавъ „сводителей такихъ браковъ предавать суду и поступать съ ними, какъ съ совратителями“ (1), то неудивительно, что лица, которымъ было поручено изслѣдованіе раскола въ столицѣ, нашли возможнымъ—къ прекращенію безсвященнословныхъ браковъ между петербургскими безпоповцами предложить слѣдующую мѣру: „всѣ тѣ узаконенія, служащія поводомъ для раскольниковъ совершать браки, крещеніе и проч., нужно пояснить, сообразно общему духу законодательства и указу св. сѵнода отъ 14 марта 1808 года, распубликованному сенатомъ въ 1827 году, т. е. что не имѣющіе сана священническаго никогда таковыхъ требъ совершать не могутъ, и тѣмъ прекратить ссылку, дѣлаемую раскольниками на слова закона“ (2). Мы не знаемъ, были-ль приняты къ руководству министерствомъ внутреннихъ дѣлъ указанныя мѣры въ отношеніи къ безпоповцамъ столичнымъ, но знаемъ, что съ самаго начала сороковыхъ годовъ иногородніе раскольники дѣйствительно стали преслѣдоваться властію за совершеніе сводныхъ браковъ. Этого одного уже было достаточно для того, чтобы охтенскіе „вѣнчальники“ сдѣлались осторожнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. А когда въ 1840 году правительство, въ той мысли, что „примѣръ своевольства столичныхъ раскольниковъ весьма много дѣйствуетъ на ихъ собратій по губерніямъ“, рѣшилось „принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ прекращенію своеволія и безчинія раскольниковъ“ петербургскихъ, и поэтому, не ограничиваясь однѣми ѳедосѣевскими моленными, которыя считались особенно вредными, поручило министру внутреннихъ дѣлъ обратить строгое вниманіе и на другія

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 350.
(2) Дѣло деп. общ. дѣлъ мин. внутр. дѣлъ 1839 г. № 77, л. 101—111.

раскольничьи заведенія въ столицѣ (1),—вѣнчаніе въ поморскихъ часовняхъ браковъ еще болѣе затруднилось.

Впрочемъ столичные „вѣнчальники“ не упали духомъ среди такихъ обстоятельствъ. Опасаясь совершать браки въ часовняхъ, они стали вѣнчать желавшихъ вступить въ супружество въ частныхъ домахъ. Такъ поступалъ, между прочимъ, Карпъ Новосадовъ. Нанявъ себѣ квартиру въ домѣ раскольника Тарасова—нарвской части, онъ продолжалъ здѣсь совершать браки, и притомъ не только раскольниковъ столичныхъ, но и иногородныхъ, причемъ выдавалъ по прежнему и свидѣтельства о повѣнчаніи, „на основаніи дозволенія, будто бы въ сводѣ законовъ содержащагося“. Долго ли продолжалъ Новосадовъ играть роль „вѣнчальника“, мы не знаемъ; по разсказамъ старообрядцевъ, нынѣ обратившихся къ православію, въ половинѣ сороковыхъ годовъ Новосадовъ былъ арестованъ и куда-то сосланъ. Въ тоже время умеръ и Иванъ Неклюдовъ. А Павелъ Любопытный еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, опасаясь попасть въ руки полиціи, оставилъ Петербургъ, въ которомъ около 30 лѣтъ былъ самымъ ревностнымъ защитникомъ брачной жизни (2). Все это было большою потерею для петербургскихъ поморцевъ, и особенно для тѣхъ изъ нихъ, которые признавали необходимость и законность брака.

Въ скоромъ послѣ того времени постигли столичныхъ поморцевъ еще бо́льшія бѣды. Главная ихъ моленная, находившаяся въ Моховой улицѣ—въ домѣ купца Пиккіева, обратила на себя вниманіе правительства еще въ 1836 году. Домъ, въ которомъ находилась моленная, принадлежалъ прежде „именитому гражданину“ Ивану Ѳеоктистову Долгову и былъ имъ завѣщанъ Выголексинскому старо-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 381—3.

(2) Сборн. для истор. стар. т. II, вып. V, прилож. стр. 27—9.

обрядческому обществу. Правительство чрезъ 20 лѣтъ признало это завѣщаніе не законнымъ и въ 1836 году передало имѣніе Долгова его наслѣдникамъ, и именно: купчихѣ Галашевской (1), отъ которой домъ вмѣстѣ съ моленною перешелъ чрезъ покупку къ купцу Пиккіеву. Это бы еще ничего, но въ скоромъ послѣ этого времени моленная Долгова, какъ главный центръ столичнаго поморства, сдѣлалась предметомъ самаго бдительнаго вниманія власти, кончившагося тѣмъ, что въ 1847 году секретный комитетъ журналомъ, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія 18 апрѣля этого года, положилъ: „предоставить министру внутреннихъ дѣлъ имѣть въ виду закрытіе моленной въ домѣ Пиккіева и обращеніе занимаемыхъ ею комнатъ въ жилое помѣщеніе“. Съ этого времени за означенною моленною имѣлось постоянное наблюденіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ декабрѣ 1851 года, по распоряженію бывшаго министра графа Перовскаго, сдѣланъ былъ внезапный осмотръ моленной Пиккіева и произведено подробное описаніе ея. Порученіе это было исполнено на канунѣ праздника Рождества Христова, во время раскольническаго богослуженія, и потому не удивительно, что въ моленной было найдено до 500 человѣкъ молившихся разнаго пола и возраста, изъ которыхъ 127 человѣкъ показали на допросѣ, что они—православные и находились въ моленной только изъ любопытства. Это обстоятельство дало графу Перовскому поводъ къ исполненію Высочайше утвержденнаго въ 1847 году журнала секретнаго комитета о закрытіи моленной Пиккіева. 29 января 1852 года, онъ вошелъ въ секретный комитетъ съ представленіемъ, въ которомъ, объяснивъ, что закрытіе моленной Пиккіева можетъ послужить къ ослабленію безпоповщинскаго рас-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 200—203; Дѣло департ. общ. дѣлъ мин. вн. дѣлъ 1839 г. № 77, л. 77 и 104.

кола не только въ столицѣ, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ, полагалъ съ своей стороны предоставить петербургскому военному генералъ-губернатору—запечатать означенную моленную со всѣми находившимися въ ней иконами (а ихъ было 504—въ богатыхъ серебряныхъ окладахъ—съ драгоцѣнными камнями), книгами и другимъ имуществомъ,—съ тѣмъ, чтобы мѣстная полиція имѣла строгій надзоръ за цѣлостію печатей и неприкосновенностію имущества. 15-го мая 1852 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе—запечатать моленную Пиккіева, но не иначе, впрочемъ, какъ „по избраніи удобнаго времени и тогда, когда будетъ благовидный къ тому поводъ". Поводъ этотъ не замедлилъ представиться. При посѣщеніи 6 января 1853 г. моленной Пиккіева чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ—и—петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, замѣчены были въ ней признаки поправокъ: лѣса для передѣлокъ, образа, вынутые изъ иконостаса для поновленія, потолокъ главнаго отдѣленія отбѣленный, на хорахъ 6 человѣкъ рабочихъ и, кромѣ того, колоколъ. Такъ какъ возобновленіе раскольническихъ моленныхъ было запрещено еще въ 1839 году (1), а въ 1841 году послѣдовало нарочитое Высочайшее повелѣніе о снятіи съ петербургскихъ раскольническихъ часовенъ колоколовъ (2), то само собой понятно, что с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, которому поручено было запечатаніе моленной Пиккіева, счелъ себя теперь въ правѣ исполнить Высочайшую волю. И дѣйствительно 30 іюня 1854 года моленная Пиккіева была запечатана, а виновные въ нарушеніи закона были преданы суду. Впослѣдствіи времени самый видъ моленной былъ уничтоженъ, комнаты, въ которыхъ она помѣщалась, обращены въ жилое помѣщеніе,

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 338.
(2) Тамъ же стр. 387.

иконы, кресты, книги и другія богослужебныя принадлежности отданы были въ распоряженіе духовной власти— съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ „противные православію и единовѣрію“ были доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а „невредные, равно драгоцѣнности“, возвращены были тѣмъ, кому принадлежали (1).

Въ то время, какъ рѣшалась участь моленной Пиккіева, собиралась гроза и надъ другою поморскою моленною, находившеюся на малой Охтѣ. Въ 1850 году богадѣльня, находившаяся при этой часовнѣ, была подчинена вѣдѣнію попечительнаго совѣта, а завѣдываніе ею возложено на члена совѣта, сенатора Жемчужникова (2). Того же года 8 декабря Высочайше запрещено было принимать въ означенную богадѣльню на призрѣніе не только раскольниковъ, но даже и постороннихъ лицъ (3). 15-го мая 1852 года малоохтенская поморская часовня, по Высочайшему повелѣнію, была запечатана, находившіеся въ ея богадѣльнѣ призрѣваемые были переведены въ волковскую раскольничью (ѳедосѣевскую) богадѣльню, къ собственности которой были присоединены денежныя суммы и имущество означенной моленной и богадѣльни, а богослужебныя вещи, находившіяся въ нихъ, были переданы „на распоряженіе главнаго духовнаго начальства — съ тѣмъ, чтобы изъ числа иконъ, крестовъ и книгъ, противные ученію св. церкви, были доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а не вредные, составляющіе частную собственность, возвращены по принадлежности“. При этомъ предоставлено было с.-петербургскому военному генералъ-губернатору — уничтожить самую моленную послѣ того, какъ вещи изъ ней будутъ вынесены, а зданія и по-

(1) Всѣ эти свѣдѣнія взяты нами изъ дѣлъ департ. общ. дѣлъ мин. вн. дѣлъ 1839 г. № 77 и 1853 г. № $^{121}/_{67}$.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 539.

(3) Тамъ же стр. 555.

стройки передать въ вѣдѣніе попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія — „для помѣщенія, или устройства въ нихъ со временемъ какого-либо богоугоднаго заведенія“ (1). Наконецъ, 25 декабря того же 1852 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „кладбище (малоохтенское) упразднить, предоставивъ проживающимъ тамъ раскольникамъ хоронить тѣла умершихъ единомысленниковъ своихъ на волковскомъ раскольническомъ кладбищѣ, и за симъ какъ завѣдывающимъ малоохтенскимъ кладбищемъ купцу Андрееву и мѣщанину Горлову (бывшимъ попечителямъ поморской моленной), такъ и прочимъ раскольникамъ, въ просьбѣ ихъ о дозволеніи по прежнему погребать тѣла умирающихъ односектаторовъ на означенномъ кладбищѣ отказать“ (2). Впослѣдствіи времени на мѣстѣ одной изъ бывшихъ на малой Охтѣ молелень устроена единовѣрческая церковь, а зданія богадѣлень переданы были въ распоряженіе совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества (3).

При такомъ положеніи дѣлъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи о вѣнчаніи въ петербургскихъ поморскихъ моленныхъ раскольничьихъ браковъ, какъ это было прежде—въ тридцатыхъ годахъ. Мало этого: съ половины сороковыхъ годовъ, вслѣдствіе строгаго отношенія власти къ „своднымъ бракамъ“, самая роль раскольническаго „вѣнчальника“ въ столицѣ стала небезопасна. А послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, послѣ ареста Карпа Новосадова и смерти Ивана Неклюдова, не нашлось между петербургскими поморцами ни одного смѣлаго человѣка, который бы рѣшился взять на себя ихъ роль и продолжать начатое ими дѣло. За то съ какимъ

(1) Тамъ же стр. 571—2.
(2) Тамъ же стр. 578.
(3) Тамъ же стр. 608.

восторгомъ вспоминаютъ столичные поморцы не такъ давно умершую дочь Карпа Новосадова — „Марью Карповну“, которая, вѣроятно, въ силу того убѣжденія, что „съ женщины взять нечего“, рѣшилась послѣ ареста отца, разумѣется, тайкомъ, сдѣлаться раздаятельницею благословенія на брачную жизнь всѣмъ, кто хотѣлъ жить „по закону“. Что́ побудило эту замѣчательную женщину взяться за такое опасное дѣло, трудно сказать. Примѣръ отца, личное убѣжденіе въ необходимости и законности семейной жизни, желаніе играть замѣтную роль среди столичныхъ безпоповцевъ, страсть къ наживѣ безъ особенныхъ трудовъ и заботъ, наконецъ чувство мести правительству, лишившему Карпа Новосадова свободы,—всѣ эти причины вмѣстѣ и каждая порознь могли заставить Марью Карпову взяться за несвойственную ей, весьма смѣлую, но столько же и интересную, роль „вѣнчальника“ въ сарафанѣ. Конечно, не безъ недоумѣній со стороны столичныхъ безпоповцевъ вступила Новосадова въ свою странную профессію; много было пересмотрѣно и перечитано ими разныхъ сборниковъ, кормчихъ, потребниковъ и другихъ книгъ—съ цѣлію узнать, есть ли въ нихъ „древніе примѣры“, которыми можно было бы оправдать законность роли, которую взяла на себя „Марья Карповна“; и хотя подобныхъ примѣровъ не обрѣлось ни въ одной „кожаной“ книгѣ, тѣмъ не менѣе нашлись люди, которые стали обращаться къ Новосадовой за благословеніемъ на бракъ. И это не удивительно. Потребность болѣе или менѣе правильной семейной жизни чувствовалась въ это время лучшими безпоповцами такъ сильно, а между тѣмъ отвращеніе къ „внѣшнему“ (т. е. церковному) вѣнчанію поддерживалось крутыми мѣрами противъ раскола такъ настойчиво, что ревнителямъ старины не казались странностію никакія новости въ ихъ церковной практикѣ. Съ другой стороны въ

средѣ, которая „по нуждѣ“ предоставила женщинѣ право не только крестить, но и публично учить (что́ труднѣе), вѣнчаніе ею браковъ не должно было и не могло составлять явленія необычайнаго. Наконецъ, если, какъ проповѣдывали Любопытный, Новосадовъ и другіе, сущность брака состоитъ не въ вѣнчаніи пресвитерскомъ, а во взаимномъ обѣтѣ сочетавающихся—любить другъ друга цѣлую жизнь, если священникъ, вѣнчающій бракъ, есть, какъ были убѣждены многіе поморцы, не болѣе, какъ свидѣтель этого обѣта,—то не все ли равно, будетъ ли выслушивать „брачащихся глаголы, яко по любви сопрягаются“, Павелъ Любопытный, или эту роль свидѣтеля возьметъ на себя „Марья Карповна“? А къ чтенію „каноновъ“ и другихъ молитвъ, и вообще къ совершенію разныхъ церковныхъ службъ женщинами, раскольничье ухо и раскольничій глазъ давно уже привыкли. Какъ бы то ни было, только Марья Новосадова скоро пріобрѣла въ раскольничьемъ мірѣ извѣстность, а съ нею и „практику“. Къ ней стали обращаться за благословеніемъ на бракъ не только столичные поморцы, но и иногородніе безпоповцы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ безпоповецъ новоладожскаго уѣзда, рѣшившись присоединиться къ св. церкви, подалъ объ этомъ прошеніе преосвященному митрополиту, при чемъ откровенно сознался, что онъ вѣнчался у „Марьи Карповны“, что́, конечно, не мало изумило архипастыря. На распросы наши объ этомъ предметѣ, онъ сообщилъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ нарочито пріѣзжалъ въ Петербургъ для вѣнчанія, такъ какъ наставники безпоповщинскіе новоладожскаго уѣзда въ то время еще отвергали бракъ, что доступъ къ Марьѣ Новосадовой былъ не легокъ, потому что опасались, какъ бы не узнала о ея продѣлкахъ полиція, что вѣнчаніе совершалось большею частію поздно—вечеромъ,

въ квартирѣ Новосадовой, при чемъ молодые приходили въ квартиру пѣшкомъ, какъ простые знакомые; чтеніе нѣкоторыхъ молитвъ и канона и тихое пѣніе молебна— вотъ все, что́ совершала Новосадова для своихъ мнимыхъ знакомыхъ, желавшихъ вступить въ бракъ; разумѣется, за рискъ и хлопоты она получала приличное вознагражденіе. Мы не знаемъ, какъ много браковъ повѣнчала Марья Карпова, но то несомнѣнно, что не всѣ изъ петербургскихъ поморцевъ, желавшихъ вступить въ бракъ, пользовались ея услугами. Многіе, особенно богачи, привыкшіе все дѣлать на широкую руку и среди разныхъ столкновеній съ „иновѣрцами“ потерявшіе „крѣпость въ вѣрѣ“, находили неприличнымъ для себя отправляться для такого торжественнаго и важнаго въ жизни акта, каково вѣнчаніе, по образу пѣшаго хожденія и, чтобы не уронить своего денежнаго достоинства, ѣздили въ каретахъ для вѣнчанія—въ церкви единовѣрческія. Другіе поступали также изъ опасенія, чтобы изъ квартиры Новосадовой не отправиться невольно въ далекое путешествіе, только не по обычаю заморскихъ нехристей. Само собою разумѣется, что тѣ изъ столичной поморской молодежи, кои по какимъ-либо расчетамъ желали породниться съ „никоніанами“, вѣнчались даже въ церквахъ православныхъ. На долю Марьи Новосадовой приходились такимъ образомъ крупицы. Но, вѣроятно, въ силу поговорки, что курица по зернышку глотаетъ, да сыта бываетъ, и Новосадова, не смотря на свое сиротство, жила безбѣдно и прожила до 1863 года. Въ послѣдніе впрочемъ годы своей жизни она перестала вѣнчать браки и занималась чтеніемъ „каноновъ о единоумершемъ“.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Рѣшеніе вопроса о бракѣ иногородними поморцами; проповѣдь въ пользу брачной жизни одного изъ петербургскихъ поморцевъ—въ Поморьѣ; обстоятельства, благопріятствовавшія успѣху этой проповѣди: строгость власти къ выговскому общежительству, заправлявшему раскольниками олонецкой и др. губерній, и крайній развратъ его насельниковъ и насельницъ; по примѣру Поморья, и особенно столицъ, начинаютъ сознавать необходимость брака и поморцы губерній вятской, пермской, оренбургской и тобольской; отношеніе къ безсвященнословнымъ, или своднымъ, бракамъ раскольниковъ указанныхъ губерній—власти свѣтской и духовной; распространеніе сводныхъ браковъ между поморцами другихъ губерній, кромѣ вятской, пермской, оренбургской и тобольской; строгое преслѣдованіе этихъ браковъ свѣтскимъ правительствомъ; краткое изложеніе мѣръ, какія съ 1850 года употребляла свѣтская власть къ пресѣченію сводныхъ браковъ между поморцами; 9-я народная перепись; Высочайшее повелѣніе о внесеніи въ ревизскія сказки дѣтей поморцевъ подъ именемъ незаконнорожденныхъ и о причисленіи женъ ихъ къ семействамъ, къ которымъ онѣ принадлежали по рожденію; противорѣчіе этого распоряженія прежнимъ узаконеніямъ; результаты его: вѣнчаніе однихъ поморцевъ въ церквахъ единовѣрческихъ и православныхъ и подкупъ другими православныхъ причтовъ на выдачу фальшивыхъ свидѣтельствъ о повѣнчаніи.

Въ то время, какъ Павелъ Любопытный, Карпъ Новосадовъ и др. вѣнчали раскольничьи браки въ Петербургѣ, одинъ изъ насельниковъ мало-охтенской поморской богадѣльни, не довольствуясь признаніемъ законности брака со стороны нѣкоторыхъ изъ столичныхъ поморцевъ, рѣшился нанести ударъ безбрачію тамъ, гдѣ поморство всего больше рисовалось своимъ мнимымъ дѣвствомъ, т. е. въ Поморьѣ. Съ этою цѣлію въ 1835 году онъ отправляется

въ олонецкую губернію, извѣстную своимъ знаменитымъ выговскимъ раскольническимъ общежительствомъ, и начинаетъ убѣждать тамошнихъ раскольниковъ въ необходимости и законности брачной жизни (1). Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали успѣхамъ пропагандиста. Въ это время развратъ олонецкихъ поморцевъ и въ частности безпорядки въ выгорѣцкомъ монастырѣ уже обратили на себя вниманіе правительства. Въ 1836 году, какъ мы уже говорили, выговскій монастырь былъ лишенъ, по Высочайшему повелѣнію, завѣщаннаго ему петербургскимъ купцомъ Долговымъ дома и другаго недвижимаго имѣнія, и кромѣ того выголексинскимъ старообрядцамъ запрещено было называться отдѣльнымъ *обществомъ* (2). Въ томъ же году, вслѣдствіе замѣченныхъ въ выговскомъ общежительствѣ разнаго рода безпорядковъ и разврата, послѣдовало распоряженіе, между прочимъ, о томъ, чтобы олонецкій губернаторъ наблюдалъ чрезъ довѣренныхъ чиновниковъ за жилищами раскольниковъ и не допускалъ проживать у нихъ бѣглымъ и безпаспортнымъ,—чтобы одинъ изъ становыхъ засѣдателей постоянно жилъ при выгорѣцкомъ общежительствѣ и, наконецъ, чтобы крестьяне повѣнецкаго уѣзда, произвольно присвоившіе себѣ „именованіе выгорѣцкаго общежительства“, сравнены были во всемъ съ прочими казенными крестьянами, и особенно въ употребленіи излишества доходовъ отъ земель и угодій, которыми они владѣли неправильно (3). Слѣдствіемъ этого послѣдняго распоряженія было то, что выгорѣцкіе раскольники, жившіе въ лѣсныхъ участкахъ, называемыхъ па-

(1) Истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 291; по свидѣтельству покойнаго преосв. Игнатія воронежскаго, бывшаго нѣсколько лѣтъ олонецкимъ епископомъ, это было въ 1832—3 г. (Бесѣд. о мним. старообр. стр. 379).

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 291; Дѣло департ. общ. дѣлъ мин. внутр. дѣлъ 1853 г., № 67, л. 104.

(3) Собр. постан. по ч. раск. 1858 г. стр. 207—209.

шенными дворами, переселены были, въ видахъ удобнѣйшаго за ними наблюденія, въ Даниловъ и Лексу, гдѣ надѣлены были законнымъ количествомъ земли, а участки были отданы въ распоряженіе палаты государственныхъ имуществъ, при чемъ часовни раскольническія, существовавшія на пашенныхъ дворахъ, были запечатаны и заколочены (1). Въ 1837 году изданы были касательно выгорѣцкихъ общежительствъ новыя слѣдующія распоряженія: 1) наблюдать, чтобы въ раскольническихъ богадѣльняхъ были только престарѣлые и дряхлые, не могущіе трудами своими снискивать себѣ пропитаніе, чтобы безпаспортные тамъ не жили, и впредь недозволять туда принимать никого изъ людей другихъ губерній; 2) колокола съ раскольническихъ часовень, какъ принадлежности православныхъ церквей, снять и отдать въ ближайшія приходскія церкви; 3) въ часовняхъ, приходящихъ въ совершенную ветхость, не дозволять отправлять богослуженіе, въ предупрежденіе того, чтобы не произошло вреда собирающемуся въ нихъ народу; 4) на раскольническомъ кладбищѣ не дозволять быть моленной и 5) наблюдать, чтобы списанныя иконы и книги не распространялись внѣ круга жительства раскольниковъ (2), — при чемъ содержаніе богадѣленныхъ возложено было на самихъ раскольниковъ, если они не хотѣли дать въ нихъ пріюта и православнымъ (3). И хотя представленіе начальника олонецкой губерніи—1838 г.— признать мѣстныхъ поморцевъ раскольниками *вредными* для общества не было уважено по нѣкоторымъ причинамъ (4), тѣмъ не менѣе въ томъ же году запрещено было приписнымъ выгорѣцкимъ раскольникамъ Данилова и Лексы выдавать паспорты на отлучки безъ особенно уважитель-

(1) Прав. Обозр. 1866 г. ноябрь, стр. 323.
(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 244.
(3) Прав. Обозр. 1866 г. ноябрь, стр. 228.
(4) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 302—4.

ныхъ причинъ (1). Впрочемъ, такъ какъ большая часть указанныхъ постановленій не исполнялась, или исполнялась не точно и медленно (2), то неудивительно, что „выгорѣція“, не отвергая брачныхъ союзовъ своихъ единовѣрцевъ, жившихъ въ мірѣ, сама считала долгомъ, или по крайней мѣрѣ находила выгоднымъ,—рисоваться предъ всѣми своимъ дѣвствомъ. Поэтому женщины и дѣвки, жившія на Лексѣ, а число ихъ доходило въ это время до нѣсколькихъ сотъ, носили черныя рясы, на подобіе монашескихъ, и покрывались такимъ же флеромъ, и въ такой одеждѣ являлись не только въ часовни—на службу, но даже бродили по олонецкой губерніи, въ особенности по повѣнецкому уѣзду, отправляли по домамъ требы, погребали умершихъ и своимъ видомъ увлекали на путь безбрачія не только своихъ единомышленницъ по вѣрѣ, но даже православныхъ женщинъ, которыя, считаясь по росписямъ въ своихъ приходскихъ церквахъ по прежнему принадлежащими къ церкви, по прибытіи въ Даниловъ и Лексу, переходили въ расколъ и, оставаясь здѣсь, увеличивали собою число мнимыхъ дѣвственницъ. Мнимыхъ—потому, что, какъ показали разслѣдованія, рѣдкая изъ жившихъ здѣсь дѣвственницъ оставалась чистою отъ блуда. Когда въ 1838 году, по распоряженію олонецкаго губернатора, произведено было медицинское освидѣтельствованіе, тогда открылось, что изъ 40 молодыхъ дѣвицъ только одна по праву носила имя дѣвственницы; а изъ остальныхъ многія даже страдали секретною болѣзнію. Рождавшіяся дѣти отдавались на пропитаніе въ окрестныя деревни и вносились въ ревизскія сказки и метрическія книги подъ именемъ незаконнорожденныхъ, а послѣ поступали въ монастырь; случалось, что новорожденные лиша-

(1) Прав. Обозр. стр. 324 и 332.
(2) Тамъ же стр. 325—7.

лись жизни (1). Развратъ Данилова и Лексы естественно увлекалъ на путь беззаконія и раскольниковъ, жившихъ по селамъ и деревнямъ. При такихъ обстоятельствахъ петербургскому выходцу не трудно было доказать олонецкимъ раскольникамъ, что обязательное для всѣхъ дѣвство, которому учила „выгорѣція“,—гибельно по своимъ послѣдствіямъ и что для большинства бракъ составляетъ единственное условіе для избѣжанія блуда. И вотъ многіе изъ олонецкихъ раскольниковъ, соскучась развратомъ и видя въ тоже время, что за него правительство стало преслѣдовать даже „общежительство“, съ радостію услышали слово въ пользу правильной семейной жизни и стали вступать въ браки, по благословенію „учителя царствующаго града“. Когда же петербургскій проповѣдникъ брачной жизни удалился изъ олонецкой губерніи въ другія мѣста, нашелся между самими олонецкими поморцами крестьянинъ повѣнецкаго уѣзда, который сталъ совершать браки посредствомъ молебна (2). И хотя, по свидѣтельству преосв. Игнатія воронежскаго, вѣнчаніе браковъ посредствомъ молебна продолжалось въ олонецкой губерніи не долго, но важно въ настоящемъ случаѣ было то, что законность брачной жизни была признана ближайшими послѣдователями и учениками той самой „выгорѣціи“, которая съ небольшимъ сорокъ лѣтъ назадъ возстала противъ Василья Емельянова, какъ нововводителя, и вліяніе которой въ разсматриваемое нами время простиралось почти на всѣ поморскія общины. Узнавъ о принятіи брачной жизни раскольниками олонецкой губерніи, поморцы и другихъ мѣстъ Россіи могли не стѣсняться болѣе безбрачіемъ и, по примѣру повѣнецкихъ раскольниковъ, и особенно по

(1) Прав. Обозр. стр. 330 — 1 и 334; Истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 290—1; Душеп. Чтен. 1864 г., извѣст. и замѣтки, стр. 111.

(2) Бесѣд. о мним. старообр. стр. 365—6 и 374.

примѣру своихъ единовѣрцевъ столичныхъ, могли вступать въ брачные союзы (1).

И дѣйствительно мы видимъ, что въ разсматриваемое нами время между поморцами губерній вятской, пермской, оренбургской и тобольской, такъ называемые, сводные, или безсвященнословные, браки, заключавшіеся по благословенію наставниковъ, или даже только родителей, распространились и усилились до такой степени, что правительство, какъ свѣтское, такъ и духовное, вынужденнымъ нашлось обратить на этотъ предметъ самое серьезное вниманіе (2). Власть свѣтская, при первомъ извѣстіи о распространеніи въ поморской безпоповщинѣ означенныхъ губерній сводныхъ браковъ, поступила очень круто. Независимо отъ изданнаго въ 1838 г. постановленія, чтобы мѣстныя начальства не дозволяли, „такъ называемымъ, раскольническимъ наставникамъ совершать браковъ, о тѣхъ же, кои изобличены будутъ въ таковыхъ законопреступныхъ дѣйствіяхъ, немедленно доносили“ (3), правительство свѣтское сочло необходимымъ сдѣлать въ 1839 г. слѣдующее распоряженіе: „сводителей браковъ, когда они будутъ слѣдствіемъ обнаружены, предавать суду и поступать съ ними, какъ съ совратителями; сведенныхъ такимъ образомъ не признавать мужемъ и женою, а приглашать ихъ узаконить бракъ вѣнчаніемъ въ единовѣрческихъ церквахъ, гдѣ совершается служеніе по старопечатнымъ книгамъ, къ коему они привыкли, объясняя имъ, сколь для нихъ самихъ выгодно сіе дѣйствіе, согласное съ

(1) Въ послѣднее время поморцы олонецкой губерніи не только допустили бракъ, но стали даже пользоваться имъ, какъ средствомъ, къ совращенію въ расколъ православныхъ, обольщая неопытныхъ и молодыхъ сыновъ церкви своими красивыми „Палашами“ (Душеп. Чтеніе 1865 г. январь, извѣст. и замѣтки, стр. 28.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 350, 377, 448, 467 и 485; Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 247, 352, 368 и 374.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 288.

общими государственными установленіями, ибо они чрезъ то пріобрѣтаютъ спокойную жизнь, и дѣти ихъ будутъ пользоваться покровительствомъ закона“ (1). Но потому ли, что мѣстнымъ властямъ было выгоднѣе исполнять не это, а прежнія узаконенія, которыя, какъ мы видѣли, въ совершеніе раскольниками браковъ и другихъ требъ повелѣвали никому не вмѣшиваться,—потому ли, что противъ единовѣрческихъ церквей, въ которыя правительство приглашало поморцевъ вѣнчаться, не только безпоповцы, но и поповцы питали въ это время особенно сильное предубѣжденіе (2), или наконецъ потому, что, по объясненію вышеприведеннаго распоряженія, сдѣланному по поводу возникшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недоумѣній, какъ сводители браковъ подвергались отвѣтственности только въ томъ случаѣ, когда сами „открывались“ начальству, которое не имѣло права дѣлать „общихъ“ о раскольническихъ бракахъ „розысканій, обременительныхъ для него и для подчиненныхъ“, такъ и сведенные только не признавались супругами, не подвергаясь за свой безсвященнословный союзъ никакому дальнѣйшему „преслѣдованію, которое вдругъ потрясло бы многія семейства“, и притомъ не признавались супругами только тогда, „когда о нихъ дойдетъ до судебнаго мѣста“ (3), а раскольники, какъ извѣстно, умѣютъ вести свои дѣла такъ, что рѣдко возбуждаютъ „слѣдствія“,—по чему бы то ни было, только, и послѣ изданія въ 1839 г. изложеннаго выше распоряженія „о мѣрахъ къ прегражденію распространенія

(1) Тамъ же стр. 350 и 377.

(2) Причины этого нерасположенія раскольниковъ къ единовѣрію изложены были въ 1840 г. настоятелемъ старообрядческаго иргизскаго монастыря, старцемъ Силуаномъ, въ запискѣ, поданной имъ единовѣрческимъ архимандритамъ Платону и Зосимѣ; см. объ этомъ въ нашей брошюрѣ: „нѣсколько словъ о русскомъ расколѣ“, стр. 94—7.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 367—9.

сведенія между раскольниками беззаконныхъ браковъ", безсвященнословныя сопряженія между поморцами указанныхъ выше губерній не прекращались.

„Находя, что съ распространеніемъ лжеученія о сведеніи браковъ поселяются между раскольниками развратъ и беззаконная жизнь", и въ то же время не надѣясь много на привлекательную силу единовѣрія, правительство 23-го января 1845 г. „предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ прекращать тѣ дѣла о сводныхъ раскольническихъ бракахъ, по коимъ подсудимые изъявятъ согласіе на бракосочетаніе въ св. церкви" (1); а это значило, что, вмѣсто заключенія браковъ по благословенію наставниковъ, власть приглашала поморскихъ безпоповцевъ вступать въ брачные союзы съ благословенія пастырей православной церкви. И хотя еще прежде 1845 г. власть церковная, какъ увидимъ послѣ, прежнее свое узаконеніе, требовавшее отъ раскольниковъ, желавшихъ повѣнчаться въ церкви, предварительнаго присоединенія къ ней (2), отмѣнила и позволила вѣнчать не только поповцевъ, но и безпоповцевъ, безъ всякихъ ограничительныхъ условій (3); но потому ли, что это разрѣшеніе дѣлалось тайно и раскольники его не знали, или потому, что вѣнчаніе въ православныхъ церквахъ и безъ присоединенія многіе изъ заблуждающихъ находили „зазорнымъ для совѣсти", — только и послѣ 1845 года большинство поморцевъ вышеуказанныхъ губерній продолжало вступать въ браки по своимъ обрядамъ. Это упорство заблуждающихъ вызвало правительство на болѣе рѣшительныя мѣры. 15-го марта 1847 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе такого рода: „впредь до постановленія общихъ правилъ относительно

(1) Тамъ же стр. 448.
(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 241—2.
(3) Тамъ же стр. 380—1, 387—8.

сводныхъ браковъ раскольниковъ въ разрѣшеніи дѣлъ объ оныхъ руководствоваться Высочайшимъ повелѣніемъ 28-го ноября 1839 г., подвергая суду и наказанію, на основаніи 1-го пункта сего повелѣнія, только сводителей браковъ, а прочихъ, участвовавшихъ въ томъ, лицъ подчинять духовнымъ увѣщаніямъ и назиданіямъ“ (1). Это распоряженіе, подвергавшее суду и наказанію сводителей браковъ, оставляло, по видимому, въ покоѣ вступавшихъ въ сводные браки; но на самомъ дѣлѣ и послѣдніе не изъяты были отъ отвѣтственности. Того же года, мѣсяца и числа послѣдовалъ другой указъ „о мѣрахъ къ прекращенію сводныхъ браковъ“, въ которомъ повелѣвалось: „дозволить владѣльцамъ отдавать съ разрѣшенія начальника губерніи въ рекруты въ зачетъ по наборамъ крестьянъ ихъ, состоящихъ подъ судомъ за вступленіе въ сводные браки“ (2). Мѣра эта, касавшаяся сперва одной пермской губерніи, въ скоромъ времени (22 іюля 1847 г.) распространена была и на другія губерніи—тобольскую, вятскую и оренбургскую (3) — съ такимъ дополненіемъ, что за сводный бракъ имѣли право попасть въ рекруты не только вступившіе въ такой бракъ, но и прочія, участвовавшія въ томъ, лица, напр. родители сведенныхъ, свидѣтели сведенія и проч. Такія распоряженія „къ прекращенію сводныхъ браковъ“, вѣроятно, были гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ училища, которыя указомъ 15-го марта 1847 г. предписывалось учреждать въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существовали сводные браки, и которыя, разумѣется, никогда не посѣщались раскольниками, если, что сомнительно, и были учреждаемы.

Таковы были дѣйствія власти свѣтской относительно

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 467.
(2) Тамъ же стр. 468.
(3) Тамъ же стр. 485.

безсвященнословныхъ браковъ поморцевъ, находившихся въ губерніяхъ пермской, оренбургской, тобольской и вятской. Что же касается власти церковной, то она старалась и могла дѣйствовать на заблуждающихъ только путемъ убѣжденія и вразумленія. Изъ распоряженій ея, касавшихся раскольниковъ указанныхъ губерній и имѣвшихъ цѣлію прекращеніе, усилившихся между ними, сводныхъ браковъ, намъ извѣстны слѣдующія. Если лица, вступившія въ бракъ по обрядамъ поморской секты, присоединялись къ православію, св. сунодъ поручалъ мѣстному епархіальному начальству убѣждать присоединившихся „къ повѣнчанію вновь по церковному чиноположенію“ (1). Если же изъ подобной четы изъявляла желаніе присоединиться къ церкви только одна половина, а другая оставалась въ расколѣ, въ такомъ случаѣ прежній бракъ, какъ незаконный, расторгался и сторонѣ, присоединившейся къ православію, давалось право вступить въ новый бракъ съ лицемъ православнаго исповѣданія, „съ порученіемъ духовному отцу“ новоприсоединеннаго „очистить совѣсть его приличнымъ покаяніемъ“ (2). Когда нѣкоторые изъ поморцевъ вятской губерніи изъявили въ 1833 году желаніе вѣнчаться въ церквахъ православныхъ и мѣстный преосвященный увѣдомилъ объ этомъ св. сунодъ, послѣдовало со стороны его опредѣленіе, которымъ дозволялось „допускать“ раскольниковъ къ вѣнчанію въ православныхъ церквахъ, но не иначе, какъ послѣ предварительнаго присоединенія ихъ къ православію „установленнымъ образомъ“ (3), хотя еще въ 1777 году св. сунодомъ было разрѣшено вѣнчать раскольниковъ въ православныхъ церквахъ безъ всякихъ ограниченій, „по довольномъ только

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 247.

(2) Тамъ же стр. 368—370, 531—2; снес. собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 331.

(3) Собр. постан. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 254—6.

о обращеніи ихъ отъ расколу увѣщаніи“ (1). Само собою разумѣется, что ограниченіе, съ какимъ церковная власть дозволяла приходскимъ священникамъ вятской губерніи вѣнчать раскольничьи браки, не ведя ни къ чему доброму, только усиливало распространеніе между вятскими поморцами безсвященнословныхъ браковъ. И дѣйствительно въ сентябрѣ 1840 года вятскій преосвященный доносилъ св. сѵноду, что въ „мясоястіе по Рождествѣ Христовѣ того года между раскольниками поморской секты, въ нолинскомъ уѣздѣ, заключено было весьма много брачныхъ сопряженій со всею торжественностію, соблюдаемою въ подобныхъ случаяхъ православными крестьянами“. При этомъ преосвященный спрашивалъ св. сѵнодъ: „можно ли, въ случаѣ согласія раскольниковъ на браковѣнчаніе въ единовѣрческой церкви, допустить сіе безъ присоединенія ихъ къ оной по чиноположенію, предоставивъ будущему времени сближеніе ихъ съ нею“. Въ разрѣшеніе такого представленія, св. сѵнодъ далъ знать преосвященному секретнымъ указомъ отъ 23 сентября того же года, что „приходскіе священники его епархіи могутъ и должны убѣждать раскольниковъ, при удобныхъ случаяхъ, освящать таинство браковъ своихъ вѣнчаніемъ въ единовѣрческихъ церквахъ и, въ случаѣ согласія ихъ на то, совершать надъ ними браковѣнчаніе, не простирая къ нимъ дальнѣйшихъ требованій“ (2). Дано было знать „секретнымъ указомъ“, вѣроятно, потому, что въ Высочайшемъ повелѣніи 28-го ноября 1839 года было сказано только о томъ, чтобы приглашать раскольниковъ узаконять ихъ браки вѣнчаніемъ въ единовѣрческихъ церквахъ, а о томъ, требовать ли отъ нихъ при этомъ присоединенія къ единовѣрію, или не требовать, не было сказано ни слова, да и

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 694.
(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 374.

послѣ вопросъ этотъ свѣтская власть упорно обходила [1] до самаго 1847 года [2]. Въ томъ же 1840 году разрѣшеніе вѣнчать раскольниковъ поморской секты въ единовѣрческихъ церквахъ, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ единовѣрію, дано было св. сѵнодомъ преосвященнымъ пермскому и оренбургскому [3]. А когда въ 1841 году преосвященный вятскій, вслѣдствіе безуспѣшности сдѣланныхъ имъ, на основаніи указа св. сѵнода отъ 23 сентября 1840 г., увѣщаній раскольникамъ о совершеніи ими браковъ въ церквахъ единовѣрческихъ, испрашивалъ у св. сѵнода разрѣшенія на браковѣнчаніе раскольниковъ въ церквахъ православныхъ, безъ отобранія отъ нихъ узаконенныхъ обязательствъ быть „твердыми въ правовѣріи и съ раскольниками согласія не имѣть“, св. сѵнодъ, въ разрѣшеніе сего представленія, далъ знать преосвященному секретнымъ приказомъ, отъ 14 мая того же 1841 года, *для собственнаго его руководства*, что, въ предотвращеніе самочинныхъ и беззаконныхъ сопряженій между раскольниками, онъ можетъ допустить вѣнчаніе, по ихъ требованіямъ, въ православныхъ церквахъ, на тѣхъ основаніяхъ, какія изъяснены въ указѣ св. сѵнода отъ 23 сентября 1840 года (т. е. безъ присоединенія), не давая однакоже гласности сему разрѣшенію и обязавъ духовенство соблюдать, по возможности, всѣ предбрачныя предосторожности и вносить брачущихся въ особенныя для подобныхъ браковъ метрическія тетради [4]. И хотя представленіе вятскаго преосвященнаго св. сѵноду было вызвано просьбою о повѣнчаніи въ церкви православной, безъ присоединенія къ ней, раскольниковъ—*поповцевъ*, тѣмъ

[1] Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 385—6.

[2] Тамъ же стр. 502.

[3] Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 383 — 4; снес. собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 403—4.

[4] Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 381.

не менѣе можно думать, что разрѣшеніе св. сунода простиралось и на раскольниковъ – *безпоповцевъ*; такъ какъ, по суду церковной власти, внѣ-церковные браки тѣхъ и другихъ раскольниковъ — одинаково беззаконны и браки поморцевъ, если они заключались въ церкви православной, хотя бы безъ предварительнаго присоединенія къ ней вѣнчавшихся, не расторгались св. сунодомъ и въ прежнее время—въ той мысли, что вѣнчавшіеся подобнымъ образомъ безпоповцы „не только дѣлались участниками церковныхъ молитвъ, при семъ таинствѣ совершаемыхъ, но и сближались съ истинными христіанами“ (1). Впрочемъ недоумѣнія, по поводу приведеннаго указа св. сунода, если и могли возникнуть, за то не могли продолжаться далѣе 1842 г. Когда въ этомъ году оренбургскій преосвященный, изъяснивъ въ рапортѣ своемъ св. суноду, что раскольники челябинскаго уѣзда, города Стерлитамака, на убѣжденія приходскихъ священниковъ освящать браки свои вѣнчаніемъ въ единовѣрческихъ церквахъ, изъявили желаніе узаконять оные въ православныхъ, испрашивалъ на это разрѣшенія св. сунода, присовокупивъ при этомъ, 1) что большая часть раскольниковъ противъ совершенія православными священниками бракосочетанія надъ взрослыми не имѣла и не имѣетъ предубѣжденія, 2) что иные живутъ отъ единовѣрческихъ церквей въ разстояніи 300 верстъ и болѣе, 3) что раскольники, заимствуясь христіанскими требами отъ православныхъ священниковъ, вслѣдствіе убѣжденій послѣднихъ, часто входятъ въ совершенное общеніе съ св. церковію, и наконецъ 4) что раскольники держатся нелѣпыхъ заблужденій не столько потому, что ими совершенно связана ихъ совѣсть, сколько потому, что ихъ гордости льститъ самоуправство, — св. сунодъ и ему, также, какъ преосвященному вятскому, далъ

(1) Тамъ же стр. 101—3.

знать секретнымъ указомъ, для собственнаго его руководства, что, въ предотвращеніе самочинныхъ и беззаконныхъ сопряженій между раскольниками, онъ можетъ допустить вѣнчаніе ихъ въ православныхъ церквахъ на тѣхъ основаніяхъ, какія изъяснены въ указѣ св. сунода къ нему, преосвященному, отъ 23 декабря 1840 г. за № 77 (т. е. не требуя отъ раскольниковъ предварительнаго присоединенія къ церкви), не давая однакоже гласности сему разрѣшенію и обязавъ духовенство соблюдать, по возможности, всѣ предбрачныя предосторожности и вносить брачущихся въ особенныя для подобныхъ браковъ тетради (1). Здѣсь не сказано прямо, какіе раскольники больше желали вѣнчаться въ православныхъ, чѣмъ единовѣрческихъ, церквахъ; но, имѣя въ виду то обстоятельство, что разрѣшеніе вѣнчаться въ единовѣрческихъ церквахъ было дано оренбургскимъ раскольникамъ – *безпоповцамъ*, вступавшимъ въ, такъ называемые, сводные браки (2), необходимо допустить, что и позволеніе вѣнчаться въ церквахъ православныхъ было дано св. сунодомъ имъ же. Замѣчательна осторожность, съ какою св. сунодъ давалъ епархіальнымъ архіереямъ разрѣшеніе вѣнчать раскольниковъ въ православныхъ церквахъ — безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ православію. Указы даются преосвященнымъ только „для ихъ собственнаго руководства“, и притомъ съ оговоркой—„не предавать ихъ гласности“, и самые браки повелѣвалось записывать не въ общія метрики, а въ особыя тетради. Но эта осторожность объясняется тѣмъ, что позволеніе вѣнчать раскольниковъ въ православныхъ церквахъ, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ церкви, съ одной стороны противорѣчило прежде изданнымъ распоряже-

(1) Тамъ же стр. 387—8.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 305, 317 и 448.

ніямъ по этому вопросу, и особенно указамъ 31 мая 1772 г. и 21 марта 1736 г., которые подтверждались въ 1830 (1) и даже въ 1833 г. (2),—съ другой—было несогласно со взглядомъ на этотъ предметъ свѣтской власти, которая предписывала, чтобы раскольники, вступающіе между собою въ бракъ и желающіе вѣнчаться въ православной церкви, были обязываемы, предъ вѣнчаніемъ, „пребывать въ православіи твердыми и съ раскольниками согласія не имѣть“ (3). Простиралось ли секретное разрѣшеніе св. сѵнода—вѣнчать поморцевъ въ православной церкви, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ православію, и на епархіи пермскую и тобольскую, въ которыхъ также, какъ въ губерніяхъ вятской и оренбургской, особенно усилились въ разсматриваемое нами время сводные браки,—мы не знаемъ; но, судя по тому, что такое разрѣшеніе давалось св. сѵнодомъ только вслѣдствіе особенныхъ представленій мѣстныхъ епархіальныхъ начальниковъ, признававшихъ подобную мѣру необходимою по мѣстнымъ условіямъ, можно думать, что указанное распоряженіе не составляло общей мѣры къ прекращенію сводныхъ браковъ во всѣхъ означенныхъ губерніяхъ, а ограничивалось только епархіями вятскою и оренбургскою; хотя, какъ мы видѣли, позволеніе вѣнчать раскольниковъ, безъ присоединенія, въ церквахъ единовѣрческихъ было дано св. сѵнодомъ и преосвященному пермскому и даже, кажется, тобольскому (4), хотя послѣднему дано было такое разрѣшеніе властію свѣтскою. Наконецъ послѣднее распоряженіе церковной власти относительно безсвященнословныхъ браковъ поморцевъ, усилившихся въ царствованіе императора Николая въ указанныхъ выше губерніяхъ,

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 242.
(2) Тамъ же стр. 254—6.
(3) Тамъ же стр. 383.
(4) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 350, снес. стр. 502.

относится къ 1851 г. и состояло въ томъ, что св. сѵнодъ былъ вынужденъ въ это время умѣрять ревность нѣкоторыхъ епархіальныхъ начальствъ, нехотѣвшихъ сводные браки поморцевъ называть даже браками и усвоявшихъ имъ самыя странныя наименованія, въ родѣ: сводной случки, сводной связи, своднаго союза блуда, своднаго разврата (1).

Мы не имѣемъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы опредѣлить, на сколько достигало цѣли распоряженіе св. сѵнода—о вѣнчаніи раскольниковъ въ церквахъ православныхъ, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ православію,—распоряженіе, вызванное тѣмъ обстоятельствомъ, что раскольники не хотѣли вѣнчаться въ церквахъ единовѣрческихъ; но знаемъ, что и послѣ этого распоряженія церковной власти многіе поморцы, напр., вятской губерніи, вступали въ сожительство съ избранными ими женщинами безъ всякаго браковѣнчанія, и при этомъ нерѣдко брали себѣ въ сожительство дѣвицъ, рожденныхъ и воспитанныхъ въ православіи и единовѣріи. Мало этого: указанное распоряженіе власти не встрѣчало себѣ сочувствія даже въ нѣкоторыхъ начальникахъ тѣхъ епархій, которыхъ оно касалось. Такъ относился къ нему, напр., покойный вятскій преосвященный Елпидифоръ, которому хотѣлось, чтобы „раскольникамъ, согласившимся принять таинство брака по чину церковному, преподавалось оное не иначе, какъ съ обязательствомъ присоединиться къ св. церкви и дѣтей воспитывать въ православіи, или единовѣріи“; и который даже заявлялъ (въ 1852 г.) о своемъ желаніи св. сѵноду, разумѣется, не согласившемуся съ мнѣніемъ преосвященнаго (2).

Все, что́ мы говорили доселѣ о распространеніи въ

(1) Собр. постан. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 498—500.
(2) Тамъ же стр. 514—517.

поморской безпоповщинѣ брачной жизни и о мѣрахъ власти противъ безсвященнословныхъ браковъ раскольническихъ, относится къ губерніямъ: пермской, тобольской, оренбургской и вятской. Но это были не единственныя мѣстности, гдѣ въ разсматриваемое нами время было принято поморцами и осуществлялось на дѣлѣ ученіе Покровской часовни о необходимости и законности брака. Такъ, или иначе, т. е. съ благословенія наставниковъ, или только родителей, или даже съ благословенія пастырей православной церкви, вступали въ это время въ брачные союзы и поморцы другихъ губерній, и даже въ немаломъ числѣ. Такъ изъ указа 11 марта 1838 года, которымъ предписывалось начальству тульскаго завода „наблюдать, чтобы, такъ называемые, раскольничьи наставники не совершали браковъ“ (1), видно, что между тульскими безпоповцами были въ это время лица, которыя вступали въ браки, по благословенію своихъ наставниковъ. А поморцы костромской губерніи брали себѣ въ жены дѣвокъ съ согласія только родителей, отъ чего назывались „самокрутами“, и поступали такъ, по примѣру своихъ единовѣрцевъ вятской губерніи (2). Изъ Высочайшаго повелѣнія 16-го ноября 1847 года —„въ видѣ временной мѣры, впредь до постановленія общихъ правилъ о раскольничьихъ бракахъ, распространить и на черниговскую епархію силу Высочайшаго повелѣнія 28 ноября 1839 года“ о сводныхъ бракахъ раскольниковъ тобольской и пермской губерній, можно заключить, что и поморцы черниговской губерніи прилагали къ дѣлу ученіе Сергѣева, Любопытнаго и др. и вступали въ, такъ называемые, сводные, или безсвященнословные, браки (3). Были и такіе примѣры, что нѣкото-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 288.
(2) Кельсіев. вып. II, стр. 19; вып. IV, стр. 300.
(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 502; снес. стр. 549.

рые поморцы черниговской губерніи вѣнчались даже у бѣглыхъ поповъ (1). На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, можно думать, что нѣкоторые и изъ саратовскихъ поморцевъ признали въ это время семейную жизнь необходимою и законною (2), хотя большинство, отвергая бракъ, считалось дѣвственниками, понимая подъ дѣвствомъ право—имѣть связь съ цѣломудренною дѣвицею, до прижитія съ нею ребенка, и потомъ бросать ее, чтобы брать на ложе новую—дѣвственную же (3). Въ подольской губерніи, какъ видно изъ дѣла старообрядца города Литина Устина Шумскаго, также были безпоповцы, которые обзаводились семьей, хотя и на незаконныхъ началахъ (4). Тѣ же явленія происходили въ губерніяхъ: симбирской и самарской; здѣсь поморцы вступали въ браки по благословенію родителей (5). Въ землѣ войска донскаго многіе поморцы, или, какъ сказано въ запискѣ, внесенной (въ 1841 году) въ секретный комитетъ покойнымъ графомъ Клейнмихелемъ, „раскольники безпоповщинской секты“, также вступали въ браки, и притомъ нѣкоторые вѣнчались въ православныхъ церквахъ—чрезъ православныхъ священниковъ, и даже—безъ предварительнаго присоединенія къ церкви (6), хотя свѣтская власть и была недовольна такимъ порядкомъ вещей. Въ 1842 г. были получены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ генералъ-губернатора восточной сибири свѣдѣнія, что въ Забайкальскомъ краѣ было заключено раскольниками болѣе 800 сводныхъ браковъ „безъ всякаго порядка и чина“, которые притомъ, согласно за-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 509—512.

(2) Тамъ же стр. 251; снес. стр. 328.

(3) О раск. въ саратовской губ., рукоп. библ. покойнаго митроп. Григорія, стр. 13—14.

(4) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 341—3.

(5) Истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 543.

(6) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 382—3.

ключенію иркутскаго секретнаго совѣщательнаго комитета, были оставлены безъ судебнаго преслѣдованія (1). А въ архангельской губерніи многіе безпоповцы поморскаго толка вступали въ браки не только между собою, но даже съ лицами православнаго исповѣданія, и притомъ не только свѣтскими, но и духовными, при чемъ раскольники, разумѣется, вѣнчались въ православныхъ храмахъ, иногда послѣ предварительнаго присоединенія къ церкви, большею частію неискренняго, а иногда и безъ присоединенія (2),— вопреки указу св. сунода отъ 7 августа 1836 года, которымъ требовалось, чтобы „браки раскольниковъ съ православными лицами совершаемы были въ православной церкви православными священниками не прежде, какъ по совершенномъ присоединеніи раскольническаго лица къ православію“ (3). Подобные же смѣшанные браки заключались и въ другихъ мѣстахъ (4); а нѣкоторые изъ безпоповцевъ хотя вступали въ браки съ лицами, принадлежавшими къ православію или единовѣрію, но вѣнчались не въ православныхъ, или единовѣрческихъ, церквахъ, а въ своихъ домахъ и часовняхъ, при посредствѣ своихъ наставниковъ, „безъ всякаго чина и порядка“, по выраженію одной оффиціальной бумаги (5).

Само собою разумѣется, что всѣ указанныя безпорядочныя явленія, совершавшіяся въ безпоповщинскомъ расколѣ поморскаго толка, такъ, или иначе, дѣлались извѣстными власти; а когда, съ начала сороковыхъ годовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшилось, для изученія рас-

(1) Тамъ же стр. 385—6.

(2) Тамъ же стр. 359—361; снес. стр. 474.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 185 и 219; снес. Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 383.

(4) Истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 554; Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 166—7; Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 382.

(5) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 185; Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 385—6.

кола, разсылать по губерніямъ своихъ чиновниковъ,—объ усиленіи въ поморской безпоповщинѣ брачныхъ союзовъ въ разныхъ формахъ и видахъ правительство стало получать свѣдѣнія болѣе подробныя и обстоятельныя, которыя, наконецъ, убѣдили его, что, такъ называемые, сводные браки раскольниковъ не составляли какой-либо особенности губерній: вятской, пермской, оренбургской и тобольской, а были обыкновеннымъ въ то время явленіемъ во всѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ существовалъ поморскій расколъ, и что, слѣдовательно, независимо отъ „временныхъ мѣръ", которыми власть до того времени старалась остановить усиленіе въ безпоповщинѣ незаконныхъ брачныхъ союзовъ и которыя состояли въ томъ, что позволеніе—вѣнчать раскольниковъ въ единовѣрческихъ церквахъ, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ единовѣрію, распространено было и на нѣкоторыя другія губерніи, кромѣ вышеуказанныхъ, напр., на черниговскую и новочеркасскую (1),—необходимы еще *общія* постановленія къ ограниченію зла. Какія же общія правила издало правительство — съ цѣлію пресѣчь по возможности, такъ называемые, сводные раскольничьи браки, усилившіеся въ разсматриваемое нами время между поморцами почти всѣхъ губерній? Правилъ этихъ было немного, но за то они были очень суровы.

Въ 1850 году назначена была 9-я народная перепись. Когда, при производствѣ этой переписи, „возникъ со стороны нѣкоторыхъ начальниковъ губерній вопросъ о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ записывать въ ревизскія сказки женщинъ, вступившихъ съ раскольниками въ браки по обрядамъ ихъ сектъ, и дѣтей, прижитыхъ въ таковыхъ бракахъ",—Государь императоръ, 10-го іюня 1850 года,

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 502; Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 383—4.

Высочайше повелѣть соизволилъ слѣдующее: „женъ и дѣтей раскольниковъ, пріемлющихъ священство, показывать таковыми въ ревизскихъ сказкахъ, на основаніи полицейскихъ свидѣтельствъ, или обывательскихъ книгъ, не требуя въ семъ случаѣ другихъ доказательствъ о дѣйствительности браковъ тѣхъ женщинъ и о законности происхожденія дѣтей ихъ; въ отношеніи раскольниковъ безпоповщинской секты, кои бракъ вовсе отвергаютъ и имѣютъ дѣтей, прижитыхъ внѣ брака, то таковыхъ дѣтей, на основаніи тѣхъ же полицейскихъ свидѣтельствъ, или обывательскихъ книгъ, показывать по ревизіи въ семействахъ раскольниковъ *незаконнорожденными*, а матерей ихъ, по случаю отверженія ими брака, женами раскольниковъ безпоповщинской секты *не записывать*, но вносить въ списки тѣхъ семействъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ по рожденію“ (1). Что постановленіе это имѣло въ виду не только ѳедосѣевцевъ, отвергавшихъ брачную жизнь, но и поморцевъ, вступавшихъ въ, такъ называемые, сводные браки,— и даже преимущественно послѣднихъ, это видно изъ того, что распоряженіе о непризнаніи женщинъ, сожительствовавшихъ съ ѳедосѣевцами безъ всякихъ формальныхъ договоровъ, женами и дѣтей ихъ законными было сдѣлано еще въ 1846 и затѣмъ повторено въ 1847 году (2). Съ другой стороны, когда, при исполненіи Высочайшаго повелѣнія 10 іюня 1850 года, возникъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вопросъ, какъ показывать по 9-й народной переписи сожительницъ раскольниковъ безпоповщинской секты, „которыя по 8-й ревизіи были показаны въ семействахъ названныхъ мужей своихъ женами ихъ“,—а такъ записаны были по преимуществу жены поморцевъ,—8-го декабря того же 1850 года послѣдовало новое Высочайшее

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 537—8.
(2) Тамъ же стр. 461 и 492—3.

повелѣніе, которымъ „всѣхъ женщинъ, блудно жившихъ съ раскольниками безпоповщинскаго толка, опредѣлено было вносить въ сказки 9-й переписи на точномъ основаніи повелѣнія 10-го іюня 1850 года, т. е. не записывая женщинъ сихъ женами сказанныхъ раскольниковъ, вносить ихъ въ списки тѣхъ семействъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ по рожденію“ (1). Предположенію нашему, что Высочайшее повелѣніе 10-го іюня 1850 года простиралось и на поморцевъ, по видимому, противорѣчитъ то обстоятельство, что въ немъ рѣчь идетъ о раскольникахъ безпоповщинской секты, „кои бракъ вовсе отвергали“, между тѣмъ какъ о поморцахъ правительство до 1850 года выражалось, что они „пріемлютъ бракъ“ (2), или по крайней мѣрѣ „не совсѣмъ отвергаютъ“ его (3), и на этомъ основаніи считало ихъ не *особенно* вредными, какими признавало ѳедосѣевцевъ, а только просто вредными (4); мало этого: въ 1839 году правительство прямо заявило, что, по его суду, „незаконнорожденными признаются дѣти, рожденныя отъ лицъ женскаго пола, не сожительствующихъ мужу по правиламъ своего вѣрованія“ (5), между тѣмъ какъ жены поморцевъ сожительствовали своимъ мужьямъ по правиламъ своихъ вѣрованій, такъ какъ вступали съ ними не въ блудъ, а въ бракъ, только безсвященнословный—„по обрядамъ своей секты“,—и слѣдовательно считать дѣтей поморцевъ незаконнорожденными значило противорѣчить прежде изданнымъ постановленіямъ. Но подобныхъ противорѣчій въ дѣйствіяхъ власти относительно заблуждающихъ въ прошлое время было не мало, и они показываютъ только то, что правительство до самаго по-

(1) Тамъ же стр. 550.
(2) Тамъ же стр. 66 и 410.
(3) Тамъ же стр. 247.
(4) Тамъ же стр. 302—3 и 410.
(5) Тамъ же стр. 343.

слѣдняго времени въ отношеніяхъ своихъ къ раскольникамъ дѣйствовало, по собственному его признанію, не на основаніи какихъ либо *точныхъ* началъ и строго опредѣленной системы (1), а примѣнительно къ обстоятельствамъ, и поэтому большею частію прибѣгало къ, такъ называемымъ, „временнымъ мѣрамъ“ (2), которыя потомъ и отмѣняло, если видѣло, что онѣ не приносятъ ожидаемой пользы. Такъ поступила власть и въ настоящемъ случаѣ. Признавъ—и справедливо,—что безсвященнословные браки поморцевъ—лучше и чище безбрачнаго разврата ѳедосѣевцевъ, она даетъ первымъ право вступать въ сожительства „по обряду своей ереси“, запрещаетъ мѣстнымъ властямъ вмѣшиваться въ это дѣло и даже позволяетъ записать женъ и дѣтей поморцевъ въ ревизскія сказки, во время 8-й народной переписи, какъ законныхъ. А потомъ, когда поморцы, пользуясь этою снисходительностію правительства, стали вступать въ браки по обрядамъ своихъ вѣрованій „со всею торжественностію, соблюдаемою въ подобныхъ случаяхъ православными крестьянами“ (3), или другими словами: „гласно“, чего правительство не позволяло (4), и притомъ нерѣдко ссылались въ защиту своихъ дѣйствій на слова закона,—власть измѣнила свой взглядъ на безсвященнословные брачные союзы поморцевъ и, признавъ въ нихъ „развратъ и беззаконную жизнь“ (5), нашла нужнымъ принять противъ сводныхъ браковъ мѣры—сперва временныя и различныя для разныхъ губерній, а затѣмъ и общія, состоявшія въ томъ, что брачившіеся по своимъ обрядамъ поморцы сравнены были съ отвергавшими бракъ ѳедосѣевцами. Какъ бы, впрочемъ, ни было,

(1) Тамъ же стр. 245 и 343.
(2) Тамъ же стр. 502.
(3) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 374.
(4) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 161, 378 и др.
(5) Тамъ же стр. 350.

только съ 1850 года жены поморцевъ были лишены этого названія и дѣти ихъ признаны незаконнорожденными. И это распоряженіе власти простиралось не на тѣхъ только поморцевъ, кои вступили въ безсвященнословныя супружества послѣ того, какъ правительство объявило себя противъ подобныхъ союзовъ, т. е. послѣ 1839 года, но и на тѣхъ, коихъ сводные браки были заключены прежде, когда власть позволяла раскольникамъ вѣнчаться по своимъ обрядамъ, и коихъ жены и дѣти, по 8-й ревизіи, причислены были къ семействамъ своихъ мужей и отцевъ, какъ законныя. И хотя распоряженіе 10 іюня 1850 года было несогласно съ прежде изданными узаконеніями, тѣмъ не менѣе власть очень настойчиво требовала его исполненія, уполномочивая начальниковъ губерній, въ случаѣ, если бы раскольники вышли изъ повиновенія, „принимать противъ нихъ надлежащія мѣры“ (1). А это значило, что расчитывать теперь заблуждающимъ на снисходительность мѣстныхъ начальствъ было неудобно. Что же оставалось дѣлать поморцамъ при такихъ обстоятельствахъ? Тѣмъ, которые уже находились въ сводныхъ бракахъ, оставалось одно изъ двухъ: или, скрѣпя сердце, подчиняться правительству и, по его указанію, узаконять свои браки вѣнчаніемъ въ церквахъ православныхъ и единовѣрческихъ, такъ какъ, по Высочайшему повелѣнію 8 декабря 1850 г., „дѣти тѣхъ сектаторовъ, кои повѣнчаются въ св. церкви и дадутъ обязательство воспитывать ихъ въ правилахъ истинной вѣры, признавались законными безъ различія, рождены-ли они были до вѣнца, или послѣ“ (2), — или, не вѣнчаясь вновь,—присоединяться вмѣстѣ съ дѣтьми къ православію, или единовѣрію, такъ какъ 15 мая 1852 г. было Высочайше повелѣно — принять на будущее время

(1) Тамъ же стр. 546.
(2) Тамъ же стр. 552.

за правило, „что ежели раскольникъ безпоповщинской секты, живущій съ своею единомысленницею безъ брака и прижившій съ нею дѣтей, приметъ православіе, или единовѣріе, и съ нимъ вмѣстѣ присоединятся нѣкоторыя изъ дѣтей *его*, хотя бы сожительствующая съ нимъ женщина и другія дѣти оставались въ расколѣ, или ежели раскольница той же секты, живущая съ раскольникомъ оной безъ брака и прижившая съ нимъ дѣтей, обратится въ православіе, или единовѣріе, и съ нею присоединятся нѣкоторыя изъ *ея* дѣтей, хотя бы сожительствующій съ нею раскольникъ и другія дѣти оставались въ расколѣ, то въ сихъ случаяхъ дѣтей обратившагося въ св. вѣру раскольника, или раскольницы, которыя съ ними присоенятся къ св. церкви, признавать законными“ (1). Было, впрочемъ, и еще средство дѣтямъ поморцевъ и всѣхъ вообще безпоповцевъ, рожденнымъ въ сводныхъ бракахъ, пріобрѣсть названіе и права законныхъ дѣтей. Это средство состояло въ обращеніи ихъ къ церкви, помимо воли родителей, или даже „по смерти одного, или обоихъ родителей“ (2), хотя неизвѣстно, могли-ль они въ этомъ случаѣ дѣлаться наслѣдниками имѣнія родительскаго, такъ какъ, по прежнимъ постановленіямъ, дѣти раскольниковъ, присоединившіяся къ православію, могли получить родительское достояніе только съ согласія на это родителей (3). Что же касается *женъ* поморцевъ, жившихъ въ сводныхъ бракахъ, то о нихъ не было издано особыхъ постановленій, которыми бы опредѣлялись условія, необходимыя для признанія ихъ законными женами, — такъ, что напр. неизвѣстно, считалась-ли законною женою женщина, сводный мужъ которой съ дѣтьми присоединялся къ церкви

(1) Тамъ же стр. 567—8; снес. стр. 574.
(2) Тамъ же стр. 567.
(3) Тамъ же стр. 168—9.

и которая сама оставалась въ расколѣ и продолжала сожительствовать съ своимъ прежнимъ другомъ, или на оборотъ—признавалась-ли законною женою поморца сожительствовавшая съ нимъ безъ повѣнчанія женщина, обратившаяся затѣмъ въ православіе, или единовѣріе. Впрочемъ, такъ какъ женщины, находившіяся въ безбрачномъ сожитіи съ раскольниками, отъ непризнанія ихъ незаконными теряли немного, такъ какъ, съ другой стороны, не смотря на приписку ихъ къ семействамъ, къ которымъ онѣ принадлежали по рожденію, жить имъ позволено было при мужьяхъ (1), то недостатокъ точныхъ и опредѣленныхъ постановленій объ этомъ предметѣ не могъ быть особенно ощутителенъ.

Наконецъ, что касается поморцевъ, которые до Высочайшаго повелѣнія 10 іюня 1850 года, не были женаты и желали бы обзавестись семьей уже послѣ, то имъ, если они не хотѣли подвергаться разнаго рода непріятностямъ и лишать дѣтей своихъ правъ и преимуществъ, какими пользуются законнорожденныя дѣти, не оставалось ничего болѣе, какъ вѣнчаться въ церквахъ православныхъ, или единовѣрческихъ. На какихъ условіяхъ съ 1850 года поморцы могли вѣнчаться у православныхъ и единовѣрческихъ священниковъ, т. е. послѣ предварительнаго присоединенія ихъ къ церкви, или безъ присоединенія,—мы не знаемъ. Судя по тому, что тѣмъ изъ нихъ, кои узаконяли свои прежніе сводные браки благословеніемъ церкви, позволено было вѣнчаться безъ присоединенія,—иначе не для чего было бы брать отъ нихъ „обязательство воспитывать дѣтей въ правилахъ истинной вѣры“, — что вѣнчаться въ церквахъ единовѣрческихъ, безъ предварительнаго присоединенія къ церкви, дозволено было поморцамъ свѣтскимъ правительствомъ еще въ

(1) Тамъ же стр. 551.

1847 (1), или даже въ 1841 г. (2), что наконецъ нѣкоторые епархіальные начальники уже послѣ 1850 года входили въ св. сунодъ съ представленіями о томъ, чтобы „раскольникамъ, согласившимся принять таинство брака по чину церковному, преподавать оное не иначе, какъ съ обязательствомъ присоединиться къ св. церкви и дѣтей воспитывать въ православіи, или единовѣріи“, и представленія эти не были уважены церковною властію (3), можно думать, что и поморцамъ, вступавшимъ въ браки послѣ 1850 г., было дозволено вѣнчаться въ православныхъ, или единовѣрческихъ, церквахъ безъ всякихъ ограниченій. Имѣя же въ виду то обстоятельство, что, какъ показали послѣдствія, цѣлію правительства, издавшаго постановленіе о незаконности женъ и дѣтей поморцевъ, жившихъ въ сводныхъ бракахъ, было не столько то, чтобы этимъ заставить ихъ только вѣнчаться въ православныхъ церквахъ, сколько то, чтобы побудить ихъ совершенно обратиться къ православію (4), что, разрѣшая въ прежнее время вѣнчать раскольниковъ въ единовѣрческихъ церквахъ безъ присоединенія, правительство свѣтское въ то же время требовало—при вѣнчаніи раскольниковъ въ церквахъ православныхъ—брать отъ нихъ обязательство „предъ вѣнчаніемъ—пребывать въ православіи твердыми и съ раскольниками согласія не имѣть“ (5),— можно думать, что неопредѣленность, съ какою правительство приглашало въ 1850 году поморцевъ и другихъ раскольниковъ къ вѣнчанію въ православныхъ церквахъ, была допущена не безъ намѣренія. Какъ бы впрочемъ ни было, только, повторимъ еще, поморцамъ, желавшимъ

(1) Тамъ же стр. 502.
(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 383—4.
(3) Тамъ же стр. 514.
(4) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 595 и 598—9.
(5) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 383.

перемѣнить жизнь дѣвственную на брачную, послѣ Высочайшаго повелѣнія 1850 года, не оставалось ничего болѣе, какъ вѣнчаться въ православныхъ, или единовѣрческихъ, церквахъ. Теперь остается вопросъ: такъ ли было на самомъ дѣлѣ?

Дѣйствительно, по свидѣтельству самихъ раскольниковъ, и притомъ ѳедосѣевцевъ,—враговъ поморцевъ, зорко слѣдившихъ за своими противниками,—множество поморцевъ въ началѣ 50-хъ годовъ стало вѣнчаться у православныхъ и единовѣрческихъ священниковъ, или по крайней мѣрѣ—получать отъ нихъ за деньги фальшивыя свидѣтельства о повѣнчаніи. Мы имѣемъ подъ руками одно раскольническое сочиненіе, принадлежащее перу истаго ѳедосѣевца и, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ выраженіямъ, которыя мы увидимъ, написанное имъ въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ, когда дѣти безпоповцевъ, жившихъ въ сводныхъ бракахъ, признаны были незаконнорожденными. Въ этомъ сочиненіи, имѣющемъ заглавіе: „отословіе къ новоженамъ“ (1), говорится, что поморцы, или, какъ называетъ ихъ бракоборецъ, „новопротестантской секты послѣдователи“, видя, что безсвященнословные браки ихъ „какъ церковными, такъ и градскими учрежденіями запрещаются“, что дѣти ихъ, „яко зазорныя, вмѣняются въ мірѣ и лишаются законнаго имени, права и родительскаго наслѣдства“, стали „искать новаго подтвержденія своей женидьбѣ, за небытіемъ благочестиваго, самымъ церемоніальнымъ запечатлѣніемъ нечестивыхъ“; для этого одни изъ поморцевъ, по фанатическому выраженію ѳедосѣевца, „прибѣгаютъ къ веельфегору и, съ покорнымъ прошеніемъ жертвуя и кадя, съ приношеніемъ дара, отъ престола ложнаго агнца ищутъ утвержденія,

(1) Сочиненіе это мы нашли въ сборникѣ библ. покойн. митр. Григорія подъ № 200.

покупая себѣ гибель и защиту оттуду, и моля, да служители нечестія запишутъ ихъ въ число и въ книгу смерти, и, принявше отъ нихъ письменное свидѣтельство, бываютъ безопасни"; другіе прямо „укрѣпляли свои сожитія внѣшнимъ обрядомъ, сі есть, еретическимъ вѣнчаніемъ и благословеніемъ и съ записаніемъ, сколь бы сіе ни разумѣли душевреднымъ. И симъ образомъ женящіеся и посягающіи, съ скорбію замѣчаетъ авторъ „отословія", всюду видими суть мнози въ сіе плачу достойное время". То же самое подтверждается и оффиціальными извѣстіями. По донесенію чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, разосланныхъ, въ началѣ 50-хъ годовъ, въ разныя губерніи для изученія мѣстнаго раскола, въ это время большинство поморцевъ вѣнчалось въ православныхъ храмахъ, хотя подобное вѣнчаніе считало только дѣломъ житейской необходимости и бракъ церковный признавало за гражданскій актъ, необходимый для законности правъ дѣтей (1).

Впрочемъ долгъ справедливости требуетъ сказать, что какъ ни велико было число поморцевъ, которые послѣ Высочайшихъ повелѣній 1850 года стали „давать своимъ сочетаніямъ видъ брака" вѣнчаніемъ въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, или только покупкою у недостойныхъ причтовъ фальшивыхъ свидѣтельствъ о повѣнчаніи, но было между ними не мало и такихъ, кои, не смотря на опасность потерпѣть за „самочинныя женитвы" кару со стороны „сугубаго начальства внѣшнихъ", продолжали вступать въ браки по своимъ обрядамъ. Такъ поступали большею частію поморцы, „удалившіеся, по словамъ автора „отословія", въ лѣсные улусы, или во многонародныхъ градѣхъ пребывавшіе", гдѣ надзоръ за

(1) Кельсіев. вып. 4, стр. 13, 29, 60—61; снес. истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 529, 629, 642.

раскольниками не могъ быть особенно бдительный. А если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что, по сознанію самого правительства, распоряженія его по расколу, „по недостатку полицейскихъ средствъ“, большею частію не исполнялись даже въ 1853 году (1), то поймемъ, что могли быть и другія мѣста, кромѣ „лѣсныхъ улусовъ и многонародныхъ городовъ“, гдѣ поморцы по прежнему продолжали вступать въ сводные браки, „избѣгая при этомъ казни, и паденія, и самаго осужденія“ (2). И это было весьма естественно. Непризнаніе раскольническихъ дѣтей, рожденныхъ въ сводныхъ бракахъ, законными было мѣрою тяжелою, строго говоря, только для тѣхъ поморцевъ, кои были богаты и не принадлежали къ податному состоянію, такъ какъ, по Высочайшему повелѣнію 8 декабря 1850 года, „дѣти безпоповцевъ, внесенныя въ ревизію на основаніи повелѣнія 10 іюля незаконнорожденными, облагались податьми на общемъ со всѣми лицами податныхъ состояній основаніи“ (3). Для поморцевъ—купцевъ, и вообще для поморцевъ, по выраженію одного сунодскаго указа, „зажиточныхъ“, это распоряженіе было грозно, такъ какъ, на основаніи его, дѣти ихъ, кромѣ платы податей, могли попасть въ рекруты и даже, въ случаѣ уголовнаго преступленія, подвергнуться тѣлесному наказанію, а главное—могли не получить „недвижимыхъ имѣній своихъ родителей“ (4); но для массы сельскихъ жителей, принадлежавшихъ и безъ того къ податному состоянію и несшихъ на своихъ плечахъ всѣ государственныя повинности, такая мѣра не составляла тяжелой новости. Неудивительно поэтому, если, тогда какъ „почтенныя и знаме-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 593.
(2) См. собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 519 и 522—3.
(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 553.
(4) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 523.

нитыя во градѣхъ“ поморцы, для которыхъ уже одно непризнаніе дѣтей ихъ законными казалось позоромъ и безчестіемъ, вѣнчались въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ,—„люди сельскіе низкаго состоянія“, которымъ отъ Высочайшаго повелѣнія 8 декабря 1850 года терять было нечего, продолжали вступать въ свои безвѣнчанословные браки и послѣ 1850 года, а нѣкоторые доходили даже до такой смѣлости, что брали себѣ въ сожительство—безъ браковѣнчанія—дѣвицъ, рожденныхъ и воспитанныхъ въ православіи, или единовѣріи (1). Впрочемъ подобныя явленія были исключеніемъ; большинство же поморцевъ и вообще безпоповцевъ, рѣшавшихся въ это время жениться на православныхъ дѣвицахъ, „брачились во внѣшнихъ (т. е. въ православныхъ и единовѣрч.) церквахъ,—овіи дѣйствительно, друзіи же входомъ въ церкви безъ дѣйствія, иніи же словомъ, или письмомъ, кромѣ дѣйствія и входа, единымъ внѣшнимъ гражданскимъ поѣздомъ“ (2).

Такимъ образомъ, строго говоря, суровое отношеніе свѣтской власти къ своднымъ бракамъ поморцевъ, начавшееся съ 1850 года, принесло больше вреда, чѣмъ пользы. Заставить всѣхъ поморцевъ вѣнчаться въ православныхъ, или единовѣрческихъ, церквахъ правительство, по собственному его признанію, не имѣло силъ и средствъ, а между тѣмъ тѣ изъ нихъ, кои вѣнчались, дѣлали это не по искреннему убѣжденію, но изъ страха, по-неволѣ, и такимъ образомъ благословеніе церкви часто раздавалось людямъ, которые не только не уважали его, а напротивъ положительно ни во что не ставили, и изъ которыхъ многіе, грѣша сами, соблазняли на грѣхъ и православ-

(1) Тамъ же стр. 514.

(2) Сборн. библ. покойн. митр. Григорія № 112, статья „о половникахъ“, л. 126 об.

ные причты, за деньги соглашавшіеся вносить въ число вѣнчанныхъ такихъ поморцевъ, кои только пріѣзжали къ церкви „единымъ гражданскимъ поѣздомъ“.

Что же дѣлала въ это время власть духовная „для искорененія между раскольниками беззаконныхъ браковъ?“ Независимо отъ постановленій св. сунода, изложенныхъ нами выше, которыя направлены были противъ сводныхъ браковъ между поморцами въ губерніяхъ вятской, пермской, оренбургской и тобольской, мы находимъ еще слѣдующія распоряженія церковной власти касательно расматриваемаго нами предмета. Когда въ 1833 году саратовскій преосвящ. Іаковъ донесъ св. сунoду, что онъ позволилъ нѣкоторымъ священникамъ своей епархіи—крестить у раскольниковъ, „по призывамъ ихъ“, младенцевъ, совершать браки и проч.,—„въ надеждѣ симъ средствомъ смягчить сердца закоренѣлыхъ въ расколѣ и обратить ихъ въ нѣдра православной церкви“, — св. сунодъ, одобривъ распоряженіе преосвященнаго о крещеніи православными священниками раскольническихъ дѣтей, касательно другихъ таинствъ, „совершаемыхъ надъ возрастными“, далъ знать преосв. Іакову, что онъ можетъ допускать къ нимъ раскольниковъ не иначе, какъ „только по присоединеніи ихъ къ церкви установленнымъ образомъ“ (1). Въ 1836 году, по поводу заявленія со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, что „нерѣдко раскольники, при вѣнчаніи ихъ православными священниками съ лицами православнаго исповѣданія, обязываются только подписками не совращать женъ своихъ въ расколъ и могущихъ быть отъ сихъ браковъ дѣтей воспитывать въ православной вѣрѣ, но сами не присоединяются къ оной“, — св. сунодъ указомъ отъ 7 августа подтвердилъ всему духовному вѣдомству, „дабы браки раскольниковъ съ православными

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 251—4.

лицами совершаемы были въ православной церкви православными священниками не прежде, какъ по совершенномъ присоединеніи раскольническаго лица къ православію“ (1). Въ 1837 году позволено было св. сунодомъ псковскому преосвящ. Наѳанаилу—присоединять къ церкви и вѣнчать съ православными лицами совершеннолѣтнихъ раскольническихъ дочерей, „хотя бы не было на то согласія родителей ихъ“ (2). Въ 1838 году св. сунодъ разрѣшилъ подольскому преосвящ. Кириллу принять въ монастырь, „какъ для прохожденія епитиміи, такъ и для увѣщанія обратиться къ православію“,—раскольника безпоповской секты, находившагося въ блудномъ сожительствѣ съ раскольницею той же секты и прижившаго съ нею дѣтей; впрочемъ это разрѣшеніе было дано св. сунодомъ только потому, что объ этомъ настойчиво хлопоталъ „свѣтскій судъ“, которому одному и подчинены были подобнаго рода дѣла (3). Когда въ 1839 году преосвящ. архангельскій Георгій донесъ св. суноду, что многіе изъ православныхъ его епархіи, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, вступаютъ въ браки съ раскольниками, и предлагалъ при этомъ нѣкоторыя особенныя мѣры къ ограниченію подобныхъ союзовъ,—св. сунодъ, признавъ мѣры преосвященнаго неудобоисполнимыми, предписалъ ему наблюдать только, чтобы священники „въ отношеніи къ брачущимся съ раскольниками лицамъ свѣтскаго званія исполняли неупустительно тѣ правила, какія предписаны были въ циркулярномъ указѣ св. сунода отъ 7 августа 1836 года“. Что же касается до лицъ духовнаго званія, породнившихся до того времени съ раскольниками чрезъ брачные союзы, то, кромѣ строгаго надзора за ними, предпи-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 218—219.
(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 315.
(3) Тамъ же стр. 341—3.

сано было преосвященному „войти объ нихъ въ особливое секретное разсмотрѣніе о томъ, принята ли сочетавшимися изъ раскола, вмѣстѣ съ бракомъ, православная вѣра, и если нѣтъ, то не происходитъ ли отъ сего вреда св. церкви“ (1). Въ 1842 г., по Высочайшему повелѣнію, распространено было св. сунодомъ разрѣшеніе вѣнчать раскольниковъ въ единовѣрческихъ церквахъ, безъ присоединенія, на новочеркасскую епархію (2). Что же касается другихъ епархій, то мы не знаемъ, было ли дано имъ то же право; судя же по тѣмъ даннымъ, какія сообщали въ своихъ донесеніяхъ министерству внутреннихъ дѣлъ чиновники его, изучавшіе расколъ въ разныхъ губерніяхъ въ началѣ 50-хъ годовъ, можно думать, что для большинства епархій общимъ закономъ было—не вѣнчать раскольниковъ въ единовѣрческихъ церквахъ безъ присоединенія (3). Въ томъ же 1842 году, согласно Высочайшему повелѣнію, предписано было св. сунодомъ иркутскому преосвященному, чтобы онъ назначилъ благонадежныхъ священниковъ въ приходы, гдѣ распространялись сводные браки между раскольниками, и принялъ всевозможныя мѣры къ прекращенію сводныхъ браковъ между единовѣрцами (4). Въ 1847 году св. сунодъ далъ знать преосвященному рязанскому, что „духовенству не должно входить ни въ какіе розыски о законности женъ и дѣтей“ раскольническихъ, „такъ какъ предметъ сей принадлежитъ непосредственному вѣдѣнію министра внутреннихъ дѣлъ“ (5). Въ 1849 году преосвященный архангельскій предлагалъ св. сунoду очень энергическія мѣры противъ „брачныхъ сожительствъ“ раскольническихъ, и особенно про-

(1) Тамъ же стр. 359—361.
(2) Тамъ же стр. 383—4.
(3) Кельсіев. вып. 2, стр. 19; вып. 4, стр. 13 и 60—1.
(4) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 386.
(5) Тамъ же стр. 453—5.

тивъ тѣхъ раскольниковъ, которые вѣнчались въ церкви, давъ предварительно присягу пребывать въ православіи, а потомъ снова переходили въ расколъ. Но св. сунодъ призналъ „неудобнымъ“ исполнить желаніе преосвященнаго и рекомендовалъ ему для руководства „существующіе законы“ (1). Въ 1852 году, когда министерство внутреннихъ дѣлъ представило на разсмотрѣніе въ св. сунодъ мнѣніе черниговскаго секретнаго комитета о томъ, чтобы, „по мѣстнымъ обстоятельствамъ“, раскольникамъ безпоповщинской секты, изъявившимъ желаніе принять *единовѣріе*, позволено было оставлять женщинъ, съ которыми они находились въ „противозаконныхъ бракахъ“, и вступать въ новые браки съ другими лицами, „по правиламъ св. церкви“,—св. сунодъ не согласился съ такимъ мнѣніемъ комитета и отвѣчалъ министру внутреннихъ дѣлъ чрезъ оберъ-прокурора графа Протасова, что „присоединеніе изъ раскола къ единовѣрію не должно сопровождаться никакими условіями съ стороны желающаго вступить въ оное и что духовное начальство въ разсмотрѣніе о расторженіи раскольническихъ браковъ можетъ входить не прежде, какъ по дѣйствительномъ присоединеніи желающихъ того лицъ“ (2); хотя раскольникамъ вятской губерніи, присоединявшимся и имѣвшимъ намѣреніе присоединиться къ *православію*, еще въ 1839 году позволено было св. сунодомъ оставлять имѣвшихъ съ ними сожитіе женщинъ, если онѣ оставались въ расколѣ, и вступать въ новые браки съ лицами православнаго исповѣданія (3), и это позволеніе подтверждено было св. сунодомъ и въ 1853 г. (4).

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что, кромѣ цир-

(1) Тамъ же стр. 471—475.
(2) Тамъ же стр. 509—512.
(3) Тамъ же стр. 370.
(4) Тамъ же стр. 532.

кулярнаго указа отъ 7 августа 1836 года, разосланнаго по всему духовному вѣдомству, всѣ остальныя постановленія св. сунода касательно раскольничьихъ браковъ носятъ на себѣ характеръ частныхъ распоряженій, имѣвшихъ въ виду то одну, то другую епархію; а послѣ этого неудивительно, если въ прошлое царствованіе духовенство разныхъ губерній дѣйствовало по этому вопросу не одинаково, и раскольники тѣхъ епархій, гдѣ требовали отъ нихъ предъ вѣнчаніемъ въ православныхъ храмахъ предварительнаго присоединенія къ церкви, не соглашались на подобное условіе, ссылаясь на другія епархіи, въ которыхъ дѣйствовалъ другой законъ, и по прежнему вступали въ, такъ называемые, сводные браки (1).

Такимъ образомъ въ прошлое царствованіе, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, ученіе о необходимости брака болѣе и болѣе усвоялось поморской безпоповщиной и выражалось не только въ формѣ безсвященнословныхъ, или сводныхъ, брачныхъ союзовъ, заключавшихся по благословенію родителей и наставниковъ, но и въ видѣ правильныхъ браковъ, освящавшихся молитвами православныхъ и единовѣрческихъ пастырей, хотя, разумѣется, оставалось еще не мало поморцевъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, которые безбрачіе считали единственно правильною и законною формою жизни. Какъ же относилась въ разсматриваемое нами время къ вопросу о бракѣ безпоповщина ѳедосѣевская, и прежде всего ѳедосѣевщина московская, которая, благодаря своему Преображенскому кладбищу, задавала тонъ всѣмъ иногороднимъ послѣдователямъ Ковылина?

---

(1) Кельсіев. вып. 2, стр. 19—20.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Отношеніе къ вопросу о бракѣ ѳедосѣевцевъ; ѳедосѣевщина московская; не смотря на строгость власти къ Преображенскому кладбищу за его ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ, начавшуюся еще въ послѣдніе годы царствованія Александра Благословеннаго, и на заключеніе въ Соловецкій монастырь главныхъ распространителей этого ученія, въ первые годы царствованія императора Николая Павловича московскіе ѳедосѣевцы неуклонно слѣдуютъ ученію Гнусина и Таровитаго объ обязательномъ для всѣхъ безбрачіи — съ правомъ грѣшить и каяться; обстоятельства, благопріятствовавшія такому направленію жизни московскихъ ѳедосѣевцевъ; разныя формы семейныхъ союзовъ и разврата въ московской ѳедосѣевщинѣ; изувѣрное ученіе нѣкоторыхъ наставниковъ Преображенскаго кладбища о бракѣ, о семьѣ, о дѣтяхъ, о родствѣ, бывшее причиной самыхъ дикихъ явленій въ средѣ заблуждающихъ; протестъ противъ такого ученія лучшихъ людей ѳедосѣевскаго общества и желаніе ихъ освободиться отъ вліянія Преображенскаго кладбища; обстоятельства, содѣйствовавшія исполненію этого желанія; признаніе нѣкоторыми послѣдователями Ковылина необходимости брака, и притомъ церковнаго; появленіе около 1850 года въ окрестностяхъ Москвы новаго толка — изъ женщинъ и дѣвицъ, поставившаго себѣ правиломъ «ненавидѣть бракъ»; отношеніе къ вопросу о бракѣ петербургскихъ ѳедосѣевцевъ; строгія мѣры власти противъ ѳедосѣевскихъ заведеній въ столицѣ; признаніе большинствомъ заблуждающихъ ученія о безбрачіи, за которое главнымъ образомъ и преслѣдовало правительство петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, — неприложимымъ къ жизни и вступленіе ихъ, въ слѣдствіе этого, въ браки сперва безсвященнословные, по обрядамъ поморцевъ и въ поморскихъ часовняхъ, а за тѣмъ и церковные, съ благословенія единовѣрческихъ и православныхъ священниковъ.

Мы уже говорили прежде [1], что, еще въ концѣ царствованія императора Александра 1-го, власть обратила свое вниманіе на развращавшее народную нравственность

[1] См. вып. перв., стр. 377—380.

ученіе Преображенскаго кладбища объ обязательномъ для всѣхъ дѣвствѣ и признала это ученіе вреднымъ, а распространителей его подвергла суду и преслѣдованію. Гнусинъ и Таровитый,—главные руководители московскихъ ѳедосѣевцевъ въ то время и самые ревностные проповѣдники безнравственнаго ученія, были схвачены и заточены въ Соловецкій монастырь,—за Преображенскимъ кладбищемъ усиленъ былъ надзоръ и наконецъ ѳедосѣевцы, какъ безпоповцы, отвергавшіе бракъ, лишены были права на выборы въ общественныя должности (1). При такихъ обстоятельствахъ, казалось бы, ѳедосѣевцамъ московскимъ можно было понять, что они въ ученіи своемъ о всеобщемъ безбрачіи идутъ ложною, и притомъ не безопасною, дорогою. Къ сожалѣнію, лица, которымъ порученъ былъ ближайшій надзоръ за Преображенскимъ кладбищемъ, были слишкомъ податливы на деньги, а у богатыхъ московскихъ ѳедосѣевцевъ этого добра всегда было много. Съ другой стороны хотя, по Высочайшему повелѣнію, Гнусина и Таровитаго должны были держать въ Соловецкомъ монастырѣ „подъ самымъ строгимъ карауломъ“, тѣмъ не менѣе хитрые ѳедосѣевцы находили случаи не только пересылать „мученикамъ завѣру“ деньги, но и лично бесѣдовать съ ними (2). А слѣдствіемъ этого было то, что, и послѣ заключенія Гнусина и Таровитаго въ Соловецкомъ монастырѣ, вліяніе ихъ на московскихъ и даже иногородныхъ ѳедосѣевцевъ не прекращалось, какъ не прекращалось среди ѳедосѣевцевъ и бракоборное ученіе ихъ. Семенъ Кузьминъ, одинъ изъ главныхъ наставниковъ Преображенскаго кладбища, навѣстившій Гнусина и Таровитаго въ Соловецкомъ заточеніи, привезъ отъ „семиименной особы“ посланіе кладбищу, въ

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 66, 68—71.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 258; Кельсіев. вып. 1, стр. 63.

которомъ „страждущій праведникъ“, какъ величали Гнусина его ученики, убѣждалъ своихъ бывшихъ послѣдователей не смущаться тѣмъ, что „антихристъ правитъ царствомъ“, и твердо пребывать въ „древнемъ благочестіи“; а самъ Кузьминъ, какъ наставникъ, получилъ отъ Гнусина наставленіе „отверзать вхожденіе и исхожденіе на ложе мужское женщинамъ и дѣвкамъ“ и „разрѣшать“ своихъ духовныхъ чадъ какъ можно болѣе, чтобы они видѣли въ наставникѣ „истиннаго молитвенника о грѣхахъ своихъ“ (1), т. е. получилъ наставленіе отрицать бракъ и потворствовать разврату. И нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Кузьминъ вѣрно слѣдовалъ кощунственному наставленію Соловецкаго узника,—тѣмъ болѣе, что обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали этому. Возвратившись въ Москву, Кузьминъ нашелъ, что нѣкоторые изъ послѣдователей Преображенскаго кладбища, вѣроятно, по внушенію поморцевъ, вступили, въ его отсутствіе, въ браки и—даже съ женщинами православнаго исповѣданія, въ слѣдствіе чего нерѣдко и сами обращались въ православіе (2); между тѣмъ наставники, вмѣсто того, чтобы отлучать подобныхъ нарушителей ѳедосѣевскаго устава отъ общества, довольствовались наложеніемъ на нихъ епитимій по 80 и по 100 поклоновъ въ день, при чемъ называли ихъ „староженами“ и даже допускали въ молельни, наравнѣ „съ истинными христіанами“. Такое, по выраженію фанатика, „запустѣніе на мѣстѣ святѣ“ должно было вызвать со стороны Кузьмина,—усерднаго почитателя Гнусина,—самое рьяное противодѣйствіе появившемуся злу—горячею проповѣдію въ пользу дѣвства, съ разрѣшеніемъ „любиться“, какъ кому вздумается, только безъ брака. А когда, въ первые годы царствованія импе-

(1) Кельсіев. вып. 1, стр. 63—4.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 204.

ратора Николая Павловича, послѣдовали распоряженія о томъ, чтобы не преслѣдовать раскольниковъ за ихъ внѣцерковные браки, вслѣдствіе чего пропаганда поморцевъ въ пользу брачной жизни усилилась, Кузьмину и подобнымъ ему фанатикамъ предстояла необходимость отстаивать бракоборство всѣми правдами и не правдами; въ противномъ случаѣ Преображенскому кладбищу грозила опасность лишиться многихъ изъ своихъ послѣдователей. Къ счастію проповѣдниковъ бракоборства, въ 1831 году является въ Москвѣ холера со всѣми ужасами неразгаданной и смертельной болѣзни. „Вотъ седьмой фіалъ гнѣва Божія изливается на Россію за ея отпаденіе отъ христіанской вѣры“,—завопили Кузьминъ и его помощники; но такъ какъ умирали не одни православные, а и ѳедосѣевцы, то проповѣдники прибавляли: „христіане забыли свои обѣты и, послѣдуя антихристу, стали вступать въ беззаконныя брачныя сплетенія и даже внѣшнимъ образомъ, сі—есть, еретическимъ вѣнчаніемъ; вотъ праведная десница Всевышняго и караетъ отступниковъ“. Болѣзнь была такъ страшна, опасность смерти такъ близка, а вопли вожаковъ ѳедосѣевскихъ такъ сильны, что многимъ не оставалось ничего болѣе, какъ послѣдовать имъ. И вотъ не только ѳедосѣевцы, такъ или иначе вступившіе въ бракъ, но и многіе изъ православныхъ, обольщенныхъ наставниками Преображенскаго кладбища, расторгали свои семейные союзы, какъ грѣшные, или по крайней мѣрѣ—неблаговременные, и бѣжали въ пріюты кладбища, ища въ нихъ спасенія душевнаго и, если можно, тѣлеснаго, и давая обѣты ко всегдашнему безбрачію. Миновала гроза, успокоились оставшіеся въ живыхъ жители древней столицы, но не почили отъ трудовъ своихъ вожаки московскаго ѳедосѣевскаго общества. Когда нѣкоторые изъ послѣдователей Преображенскаго кладбища стали снова

склонять слухъ свой къ проповѣди поморцевъ о необходимости брачной жизни,—они завопіяли: „не обращайтесь вспять, ратоборствуйте противъ искушеній, — иначе кара Божія снова постигнетъ не хранящихъ уставовъ, которые заповѣдали намъ отцы наши“. А когда правительство, снисходительно отнесшееся къ безсвященнословнымъ бракамъ поморцевъ въ началѣ прошлаго царствованія, стало съ теченіемъ времени преслѣдовать эти браки, какъ „поселяющіе развратъ и беззаконную жизнь“,—ѳедосѣевскіе наставники нашли въ этомъ обстоятельствѣ новый предлогъ къ требованію отъ своихъ учениковъ жизни безбрачной. „Правильнаго брака, стали говорить они, теперь быть не можетъ, потому что нѣтъ нынѣ не только православнаго священника, но и учителя истиннаго и нелестнаго: а составлять бракъ общимъ изволеніемъ брачущихся и благословеніемъ родителей, по образу новопротестантскихъ сектъ (т. е. поморцевъ), противно писанію, не твердо и зѣло опасно, понеже сугубое начальство препятствуетъ симъ самочиннымъ женитвамъ бывати“. Заключеніе понятно. А чтобы сильнѣе подѣйствовать на массу, вожаки ѳедосѣевскіе, не ограничиваясь устными наставленіями, стали писать и распространять между своими послѣдователями сочиненія, въ которыхъ развивали и доказывали тѣ же мысли. Одно изъ сочиненій съ такимъ содержаніемъ мы уже указали въ предъидущей главѣ: это — „отословіе къ новоженамъ“. Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ содержаніемъ этого ѳедосѣевскаго произведенія, изъ котораго они увидятъ, что преслѣдованіе правительствомъ безсвященнословныхъ браковъ поморскихъ, бывшее причиной того, что большая часть поморцевъ вынуждена была вѣнчаться въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, дало ѳедосѣевскимъ наставникамъ основаніе указывать на это обстоятельство, какъ на сильное побужденіе къ безбрачію.

Сказавъ въ началѣ, что браки поморцевъ, заключавшіеся по благословенію родителей, на основаніи „чистосердечнаго обѣщанія“ брачущихся „между собою предъ Богомъ и святымъ евангеліемъ“, составляются „несообразно законному основанію и ближайшее подобіе имѣютъ къ тѣмъ, кои сужденіемъ святыя церкви за беззаконные и за несущіе вмѣняются“, что такія сопряженія „основаны и оправдываются въ сіе послѣднее и многобѣдственное время отъ мужей злоумныхъ, посредствомъ растлѣннаго толкованія словесъ святаго писанія, не безъ оскорбленія всего древлецерковнаго узаконенія“, вслѣдствіе чего „женящіися“ такимъ образомъ „правильно нарицаются новоженами“, потому что „новозаконіемъ составляются“, сочинитель замѣчалъ далѣе, что сводные браки поморцевъ „и существовати въ своей силѣ и законномъ образѣ не могутъ, яко законно неутвержденные, особенно, егда по обстоянію сего времени и внѣшнихъ сугубое начальство препятствуетъ симъ самочиннымъ женитвамъ бывати. И какой опасности и сколь великимъ неудобствамъ и бѣдамъ подвержены“ вступающіе въ подобные браки; „понеже всѣми, какъ церковными, такъ и градскими, учрежденіями запрещаются потаенные браки и осуждаются казнію, да и самое существо брачной вещи къ своему составленію и продолженію сожитія требуетъ публичнаго— и въ мірѣ, а не въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ... Живущимъ же въ мірѣ сколь неудобно есть утаити брачное сопряженіе надолзѣ,—особливо, егда рождьшіяся дѣти возопіютъ, никого же бояся, и егда сіи несчастныя, яко зазорныя, вмѣнятся въ мірѣ и лишены будутъ законнаго имени, права и родительскаго наслѣдства... И что тогда сотворятъ женящіися между собою благословеніемъ своихъ родителей, егда сущее начальство поищетъ о семъ отвѣта; но все, елико ни возглаголютъ, утвердити своей

законности отнюдь не возмогутъ, понеже и въ святыхъ древлецерковныхъ законахъ, и у внѣшнихъ—въ новоцерковныхъ и гражданскихъ учрежденіяхъ, сего образа" брачныхъ сопряженій „не обрѣтается". И остается новоженамъ, въ случаѣ разслѣдованій и преслѣдованій, — либо „искать своей женидьбѣ новаго подтвержденія, за небытіемъ благочестиваго, самымъ церемоніальнымъ запечатлѣніемъ нечестивыхъ и принести жертву въ веельфегорѣ образованную (т. е. вѣнчаться въ церкви православной), либо принять начертаніе сквернаго богоборца, вмѣсто креста Спасова на челѣ, либо имя онаго звѣря, ему же число 666 (т. е. принять православіе)"; въ противномъ же случаѣ „страданіе предлежитъ и бѣдственное объятіе; и сіе, замѣчалъ авторъ „отословія", на самомъ опытѣ довольно извѣстно". Если же и удается нѣкоторымъ изъ вступившихъ въ безсвященнословные браки избѣжать суда и преслѣдованія, „особливо удалившимся въ лѣсные улусы, или во многонародныхъ градѣхъ пребывающимъ", это еще не доказательство правильности и законности новоженческихъ союзовъ, такъ какъ „не токмо безчинносоставныя, или возбраненныя, по правиломъ, брацы, но и самыя блудныя и прелюбодѣйныя сожитія могутъ обрѣстися въ мірѣ, кои не абіе судъ и наказаніе, или слѣдующее по закону исправленіе, пріемлютъ, но по времени и по случаю: но не убо законными кто почтетъ до сего оныя, или оправдаетъ, за еже находятся не расторжены".

Доказывая далѣе незаконность формы брачныхъ сопряженій новоженскихъ — „за небытіемъ священныхъ лицъ точію благословеніемъ родителей" — и сказавъ, что „во всѣхъ узаконеніяхъ, въ соборныхъ и отеческихъ правилахъ, и въ чиновникахъ церковныхъ, и въ градскихъ законахъ вездѣ священническому лицу благословляти и молитвою утверждати честные браки указано, родителей же

благословенія къ брачному составленію нигдѣ въ законныхъ правилахъ не упомянуто", а требуется только „соизволеніе" ихъ на бракъ, авторъ „отсловія" продолжалъ: „самовластніи же, сі-есть, совершенный имѣющіи возрастъ,—и не хотящу отцу ихъ, женятся и посягаютъ законно, по силѣ градскаго закона; кто же будетъ сихъ благословляти?" Притомъ же „не у всѣхъ чадъ родители случаются здравствовати до совершеннаго ихъ возраста, но мнози лишаются сего средства, и смертію временною оныхъ и вѣчною, сі-есть, невѣріемъ, или зловѣріемъ до конца одержимыхъ"; какое же „отъ сихъ послѣднихъ родителей можетъ истечь духовное благословеніе?" Что же касается другой формы брачныхъ новоженскихъ сопряженій, по которой, независимо отъ родительскаго благословенія, „сопрягавшаяся чета клялась еще предъ всемогущимъ Богомъ и цѣлымъ свѣтомъ во всю жизнь ложе свое хранить безпорочно и свято",—то авторъ „отсловія", назвавъ эту форму „странною", замѣчалъ: „здѣ указать прилично слѣдующее: всѣмъ извѣстно, что мало такихъ новозаконныхъ браковъ, кои бы и сицевымъ образомъ совокуплялися, но и того меньше видится, чтобы сицевыя сопряженія до конца устояли въ своемъ образѣ. На самомъ опытѣ видно, что большая часть, согласясь между собою, кромѣ воли родительской и совѣщанія, аще нѣціи и подъ властію тѣхъ, творятъ свою женитву блудосоставнымъ образомъ, или тайно похищаютъ себѣ дѣвицъ, уводя изъ домовъ родителей съ великимъ сихъ оскорбленіемъ, а для избѣжанія законной казни и дабы дать видъ брака своему сочетанію, прибѣгаютъ къ веельфегору и, съ покорнымъ прошеніемъ жертвуя и кадя, съ приношеніемъ дара, отъ престола ложнаго агнца ищутъ утвержденія, покупая себѣ погибель и защиту оттуду и моля, да служители нечестія запишутъ ихъ въ число и въ книгу смер-

ти, и, принявше отъ сихъ письменное свидѣтельство, бываютъ безопасны". Другіе, по словамъ бракоборца, „чувствуя несовершенство" безсвященнословныхъ браковъ „и не взирая на велеумное своихъ родителей и законниковъ мудрованіе, признаютъ за необходимую нужду укрѣпляти свои сожитія внѣшнимъ обрядомъ, си есть, еретическимъ вѣнчаніемъ и благословеніемъ, сколь бы сіе ни разумѣли быть душевреднымъ". Сказаннаго, по мнѣнію автора „отсловія", „довольно къ ясному понятію о новоженящихся различнымъ образомъ и о силѣ родительскаго въ брацѣ благословенія и о самой ихъ новой формѣ и проч., сколь все то недѣйствительно и незаконно и по основанію недостовѣрно и въ существованіи неблагонадежно, паче же и бѣдоносно сицевое новоженство: и самая рѣдкость женящихся сею формой есть тому доказательствомъ".

Нельзя не сознаться, что пріемъ, къ которому прибѣгли ѳедосѣевскіе вожаки, для убѣжденія своихъ учениковъ въ необходимости безбрачія, былъ довольно искусный. При глубокомъ отвращеніи къ церкви православной, истому послѣдователю Преображенскаго кладбища оставалось одно средство обзавестись семьей, — это — вступить въ бракъ безсвященнословный, или сводный, по примѣру поморцевъ; но такой бракъ, замѣчали ему ревнители безбрачія, незаконенъ не только „по сужденію святыя церкви", но и по суду „гражданскаго закона", преслѣдующаго такія сожитія. Что же остается послѣ этого дѣлать, спрашивали своихъ наставниковъ молодые ѳедосѣевцы и ѳедосѣевки, ощущавшіе въ своихъ жилахъ кровь, и притомъ горячую? „Не жену, а стряпуху держи, и, часто перемѣниваючи, отклони зазоръ; дѣтей не роди, а если и родишь, тайно воспитай и племянничкомъ называй; а когда покинешь жену съ дѣтьми, тогда только будешь чистый рабъ" (1),—

(1) „Истина",—соч. издан. за границей, кн. 2, 1867 г. листъ 67.

былъ отвѣтъ ѳедосѣевцамъ—мужчинамъ. „Дѣвство каждый сохраняй, тайну брака не познай,—сколько хочешь—народи, только замужъ—не ходи,—насъ отцы за грѣхъ простятъ, въ райско мѣсто помѣстятъ“ (1),—такъ успокоивали старые развратники молодыхъ ѳедосѣевокъ—дѣвицъ и женщинъ. Эти отвѣты были даны не Гнусинымъ и Таровитымъ, но они до іоты согласовались съ ученіемъ о бракѣ и семьѣ указанныхъ изувѣровъ. А послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и въ разсматриваемое нами время семейная жизнь большинства московскихъ ѳедосѣевцевъ представляла тѣже дикія явленія самаго грубаго разврата, какія совершались въ жизни послѣдователей Преображенскаго кладбища—въ то время, когда ими непосредственно руководилъ „гражданинъ всей Россіи“—Гнусинъ съ своимъ „лукавымъ и непотребнымъ товарищемъ—Ванькою Ѳедотовымъ“ Таровитымъ. По свидѣтельству Андреяна Сергѣева, зорко слѣдившаго за жизнію своихъ противниковъ и хорошо знавшаго всѣ закулисныя тайны ихъ,—московскіе ѳедосѣевцы въ разсматриваемое нами время составляли „седмиглавое общество“ и дѣлились на слѣдующія группы: на дѣвственниковъ, староженовъ, половинки, новоженовъ, дѣвкоженовъ, тайноженовъ и многоженовъ. Подъ *дѣвственниками* Сергѣевъ разумѣлъ тѣхъ изъ ѳедосѣевцевъ, которые отрицали бракъ и признавали законнымъ одно дѣвство, но, въ случаѣ „безсилія къ чистотѣ“, предавались „любострастію“, въ надеждѣ на покаяніе и разрѣшеніе отъ отцевъ духовныхъ. *Староженцы*—это—лица, вступившія въ бракъ до перехода въ ѳедосѣевскій расколъ; одни изъ нихъ, давши обѣтъ цѣломудрія, вели себя воздержно и не смѣшивались съ своими женами, хотя и жили съ ними въ однихъ домахъ

(1) „Дѣвственница—ѳедосѣевка“,—соч. Андреяна Сергѣева,—въ сборн. бракобор. сочин., находящ. въ публич. библіот., № 30.

„по гражданству“, т. е. чтобы скрыть отъ общества свой переходъ въ бракоборный расколъ; другіе, не смотря на данный, при вступленіи въ секту, обѣтъ чистоты, продолжали жить съ своими женами на правахъ мужей, но за чадородіе подвергались разнаго рода епитиміямъ, а за четвертое рожденіе и совсѣмъ отлучались отъ общества. *Половинками* назывались такіе брачные союзы, въ которыхъ одно лицо (и по преимуществу—женское) принадлежало къ ѳедосѣевщинѣ, а другое (мужъ)—къ православію, или и къ расколу, но только другой секты (1); по правиламъ ѳедосѣевскимъ, такіе браки, заключавшіеся большею частію въ церкви православной, „отречены и уничтожены“ и „суть, по словамъ автора „отсловія къ новоженамъ“, „знаменія втораго Христова пришествія“, или — такіе беззаконные браки, какими были браки сыновъ Божіихъ съ дщерями человѣческими, за которые Господь истребилъ родъ человѣческій потопомъ (2). Если же лице православное переходило потомъ въ расколъ, его послѣ перекрещиванія разводили съ лицемъ, принадлежавшимъ къ ѳедосѣевщинѣ, и если напр. это былъ—мужъ, онъ считался, какъ староженъ, законнымъ, а жена его, какъ новоженка, признавалась блудницей; рождать дѣтей такому старожену отъ жены—новоженки запрещалось, а „за измѣненіе дѣвственной обязанности“ онъ подлежалъ тѣмъ же наказаніямъ, какимъ подвергались за чадородіе и всѣ вообще старожены. *Новоженами* считались тѣ изъ ѳедосѣевцевъ, кои открыто жили съ одною какою-либо женщиною на правахъ мужей, по взаимному согласію между собою, безъ всякихъ впрочемъ формальныхъ обязательствъ; по вѣрѣ ѳедосѣевцевъ, такіе союзы—явный блудъ, мужчина—любовникъ, а женщина—любодѣйка; „по гражданству“, т. е. во мнѣніи людей сторон-

(1) Воспоминан. Павла прусскаго 1868 г., л. 10 об.

(2) Быт. VII. 1—7; снес. Мѳ. XXIV, 37—42.

нихъ, они были мужъ и жена и дѣти ихъ считались законными; по правиламъ ѳедосѣевскимъ, такія лица находились въ постоянномъ отлученіи отъ общества, и только предъ смертію „сочетавались съ церковію (?) съ покаяніемъ блудническимъ“; отъ этого ѳедосѣевцы—новожены, отвергнутые своимъ обществомъ, дѣлались иногда совершенно равнодушными ко всему религіозному и впадали въ безвѣріе; нерѣдко предавались нетрезвой и развратной жизни, считая женъ своихъ наложницами, отъ чего союзъ семейный часто расторгался, особенно если не было дѣтей; а „духовные отцы“ одобряли подобный разводъ (1). *Дѣвкожены*—это—молодые, холостые ѳедосѣевцы, жившіе въ тайной связи съ дѣвицами, съ которыми вступали въ сожительство „по взаимному началу предъ Богомъ—жить супружески, а въ публикѣ и въ обществѣ считаться безбрачными и дѣтей подкидывать“. Эти лица, какъ безбрачныя, не отлучались отъ общества ѳедосѣевскаго и только предъ смертію каялись предъ наставниками въ своемъ сожительствѣ, какъ блудѣ. Были впрочемъ между дѣвкоженами и такіе, которые „имѣли сожительство семейственное, въ гражданствѣ же по пачпортамъ и билетамъ“ значились „дѣвица“ и „холостой“; дѣти считались, — „зазорными“, или незаконнорожденными, и находились „при матери“, а отецъ ихъ трактовался человѣкомъ „безъ жены и безъ дѣтей“; въ народѣ они слыли за мужа и жену, а въ обществѣ ѳедосѣевскомъ признавались явными блудниками и до смерти находились въ отлученіи. *Тайножены*—это — тѣ изъ ѳедосѣевцевъ, кои „для общей плотской жизни втайнѣ“ сходились „вдовцы съ дѣвицами, холостые со вдовицами—по домашнему началу предъ святыми иконами“, давая обѣщаніе другъ другу „почитать себя якобы въ союзѣ супружескомъ, увѣряя другъ друга:

(1) Истор. мин. внутр. дѣлъ—кн. 8, стр. 635.

я твой, а ты моя, и она взаимно: я твоя, а ты мой, и хранить сіе втайнѣ, никому о семъ не объявляя; въ публикѣ показываться безбрачными, жить въ раздѣльности, посѣщать другъ друга какъ можно сокровеннѣе, подъ видомъ дружества, или знакомства, а дѣтей подкидывать". Эти лица не только не отлучались отъ общества ѳедосѣевскаго, но даже „одобрялись на исповѣди духовниками" за то, что „въ супружествѣ законномъ не числились". Наконецъ были въ разсматриваемое нами время между московскими ѳедосѣевцами и такіе мужчины и женщины, которые, не желая стѣснять себя „обязательнымъ союзомъ", ставили себѣ правиломъ: „каждый для всякой и каждая для всякаго, кому, когда и гдѣ прилучится желаніе свое исполнить"; этихъ-то безпардонныхъ развратниковъ и развратницъ и называлъ Сергѣевъ „*многоженами*", или „проклятыми магометанами"; одни изъ нихъ подкидывали своихъ дѣтей, другіе оставляли ихъ при матеряхъ—„дѣвицахъ и вдовицахъ", въ качествѣ незаконнорожденныхъ, а „нѣцыи имѣли и дѣтогубленіе отравою". Тѣ изъ многоженовъ, кои умѣли вести дѣла свои осторожно, находились „въ соединенности церковной, яко цѣломудренные и чистаго житія;" а неумѣлые и явные развратники „точію въ подозрѣніи" были и хотя „подлежали" нѣкоторымъ „взысканіямъ церковнымъ", но „въ числѣ ревностныхъ и твердыхъ христіанъ являлись" (1). Такимъ образомъ, и въ разсматриваемое нами время, какъ и при Гнусинѣ, начала, которыми руководилось и жило большинство московскихъ ѳедосѣевцевъ, были слѣдующія: дѣвство на словахъ и полный развратъ на дѣлѣ, безбрачіе въ теоріи

(1) „Дѣвственница—ѳедосѣевка",—соч. Андреяна Сергѣева; это сочиненіе, находящееся въ сборникѣ бракобор. сочин. публ. библ. подъ № 30, мы читали еще въ сборн. библ. покойнаго митропол. Григорія № 154; здѣсь оно помѣщено въ двухъ, нѣсколько различныхъ по выраженіямъ, редакціяхъ; первая на л. 264—268; вторая на л. 271—278; вторая редакція полнѣе, за то первая яснѣе.

и самое разнообразное наложничество на практикѣ. Это— худо, но въ скоромъ времени открылись въ московской ѳедосѣевщинѣ явленія еще болѣе возмутительныя.

Мы видѣли, что въ числѣ разныхъ формъ, въ которыхъ проявлялось ѳедосѣевское безбрачіе, было, между прочимъ, новоженство. Хотя новоженство ѳедосѣевское было не больше, какъ открытое наложничество, тѣмъ не менѣе наставники Преображенскаго кладбища смотрѣли на него очень неблагосклонно. Новоженъ, избиравшій себѣ для сожительства одну, любимую имъ, женщину и открыто признававшій ее, по крайней мѣрѣ „по гражданству“, своею женою, а дѣтей, прижитыхъ съ нею, оставлявшій при себѣ, какъ своихъ, очевидно, уже de facto отдѣлялся отъ ѳедосѣевской общины, такъ какъ отвергалъ дѣвство, какъ обязательный для всѣхъ законъ, и склонялся на сторону жизни семейной; а это было уже значительнымъ шагомъ въ пользу признанія необходимости брака. И вотъ, видя, что новоженство болѣе и болѣе распространяется между послѣдователями Преображенскаго кладбища, и опасаясь, чтобы оно не повело „малодушныхъ“ къ дальнѣйшимъ уступкамъ въ пользу жизни брачной, нѣкоторые изъ „лютыхъ“ московскихъ бракоборцевъ, желая внушить своимъ ученикамъ омерзѣніе къ браку, семьѣ и дѣтямъ, стали проповѣдывать,

«Что къ зачатью человѣка, нынѣ въ жизни душу вѣка,
Богъ Творецъ не посылаетъ, самъ діаволъ помѣщаетъ,
Сатана зиждетъ людей, множество числомъ семей».

Прочитавъ эти вирши, разоблачающія изувѣрный взглядъ ѳедосѣевцевъ на семью со всѣми ея послѣдствіями, мы думали сначала, что Андреянъ Сергѣевъ, которому принадлежатъ означенные стихи, въ жару споровъ съ бракоборцами, увлекся, впалъ въ преувеличеніе и за тѣмъ, для краснаго словца, или вѣрнѣе: для риѳмы, позво-

лилъ себѣ клевету на своихъ противниковъ, и никакъ не хотѣли допустить, чтобы ѳедосѣевскіе вожаки, какъ ни дико ихъ ученіе о бракѣ, могли такъ изувѣрно толковать о современномъ происхожденіи на свѣтъ Божій грѣшнаго человѣчества въ лицѣ ни въ чемъ невиноватыхъ дѣтей. Къ сожалѣнію, несомнѣнныя данныя убѣдили насъ, что Сергѣевъ, изображая въ своей „дѣвственницѣ—ѳедосѣевкѣ“ воззрѣнія на бракъ, нравы и обычаи бракоборцевъ московскихъ, не сочинялъ, а писалъ съ натуры, и что дѣйствительно нѣкоторые изъ наставниковъ Преображенскаго кладбища въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія стали учить, будто нынѣ — въ царство антихриста—умноженіе рода человѣческаго зависитъ отъ сатаны и что каждый, вновь рождающійся, младенецъ является на свѣтъ Божій съ душею, данною ему діаволомъ. Около 50-хъ годовъ найдена была на Преображенскомъ кладбищѣ тетрадь, содержавшая въ себѣ, такъ сказать, исповѣданіе вѣры послѣдователей Ковылина. Въ этой тетради, имѣвшей заглавіе: „отеческія завѣщанія изъ книги пандекта, сочиненія блаженнаго, почившаго отца Сергія Семеновича“, находились, между прочимъ, слѣдующіе пункты: „отъ лѣта по Рождествѣ Христовѣ 1667 установленная Богомъ царская власть и начальствующая, за искаженіемъ образа Божія богомерзкимъ брадобритіемъ, упразднися и настало царствованіе антихриста (пун. 1-й); бракъ отъяся и запретися (пун. 3-й); къ зачатію младенца душа отъ діавола (пун. 9-й); христіане брачущіеся суть змѣино гнѣздище, сатанино и бѣсовъ его прескверное дворище (пун. 10-й); въ бракахъ христіанскихъ (т. е. ѳедосѣевскихъ сожитіяхъ) родства тѣлеснаго не признавать (пун. 11-й); о умноженіи рода человѣческаго промышляетъ сатана“ (пун. 12) (1).

(1) Голосъ 1866 г., 9 ноября, № 310; Раскольники и острожники—Ливанова 1868 г., стр. 266—7.

Мы не знаемъ точно, кто былъ этотъ Сергѣй Семеновичъ, оставившій Преображенскому кладбищу такое страшное наслѣдство (1); но то несомнѣнно, что въ 40-хъ годахъ преемники Ковылина въ своемъ ученіи о бракахъ руководились пунктами „отеческихъ завѣщаній“, такъ какъ найденная тетрадь была подписана старшимъ попечителемъ Преображенскаго кладбища и тѣмъ какъ бы признана за руководительное начало для его послѣдователей. Къ какимъ послѣдствіямъ должно было привести московскую ѳедосѣевщину ученіе, основанное на указанныхъ пунктахъ, понять не трудно. Если зачавшемуся во чревѣ молодой ѳедосѣевки ребенку посылаетъ душу діаволъ, а не Богъ, то что же препятствуетъ стыдливой дѣвственницѣ лишить его жизни, если не до рожденія, такъ по крайней мѣрѣ— по рожденіи? Вотъ и объясненіе, почему, при обслѣдова-

(1) Судя по изувѣрству указанныхъ пунктовъ, можно думать, что „отеческія завѣщанія“, которыми руководились въ своей жизни преображенцы въ прошлое царствованіе, принадлежатъ той же „семиименной особѣ“, которая своимъ ученіемъ повергала въ развратъ московскую ѳедосѣевщину въ первой четверти настоящаго столѣтія, т. е. Гнусину, который, какъ извѣстно, иногда назывался Сергѣемъ и оставилъ послѣ себя сочиненіе, подъ названіемъ: „пандектъ“ (собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 69; Катал. Люб., стр. 62, № 174; Кельсіевъ вып. 1, стр. 42). При такомъ предположеніи остается одно недоумѣніе: Гнусина Любопытный называетъ по отчеству Ивановымъ (сборн. для истор. стр. т. 2, вып. V, прилож. стр. 142), между тѣмъ какъ писатель „отеческихъ завѣщаній“ величается „Семеновичемъ“. Но мы встрѣтили одинъ раскольничій документъ, который показываетъ, что Гнусинъ перемѣнялъ иногда не только свое имя, но и отчество. Въ сборникѣ библіотеки покойнаго митроп. Григорія (№ 112), имѣющемъ заглавіе: „извѣщеніе настоятелямъ о опасномъ окормленіи въ нынѣшнее послѣднее время христіанскаго народа, и въ какомъ смыслѣ и съ кѣмъ содержати миръ, единомысліе и любовь“, есть подпись Гнусина (л. 92 об.) подъ опредѣленіями одного изъ московскихъ ѳедосѣевскихъ соборовъ, гдѣ онъ величаетъ себя такъ: „многогрѣшный Сергѣй Семеновъ Гнусинъ руку приложилъ“. На письменный вопросъ нашъ объ этомъ предметѣ, о. іеромонахъ Павелъ (прусскій) отвѣчалъ, что „отеческія завѣщанія не принадлежатъ одному автору и не въ одно время составлены, но въ разныя времена на разныхъ ѳедосѣевскихъ сходбищахъ“, и что „въ нихъ содержатся разныхъ настоятелей мнѣнія о управѣ ѳедосѣевства по нынѣшнему времени, а больше входитъ въ ихъ составъ время Гнусина, есть и польскія статьи“.

ніи Преображенскаго кладбища агентами правительства, въ Хапиловскомъ пруду выловлено было неводами огромное количество—не рыбъ большихъ, а утопленныхъ ѳедосѣевскихъ младенцевъ (1). Если далѣе въ бракѣ, какъ бы онъ ни былъ заключенъ, нѣтъ, по мнѣнію изувѣровъ, тѣлеснаго родства, то что́ мѣшаетъ пожилому ѳедосѣевцу утолить похоть свою съ красивой, молодой дѣвицей, родившейся отъ женщины, бывшей когда-то его стряпухой и вмѣстѣ подругой, или, по игривому выраженію бракоборцевъ, — днемъ кухаркой, а ночью „сударкой“? Вотъ вамъ и готова, такъ называемая, „*отцовщина*“, по правиламъ которой, трудящемуся подобаетъ прежде вкусить отъ плода своего (2).

Но говорятъ: „нѣтъ худа безъ добра“. Такъ случилось и въ настоящій разъ. Указанные нами пункты „отеческихъ завѣщаній“, которыми наставники Преображенскаго кладбища хотѣли остановить развитіе въ московской ѳедосѣевщинѣ семейной жизни, хотя бы въ видѣ новоженства, были до того противоестественны и дики, до того противорѣчили здравому смыслу и физической природѣ, что на многихъ они произвели дѣйствіе, совершенно противоположное тому, какого ожидали отъ нихъ „лютые бракоборцы“. Масса, люди невѣжественные и грубые до животности, мастеровые и рабочіе, трудившіеся изъ-за куска хлѣба на фабрикахъ богатыхъ московскихъ ѳедосѣевцевъ, „призрѣнцы“ богадѣленные, жившіе подаяніемъ кладбища, шли, какъ стадо скота, по пути, который указывали имъ ихъ „кормильцы“. Жена и дѣти были въ тягость этимъ бездомнымъ голышамъ, и они съ восторгомъ слушали проповѣдь какого-либо наставника — калеки о томъ, что нынѣ „бракъ отъяся и запретися“, что „къ за-

(1) Голосъ 1866 г. № 310.

(2) Кельсіев. вып. 4, стр. 22—3; истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 642.

чатію младенца душа дается отъ діавола“ и что, въ случаѣ „безсилія къ чистотѣ“, можно дозволить себѣ „паденіе“, и даже хоть съ сестрой, если нѣтъ средствъ для пріобрѣтенія ласкъ сторонней женщины; „понеже въ нынѣшнихъ бракахъ родства тѣлеснаго нѣтъ“, и притомъ „за грѣхъ отцы простятъ“ и даже „въ райско мѣсто помѣстятъ“. Не то могли и должны были чувствовать, слыша подобную проповѣдь, лица болѣе или менѣе развитыя, еще не убившія окончательно развратомъ своей совѣсти и своего человѣческаго достоинства,—люди состоятельные, которымъ только и недоставало въ жизни семейныхъ радостей и которые занимали въ обществѣ видное положеніе, — особенно новожены ѳедосѣевскіе, имѣвшіе уже дѣтей, которыхъ такъ позорили „отеческія завѣщанія“,— по преимуществу же — женщины — ѳедосѣевки, которыя, если не умомъ, такъ, по крайней мѣрѣ, своимъ женскимъ инстинктомъ, понимали всю гнусность и жестокость роли, какую пришлось бы имъ занять, въ случаѣ „бременошенія“. Всѣ эти лица ясно увидѣли теперь, что бездна, въ которую хотятъ ввергнуть ихъ разные Семены Кузьмины, Сергѣи Семеновы, Макары Стукачевы и подобные имъ, можетъ привести только къ безднѣ преисподней. И стали эти люди, оскорбленные своими вожаками въ самыхъ завѣтныхъ и дорогихъ для нихъ чувствахъ, колебаться въ своей преданности Преображенскому кладбищу, которое такъ дерзко и безжалостно хоронило семью и ея радости,— и начали искать они выхода на свѣтъ Божій изъ-за мрачныхъ каменныхъ стѣнъ, въ которыхъ Ковылинъ и его преемники хотѣли создать особое темное царство — съ особыми безнравственнѣйшими нравами. Не легка была эта борьба свѣта со тьмой, добрыхъ и законныхъ человѣческихъ стремленій разумнѣйшихъ московскихъ ѳедосѣевцевъ съ „злыми и лютыми“ правилами, которыя ста-

рались навязать имъ ихъ темные вожди. Но на помощь добру явились благопріятныя обстоятельства—внѣшнія, и оно мало по малу восторжествовало надъ зломъ.

Мы уже говорили, что еще въ 1820 году Преображенское кладбище обратило на себя вниманіе правительства — своими вредными правилами и, между прочимъ, тѣмъ, что проповѣдывало „неповиновеніе къ властямъ и закону и развращеніе браковъ“. Тогда же Высочайше повелѣно было Гнусина, разсѣявшаго вредное ученіе, отыскать и предать суду. Съ тѣхъ поръ правительство стало постоянно слѣдить зя этимъ „гнѣздомъ раскола и убѣжищемъ бѣглыхъ и опасныхъ людей“ и употреблять всѣ средства къ ограниченію зла, какое таилось въ немъ. Въ 1823 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе съ слѣдующими предписаніями: а) метрическихъ книгъ по Преображенскому богадѣленному дому не заводить, дабы сіе не принято было за утвержденіе раскольническаго общества, а завести подъ вѣдомствомъ полиціи списки всѣхъ живущихъ въ домѣ, въ которые вступающихъ въ оный вновь вносить немедленно и въ которыхъ отмѣчать выбывающихъ; полиціи же сіи списки повѣрять и наблюдать неослабно, дабы не записанные въ списки, также не имѣющіе о себѣ законныхъ видовъ, отнюдь въ семъ домѣ не проживали, а если таковые окажутся, то непремѣнно подвергать ихъ сужденію по законамъ; б) вступленіе кого-либо вновь въ ѳедосѣевскую секту ни въ какомъ случаѣ, на основаніи законовъ, коими строго воспрещается кого-либо изъ православія обращать въ расколъ, дозволеннымъ не почитать, а потому если откроются таковые соблазнители, то оныхъ безъ всякаго послабленія предавать суду; в) поелику существованіе Преображенскаго дома допущено правительствомъ въ качествѣ богадѣльни, но учредители вмѣсто полезнаго и богоугоднаго заведенія сдѣлали его

гнѣздомъ раскола и убѣжищемъ бѣглыхъ и опасныхъ людей, то впредь мѣстному начальству съ точностію держаться первоначальнаго устроенія сего дома и поступать съ нимъ, какъ съ богадѣльнею, и не допускать, чтобы онъ присвоилъ себѣ какія-либо права, какъ заведеніе раскольнической секты; г) посему пріема подкидышей обоего пола не возбранять, но воспитывать ихъ въ домѣ только до четырнадцатилѣтнаго возраста, а затѣмъ попечитель дома обязанъ отпускать, или пристроить ихъ внѣ онаго; д) престарѣлыхъ принимать также не возбранять, но притомъ возрастъ престарѣлости считать не менѣе пятидесяти лѣтъ; е) больныхъ принимать до излеченія, полиціи же наблюдать, чтобы подъ названіемъ больныхъ не проживали въ домѣ здоровые для другихъ видовъ; ж) моленныхъ и келій въ Преображенскомъ домѣ не умножать и з) попечителя дома правительству имѣть въ виду одного, который бы отвѣтствовалъ военному генералъ-губернатору и полиціи за то, что въ домѣ ничего нѣтъ противнаго общественному порядку и настоящимъ положеніямъ (1).

Уже одни эти правила довольно ограничивали свободу Преображенскаго кладбища, запрещая ему совращать православныхъ въ расколъ и позволяя держать въ пріютахъ только малолѣтнихъ дѣтей и престарѣлыхъ.

Въ царствованіе императора Николая Павловича, указанныя правила были усилены новыми распоряженіями, болѣе и болѣе стѣснявшими гнѣздо ѳедосѣевскаго московскаго раскола въ его противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Такъ 26 мая 1834 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе— оставить на Преображенскомъ кладбищѣ изъ наличныхъ подкидышей только тѣхъ, коимъ было въ то время менѣе трехъ лѣтъ; тѣхъ, кои имѣли отъ трехъ до двѣнадцати лѣтъ, приказано было отдать въ воспитательный домъ,—

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 78—80.

всѣхъ въ возрастѣ свыше 12-ти лѣтъ мужескаго пола опредѣлить въ военные кантонисты, а женскаго пола взрослыхъ—постараться по возможности пристроить; прочихъ же, равно какъ и тѣхъ, коимъ нельзя будетъ доставить приличнаго житія, обратить въ воспитательный же домъ; начальству воспитательнаго дома поставить въ обязанность размѣщать означенныхъ подкидышей такъ, чтобы они росли и воспитывались подъ надзоромъ учрежденнаго начальства, а не отдавать ихъ въ стороннія руки; при чемъ попечителю кладбища было объявлено въ объясненіе указанныхъ распоряженій, что такъ какъ онъ, согласно указу 1823 года 24 марта, подкидышей свыше 14-ти лѣтъ не пристроилъ, то правительство приняло само на себя обязанность пещись объ участи сихъ сиротъ (1).

Того же 1834 года 24 декабря указанныя распоряженія о подкидышахъ Преображенскаго кладбища были нѣсколько измѣнены и усилены, и именно, повелѣно было: всѣхъ подкидышей мужескаго пола, находившихся на кладбищѣ, считать военными кантонистами, съ исключеніемъ ихъ изъ ревизскаго счета по мѣщанскому сословію; подкидышей менѣе трехъ лѣтъ оставить на кладбищѣ, а по достиженіи трехлѣтняго возраста отправить ихъ въ воспитательный домъ; имѣвшихъ отъ трехъ до пятнадцати лѣтъ отдать въ воспитательный же домъ, а по достиженіи ими шестнадцатилѣтняго возраста, отсылать ихъ въ военное вѣдомство, для помѣщенія въ учебные карабинерные полки, куда приказано было передать и всѣхъ, находившихся на лицо на кладбищѣ, подкидышей, коимъ было 16 и болѣе лѣтъ; на будущее время всѣхъ подкидышей, кои будутъ принимаемы на кладбищѣ, велѣно было считать военными кантонистами и поступать съ ними согласно съ изложенными правилами; относительно подкидышей женскаго пола

(1) Тамъ же стр. 161—2.

приказано было руководствоваться Высочайшимъ повелѣніемъ 26 мая (1).

Хотя всѣ изложенныя распоряженія власти касательно дѣтей ѳедосѣевскихъ, жившихъ на Преображенскомъ кладбищѣ, имѣли въ виду главнымъ образомъ внѣшнее благоустройство кладбища, какъ богадѣленнаго дома, тѣмъ не менѣе они не могли не вліять и на самую доктрину московскихъ послѣдователей Ковылина. До тѣхъ поръ, пока дѣти, прижитыя блудомъ, могли свободно проживать въ пріютахъ кладбища, въ качествѣ его воспитанниковъ, или подкидышей, московскіе ѳедосѣевцы и ѳедосѣевки, согласно съ наставленіями своихъ наставниковъ, могли, не задумываясь много, оставаться безбрачными и развратничать—въ надеждѣ, что беззаконные плоды ихъ мнимаго дѣвства найдутъ себѣ пріютъ и кромѣ Хапиловскаго пруда. Но когда, по силѣ указанныхъ Высочайшихъ повелѣній, питомцамъ Преображенскаго кладбища оставалось на выборъ одно изъ двухъ: или „поступать на службу антихристу“, какъ думали фанатики о военной службѣ, или, для избѣжанія этой страшной участи,—воспитываться на собственныя средства матерей, такъ какъ московскіе, равно и другіе, ѳедосѣевцы не любили слишкомъ заботиться о своихъ „посестріяхъ“ и рождавшихся отъ нихъ „кобеличищахъ и таймичищахъ“,—многія изъ мнимыхъ дѣвственницъ должны были серьезно призадуматься надъ своимъ положеніемъ. „Вотъ, думала краснощекая ѳедосѣевская дѣвка, сидѣвшая за ткацкимъ станкомъ на фабрикѣ какого-либо Гучкова и подобныхъ ему „кормильцевъ“,—теперь молода да легка, такъ всѣ „поди сюда“, а затяжелѣла, такъ и милу дружку надоѣла... Мужикъ, что ему? мужикъ — боловникъ, козелъ — мужикъ, похотникъ. Одна плоха, другую найдетъ: нашей сестры-то вездѣ довольно; рѣдкій, рѣдкій такой

(1) Тамъ же стр. 172—3.

найдется, что своимъ дѣтямъ родительницу почтитъ, какъ слѣдуетъ; а ты вотъ роди дитя, да и корми его на свои гроши, коли не хочешь въ Хапиловку; нѣтъ, наша жисть, бабья бѣда, въ нашемъ званіи" (1). И начинали соображать подобныя неугомонныя головы, какъ бы лучше устроить имъ „судьбу свою", и приходили онѣ къ одному заключенію—тому, что „въ бракѣ не въ примѣръ счастливѣе женщина", чѣмъ „въ полюбовной связи". Правда, и замужнія женщины льютъ иногда горячія слезы; но все же къ этимъ слезамъ о неудавшемся счастьѣ не прибавляется, по крайней мѣрѣ, мучительная забота о тепломъ углѣ и кускѣ хлѣба, а главное объ участи дѣтей, которыя для порядочной матери замѣняютъ многое. И вотъ до тѣхъ поръ, пока попечители кладбища, при помощи подкупленныхъ агентовъ власти, находили возможнымъ уклоняться отъ исполненія приведенныхъ выше указовъ, скрывая на время обысковъ по деревнямъ и селамъ воспитывавшихся въ его пріютахъ подкидышей, или даже возвращая ихъ вновь на кладбище изъ самаго воспитательнаго дома (2), отцы и матери этихъ мнимыхъ сиротъ еще не рѣшались предпринимать что-либо рѣшительное въ пользу свою и своихъ дѣтей и по прежнему оставались вѣрными кладбищенскому уставу о безбрачіи. Развѣ только иногда толпы мастеровыхъ и рабочихъ, узнавъ, что прижитыхъ ими съ кладбищенскими и другими дѣвками дѣтей хотятъ отобрать „въ казну", собирались на дворѣ кладбища и шумѣли, крича: „вотъ немилосердый царь грабитъ дѣтей у матерей", о чемъ впрочемъ московскій оберъ-полиціймейстеръ не считалъ нужнымъ доводить до свѣдѣнія высшаго правительства, даже когда его спрашивали объ этомъ.

(1) „Съ людьми древняго благочестія"—Стебницкаго 1865 г. стр. 22—3.
(2) Кельсіев. вып. 1, стр. 69—70.

Такой порядокъ вещей продолжался однако же не долго. Послѣ ревизіи Преображенскаго кладбища графомъ Строгоновымъ, который отыскалъ въ немъ, въ числѣ прочихъ бумагъ, и указанныя выше „отеческія завѣщанія“ и довелъ объ нихъ до свѣдѣнія покойнаго Государя императора Николая Павловича, послѣдовали новыя Высочайшія повелѣнія, болѣе и болѣе стѣснявшія разгульную жизнь послѣдователей Ковылина. Такъ 8 декабря 1846 года было Высочайше утверждено мнѣніе московскаго секретнаго совѣщательнаго комитета, по которому дѣти „раскольниковъ Преображенскаго кладбища, кои бракъ вовсе отвергаютъ и имѣютъ дѣтей только прижитыхъ внѣ брака“, признавались *незаконнорожденными*, а „матери ихъ, по случаю отверженія ими брака“, не имѣли права считаться „женами раскольниковъ Преображенской секты“ (1). 18-го апрѣля 1847 года, въ слѣдствіе „противозаконныхъ дѣйствій раскольниковъ московскаго Преображенскаго кладбища“, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о подчиненіи „Преображенскаго богадѣленнаго дома вѣдѣнію попечительнаго Совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Москвѣ“, при чемъ попечителемъ его былъ назначенъ графъ Строгоновъ, которому поручено было „немедля принять тотъ домъ въ свое завѣдываніе и устроить въ немъ порядокъ управленія, соблюдаемый въ другихъ подобныхъ богоугодныхъ заведеніяхъ, приведя въ извѣстность все имущество, доходы и вообще способы (?) сего заведенія“; въ то же время дозволено было, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта, принимать въ Преображенскій богадѣленный домъ единовѣрцевъ и православныхъ „съ допущеніемъ и священниковъ для напутствованія и утѣшенія страждущихъ“; это послѣднее распоряженіе было сдѣлано для того, чтобы впослѣдствіи имѣть предлогъ „къ обращенію одной изъ

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 461.

часовень Преображенскаго кладбища въ единовѣрческую церковь“ (1). Въ 1850 году, независимо отъ общаго распоряженія о томъ, чтобы дѣтей всѣхъ вообще безпоповцевъ, а слѣдовательно и ѳедосѣевцевъ, показывать по ревизіи въ семействахъ раскольниковъ *незаконнорожденными*, а матерей ихъ женами раскольниковъ не записывать, но вносить въ списки тѣхъ семействъ, къ которымъ онѣ принадлежали по рожденію,—Высочайше повелѣно было графу Закревскому: крестильный домъ, находившійся на Преображенскомъ кладбищѣ, запечатать, уничтоживъ въ немъ крещальню,—не дозволять въ зданіяхъ кладбища не только новыхъ построекъ, но даже никакихъ починокъ, и строго наблюдать, чтобы на будущее время не было допускаемо на кладбищѣ „оказательства раскола и мнимаго незаконнаго монашества“ (2), которое, какъ извѣстно, всего болѣе выражалось въ безбрачіи преображенцевъ. Въ 1853 году послѣдовали новыя Высочайшія повелѣнія относительно Преображенскаго кладбища. Согласно съ этими повелѣніями, пріемъ на Преображенское кладбище раскольниковъ, достигшихъ 60 лѣтъ, не воспрещался впредь до усмотрѣнія, но—съ условіемъ, чтобы попечитель кладбища о каждомъ принимаемомъ сносился предварительно съ московскимъ (или другимъ, смотря по мѣсту прежняго жительства принимаемаго) епархіальнымъ начальствомъ для удостовѣренія, не принадлежитъ-ли онъ по своему рожденію къ православію, или единовѣрію; при чемъ приказано было привести „въ точную извѣсность“ всѣхъ, жившихъ въ богадѣльнѣ и на Преображенскомъ кладбищѣ, раскольниковъ, съ показаніемъ противъ каждаго: лѣтъ, пола, званія, мѣста рожденія, времени поступленія въ богадѣленный домъ, или на жительство въ зданіяхъ клад-

(1) Тамъ же стр. 471—8; Голосъ 1866 г. № 310.
(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 540—1.

бища; лицамъ, которымъ поручено было составить эти списки, объявлено было, что „за пропуски и упущенія они подвергнутся строжайшей отвѣтственности"; списки эти велѣно было повѣрять и дополнять и каждые полгода представлять въ двухъ экземлярахъ московскому военному генералъ-губернатору—одинъ для него, другой для сообщенія министру внутреннихъ дѣлъ; въ тоже время командированнымъ въ распоряженіе графа Закревскаго чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ сдѣлано было описаніе и повѣрка по планамъ принадлежавшихъ Преображенскому кладбищу зданій (1). Наконецъ, когда и послѣ всего этого противозаконныя дѣйствія раскольниковъ Преображенскаго кладбища не прекращались, Государь императоръ 21 декабря 1853 года Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) „Преображенскій богадѣленный домъ подчинить вѣдѣнію Совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества и ограничить значеніемъ благотворительнаго и притомъ временнаго учрежденія, до смерти, выбытія, или перемѣщенія призрѣваемыхъ въ немъ въ правительственныя богоугодныя заведенія; 2) призрѣваемыхъ, живущихъ въ отдѣльныхъ деревянныхъ домахъ, называемыхъ кельями, внутри кладбищенскихъ оградъ, перевесть въ зданіе богадѣленнаго дома, а самыя кельи снесть; 3) по мѣрѣ уменьшенія числа призрѣваемыхъ, сосредоточивать ихъ по удобству и постепенно—съ тѣмъ,—чтобы, по очищеніи корпусовъ, закрыть ихъ, или дать имъ другое назначеніе; 4) призрѣваемымъ довольствоваться моленными, находящимися въ домахъ, въ коихъ они жительствуютъ; 5) запретить содержать наемныхъ псаломщиковъ и псаломщицъ, дозволяя впрочемъ церковное пѣніе приходящимъ; малолѣтнихъ клирошанъ—до 16 лѣтняго возраста—возвратить въ семейства, а буде таковыхъ нѣтъ, то принять мѣры

(1) Тамъ же стр. 603—4.

къ призрѣнію ихъ; взрослыхъ изъ числа иногородныхъ возвратить на родину, а московскимъ уроженцамъ воспретить жительство въ слободкѣ близъ кладбища; 6) принадлежащимъ къ безпоповщинской сектѣ дозволить приходить на молитву, для погребенія и для панихидъ въ упомянутыя выше моленныя, но какъ для посѣщенія моленныхъ посторонними, такъ и для отлучекъ призрѣваемыхъ назначить часы съ строгимъ наблюденіемъ, чтобы въ другіе часы никого изъ постороннихъ тамъ не было, а призрѣваемые находились бы на лице; 7) на содержаніе призрѣваемымъ назначить: а) проценты съ капитала, принадлежащаго кладбищу, б) добровольныя пожертвованія за погребеніе, за панихиды и т. п.—съ тѣмъ, чтобы подаянія ограничивались произволомъ каждаго, но отнюдь не производились бы отъ какого-либо общества, или товарищества; при недостаткѣ средствъ, размѣщать призрѣваемыхъ въ заведенія, зависящія отъ Совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества, или въ другія, по сношенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; продажу и всякую раздачу на кладбищѣ иконъ, книгъ, свѣчей и т. под. воспретить; в) завѣдываніе домомъ и всѣми приходами и расходами поручить экономy и другимъ управителямъ—съ строгимъ наблюденіемъ, чтобы не было безгласныхъ ни расходовъ, ни приходовъ; выборъ ихъ изъ числа призрѣваемыхъ поручить смотрителю, съ утвержденія Совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества; 8) опредѣленіе смотрителя и преподаніе ему инструкціи предоставить министру внутреннихъ дѣлъ; смотритель постоянно долженъ жить въ какомъ-либо помѣщеніи богадѣленнаго дома и получать содержаніе изъ суммъ министерства; 9) для введенія всѣхъ сихъ правилъ въ дѣйствіе и для приведенія въ точную извѣстность современнаго положенія раскольниковъ безпоповщинской секты въ Москвѣ и ея окрестностяхъ коман-

дировать чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ въ распоряженіе тамошняго военнаго генералъ-губернатора; 10) бывшихъ старшинъ Преображенскаго богадѣленнаго дома, по существу проступковъ каждаго изъ нихъ и по вредному вліянію, ими производимому, удалить *главныхъ* изъ Москвы, а *менѣе вредныхъ* оставить въ Москвѣ подъ присмотромъ мѣстнаго начальства“ (1).

Всѣ эти сильные и вмѣстѣ справедливые удары власти постигли Преображенское кладбище за то, что оно, какъ дознано было правительствомъ, „подъ личиною благотворительности распространяло расколъ и своимъ возмутительнымъ ученіемъ способствовало разврату молодежи, привлекая тысячи бездомныхъ людей въ Москву“ (2). И хотя много было употреблено богатыми ѳедосѣевцами усилій къ тому, чтобы если не совсѣмъ остановить, такъ по крайней мѣрѣ отсрочить на неопредѣленное время исполненіе указанныхъ Высочайшихъ повелѣній, тѣмъ не менѣе ничто не помогло, — ни интриги, ни подкупы, ни вопли о гоненіяхъ, достигавшія самыхъ высшихъ сферъ общества (3); отзывъ о покойномъ Государѣ императорѣ Николаѣ Павловичѣ: „царь-то этотъ сильной натуры“ (4), данный петербургскимъ купцемъ Яковлевымъ агенту Преображенскаго кладбища еще въ 1826 году, оправдывался теперь во очію Преображенцевъ. Не видя возможности избавиться отъ заслуженной кары закона, многіе изъ самыхъ видныхъ членовъ Преображенскаго кладбища рѣшились принять единовѣріе (5); другіе, болѣе упорные и особенно противодѣйствовавшіе устройству единовѣрія, и

(1) Тамъ же стр. 614—616.

(2) Кельсіев. вып. 2, стр. 200.

(3) Тамъ же стр. 189—190.

(4) Кельсіев. вып. 1, стр. 61.

(5) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 616; дѣло департ. общ. дѣлъ министер. внутр. дѣлъ 1854 г. № 212, л. 49 и 50.

въ томъ числѣ Семенъ Кузьминъ,—самый вѣрный ученикъ Гнусина и горячій защитникъ безбрачія, удалены были изъ Москвы (1); наконецъ въ 1854 году двѣ моленныхъ Преображенскаго кладбища обращаются въ единовѣрческія церкви (2). При такомъ положеніи дѣлъ, уже самъ собою рѣшался поднятый многими московскими ѳедосѣевцами, и особенно ѳедосѣевками, вопросъ о томъ, какъ и чѣмъ замѣнить имъ неудобоносимое бремя дѣвства. Предаваться по прежнему тайному разврату — въ надеждѣ, въ случаѣ беременности, найти пріютъ ребенку въ созданныхъ Ковылинымъ аппартаментахъ Преображенскаго кладбища, стало теперь болѣе, чѣмъ неудобно. Топить незаконно прижитыхъ дѣтей въ Хапиловскомъ прудѣ, какъ исчадіе діавола, можно только дѣйствительному исчадію діавола, а не родной матери. Воспитывать сына, или дочь, на свои средства—тяжело да и „зазорно“. И пришли послѣ всѣхъ этихъ разсужденій лучшія московскія ѳедосѣевки къ тому заключенію, что можно любить, но не иначе, какъ въ бракѣ,—да не въ такомъ, какой заключаютъ новожены ѳедосѣевскіе, и даже поморскіе, и который не сегодня — завтра можетъ быть разорванъ, по капризу мнимаго мужа, которому съумѣла бы приглянуться болѣе красивая и молодая дѣвственница, а въ бракѣ „церковномъ“, который хотя и незаконенъ „по вѣрѣ“, да за то крѣпокъ „по гражданству“. И тѣмъ легче могли придти московскія ѳедосѣевки къ желанію брака *церковнаго*, что въ то время, какъ наставники Преображенскаго кладбища своимъ изувѣрнымъ ученіемъ возбуждали въ нихъ отвращеніе къ безбрачію въ формѣ блуда, а власть за это ученіе налагала на

(1) Кельсіев. вып. 2, стр. 201; дѣло департ. общ. дѣлъ 1854 г. № 212, л. 21.

(2) Свѣдѣн. о единовѣрч. церквахъ, Москва, 1858 г. стр. 49; Правосл. Обозр. 1866 г. май, стр. 118; истор. очеркъ единовѣр. М. С—го, 1867 г. стр. 157—161.

кладбище свою мощную руку, — правительство, какъ мы уже видѣли, стало строго преслѣдовать безсвященнословные браки даже поморцевъ. Съ другой стороны сближенію съ Церковію многихъ московскихъ ѳедосѣевцевъ, хотя бы только для освященія ея молитвами брачныхъ союзовъ, содѣйствовали сами прежніе вожди ихъ, рѣшившіеся принять единовѣріе. И вотъ, вопреки всѣмъ разглагольствіямъ наставниковъ кладбища о святости и спасительности дѣвственной жизни, являются въ концѣ прошлаго царствованія въ московской ѳедосѣевщинѣ браки,—и притомъ— не въ формѣ только гражданскихъ союзовъ, заключенныхъ по взаимному согласію брачущихся, а браки церковные, которые совершались въ храмахъ православныхъ и единовѣрческихъ. И въ подобные браки стали вступать, по выраженію автора „отословія“, не только „низшаго сословія люди“, но и „почтенныя и знаменитыя лица христіанскаго рода и благочестія“, и послѣдніе даже чаще, чѣмъ первые, такъ какъ на людей богатыхъ и занимавшихъ видное общественное положеніе было обращено преимущественное вниманіе правительства. Главною виною этого несчастія и „нечестія“, какъ выражается авторъ „отословія къ новоженамъ“, были „жены“, которыя, „изъ самыхъ обстоятельствъ видяще, сколь неблагонадежно, опасно и недѣйствительно“ вступать въ сожительства по одному взаимному согласію, „иначе и не соглашались, или очень рѣдко, итить“ въ домы своихъ возлюбленныхъ, которыхъ „дерзали прельстить“, какъ „съ вѣнчаніемъ“. Какъ сильно было это движеніе въ московской ѳедосѣевщинѣ въ пользу брачной жизни, вызванное изложенными выше обстоятельствами, мы не знаемъ; но знаемъ, что и въ это время скрывались за стѣнами Преображенскаго кладбища личности, пользовавшіяся уваженіемъ большинства московскихъ ѳедосѣевцевъ, которыя по прежнему путь дѣвственный въ жизни

считали единственно законнымъ, разрѣшая въ то же время „падать и каяться“. Таковъ былъ, между прочимъ, недавно умершій Макаръ Ивановъ Стукачевъ, который, благодаря своему недугу, продолжавшемуся 38 лѣтъ, и терпѣнію, съ которымъ онъ переносилъ свое страдальческое положеніе, „заслужилъ, по выраженію почитателей его, не простую и не обыкновенную почесть отъ многихъ, не только своихъ единовѣрцевъ, но и иновѣрцевъ“, и въ послѣдніе 25 лѣтъ былъ „незримымъ руководителемъ“ московскаго ѳедосѣевства (1), и который до конца дней своихъ требовалъ отъ всѣхъ ѳедосѣевцевъ безбрачія, хотя бы и не дѣвственнаго (2). А потому неудивительно, если большинство московскихъ ѳедосѣевцевъ и въ разсматриваемое нами время по прежнему продолжало гнушаться брака и вело жизнь развратную. И это не предположеніе только, а горькая правда, засвидѣтельствованная лицами, имѣвшими случай близко ознакомиться съ московскимъ ѳедосѣевскимъ расколомъ въ концѣ прошлаго царствованія. Въ 1854 году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ командированъ чиновникъ (3) въ Москву для „приведенія въ извѣстность“ тогдашняго „положенія раскола безпоповщинской секты“ въ древней столицѣ, и вотъ что писалъ онъ о ѳедосѣевскомъ безбрачіи: „когда малолѣтній начнетъ приходить въ возрастъ, старухи знакомятъ его съ своими же молодыми дѣвицами, только бы отклонить отъ женидьбы и отъ связей съ православными женщинами; а чтобъ не допускать браковъ и между своими, предоставляютъ юношамъ и дѣвицамъ всѣ случаи къ любовнымъ интригамъ и связямъ, полагая въ основаніе такой порочной жизни, что „не женивыйся печется о Гос-

(1) „Истина“, 1867 г. кн. 2, л. 62—74.
(2) Душепол. чтеніе 1868 г. ч. III, стр. 23.
(3) Дѣйств. ст. совѣтн. Игнатьевъ.

подѣ, а женившійся—како угодити женѣ", что неженатый и незамужняя всегда могутъ покаяться въ своемъ грѣхѣ, а обрачившіеся не захотятъ до смерти оставить своего сожительства и плотскаго грѣха, присовокупляя къ тому писаніе основателя преображенскаго дома Ильи Ковылина, гдѣ сказано: „эта прелесть пестра — пестра, зане сатанина сестра". При переходѣ же въ расколъ православныхъ, пріискиваютъ для молодаго мужчины молодую и хорошей наружности крестную мать, а молодымъ дѣвицамъ — не старыхъ и зажиточныхъ крестныхъ отцевъ, дабы они пригодились другъ другу въ любовныхъ интригахъ. За это духовные ихъ отцы не строго наказываютъ, особенно если такая связь будетъ скрытною. Люди же, знающіе всѣ подробности этого раскола, удостовѣряютъ, что при подобныхъ связяхъ за уничтоженіе дѣторожденія сильными и извѣстными имъ медикаментами, или за умерщвленіе окрещеннаго уже ребенка, многіе духовные отцы даже одобряютъ, объясняя, что тайный грѣхъ тайно и судится, а умерщвленный младенецъ будетъ святъ и своею молитвою на небесахъ испроситъ спасеніе и родителямъ. Если же кто-нибудь изъ раскольниковъ, соскучивъ порокомъ любодѣянія, или по любви къ одной какой-либо своей сектанткѣ, пожелаетъ любовь ея присвоить себѣ одному, въ такомъ случаѣ, при безуспѣшности всѣхъ средствъ къ отклоненію молодаго раскольника отъ женидьбы, старухи стараются сосватать ему любимую, или другую, по ихъ видамъ и по его желанію, невѣсту изъ своего толка, и свадьба устраивается безъ вѣнчанія, а однимъ пріѣздомъ невѣсты въ домъ жениха, при чемъ многіе привозили себѣ женъ въ посты, даже на первой и страстной недѣляхъ великаго поста. Родители удаляются отъ присутствія на этихъ свадьбахъ, чтобы не подвергнуться за допущеніе брака дѣтей установленной епи-

тиміи — шестидневному посту и поклонамъ, чему подвергаются и сторонніе, участвовавшіе въ брачномъ торжествѣ". Мало этого: какъ бы въ замѣнъ тѣхъ ѳедосѣевокъ, которыя, гнушаясь разврата и не вѣря въ прочность сожительствъ — по одному взаимному согласію, не иначе рѣшались идти въ домы къ избраннымъ ихъ вниманіемъ мужчинамъ, какъ „съ вѣнчаніемъ", образовался около 1850 года въ окрестностяхъ Москвы новый толкъ — изъ женщинъ и дѣвицъ, при вступленіи въ который отъ каждой изъ нихъ требовалось „письменное удостовѣреніе кровью изъ руки въ томъ, что она ненавидитъ брачное супружество". Невольно чувствуется грусть при встрѣчѣ съ подобнымъ изувѣрствомъ; за то тѣмъ большее сочувствіе возбуждаютъ къ себѣ разные Соколовы, Осиповы, Тихомировы и другіе московскіе купцы и мѣщане—ѳедосѣевцы, которые, внявъ голосу совѣсти, или устрашась преслѣдованія власти, бросали ѳедосѣевское мнимое дѣвство и вступали въ законные браки съ благословенія Церкви, за что́ изгонялись изъ своего общества, какъ зачумленные, и могли бывать въ прежнихъ своихъ моленныхъ только при совершеніи погребенія умершихъ, или при крещеніи. Число подобныхъ „отступниковъ отъ православія", какъ величали ихъ бракоборцы, было не велико; но за то это были лучшіе люди московской ѳедосѣевщины, которыми сами вожаки бракоборцевъ старались впослѣдствіи „защитить свое общество отъ нареканій правительства и общественной печати за непріятіе браковъ" (1).

Если же мощная рука покойнаго императора въ состояніи была поколебать московскую ѳедосѣевскую общину съ ея знаменитымъ Преображенскимъ кладбищемъ, то само

(1) Дѣло департ. общихъ дѣлъ 1854 г. № 212; истор. минист. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 635—6; „Истина", 1867 г. кн. 2, л. 71 об. и 72.

собой понятно, что ѳедосѣевцы петербургскіе, бывшіе, такъ сказать, на глазахъ правительства, еще менѣе могли скрыть отъ власти свои злоупотребленія, а вслѣдствіе этого еще болѣе должны были сосредоточить на себѣ ея вниманіе. А злоупотребленія петербургскихъ ѳедосѣевцевъ были тѣже, какія замѣчены были правительствомъ и на Преображенскомъ кладбищѣ, именно: отрицаніе брака и допущеніе въ слѣдствіе этого блудной жизни и дѣтоубійства, и затѣмъ неповиновеніе власти и отрицаніе молитвы за нее (1). Эти-то пункты ѳедосѣевскаго ученія, замѣченные правительствомъ собственно въ петербургской ѳедосѣевщинѣ Волковскаго кладбища, и были причиной того, что съ послѣднихъ лѣтъ царствованія императора Александра I-го власть стала постоянно и зорко слѣдить за этой сектой, и притомъ, какъ увидимъ ниже, не только въ столицахъ, но и въ другихъ городахъ, въ которыхъ ѳедосѣевцы составляли наибольшій процентъ въ населеніи раскольничьемъ. Петербургскіе ѳедосѣевцы имѣли въ столицѣ въ разсматриваемое нами время слѣдующія заведенія: богадѣльню и моленную, называвшуюся Косцовой и находившуюся въ 3-й адмиралтейской части; моленную съ богадѣльней, называвшуюся Зеленковой и находившуюся въ рождественской части на малоохтенскомъ проспектѣ (2); богадѣльню, больницу, моленную и кладбище, находившіяся въ охтенской части и называвшіяся Димитріевскими; наконецъ мужскую и женскую богадальни съ двумя моленными и кладбищемъ, называвшіяся Волковскими и находившіяся въ каретной части на Волковомъ клад-

(1) Кельсіев. вып. 4, стр. 235.

(2) Въ истор. мин. внутр. дѣлъ (кн. 8) въ одномъ мѣстѣ (стр. 293) обѣ эти моленныя называются филиповскими, а въ другомъ (стр. 402)— ѳедосѣевскими; справедливо послѣднее мнѣніе (собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 473; сборн. для истор. стар. т. 2, вып. V стр. 187 прилож.).

бищѣ (1). На эти-то заведенія петербургскихъ ѳедосѣевцевъ правительство главнымъ образомъ и обратило свое вниманіе. Еще въ 1820 году, по поводу открытыхъ петербургскою полиціею разнаго рода злоупотребленій между ѳедосѣевцами Волковскаго кладбища, были изданы слѣдующія распоряженія относительно раскольниковъ этой секты: 1) „гражданское правительство должно обращать вниманіе на все то, что въ дѣйствіяхъ раскольниковъ ѳедосѣевской секты заключаться можетъ противозаконнаго, посему 2) полиція должна неослабное наблюденіе имѣть, чтобы лица, живущія въ домахъ кладбищенскихъ раскольническихъ обществъ, или, иначе, стеченіе людей заключающихъ, имѣли непремѣнно: а) узаконенные паспорты; б) опредѣленный родъ жизни, заключающійся или въ честномъ ремеслѣ, или въ извѣстномъ промыслѣ, и в) постоянное занятіе дѣломъ своимъ; 3) люди безпаспортные, или съ ложными и разнообразными видами живущіе въ раскольническихъ общественныхъ домахъ, или частно у кого-нибудь изъ нихъ, должны быть немедленно задержаны, для поступленія соотвѣтственно законамъ о безпаспортныхъ, бѣглыхъ, бродягахъ и людяхъ подозрительныхъ изданнымъ; 4) жещины безъ дѣла и письменныхъ видовъ, а наипаче молодыя, живущія въ сихъ общественныхъ домахъ, не должны быть въ нихъ терпимы и подлежатъ къ разсылкѣ къ родственникамъ своимъ (кто ихъ имѣетъ), или въ мѣста ихъ рожденія, или отколь онѣ въ сіи общественные домы зашли; 5) строгое наблюденіе быть должно за послѣдствіями незаконнаго рожденія, обнаруживающаго подкидываніе дѣтей и убійство оныхъ рождающими ихъ дѣвками; обязанность полиціи—таковые пагубные поступки обнаруживать и виновныхъ отдавать суду; 6) полиція не оставитъ имѣть надлежащаго наблюденія, дабы какъ въ

(1) Истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 402.

*

общественныхъ раскольническихъ заведеніяхъ, такъ и частно въ домахъ ихъ исполняемы были обязанности, возложенныя вообще на всѣхъ жителей, домы имѣющихъ: объявлять о прибылыхъ и убылыхъ людяхъ, о видахъ ихъ, занятіи, времени пребыванія и пр.; посредствомъ сего прекращены быть могутъ злоупотребленія, нынѣ нерѣдко по пристанодержательству раскольниками бѣглыхъ, или людей соблазнительныхъ, открывающіяся; 7) обязанность полиціи будетъ имѣть поименный списокъ всѣхъ тѣхъ лицъ, кои при богадѣленныхъ и иныхъ общественныхъ раскольничьихъ домахъ находиться будутъ, повѣрять виды ихъ, удостовѣряться въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца о убыли, или прибыли въ нихъ и проч.; 8) обратить вниманіе на больныхъ, оставляемыхъ раскольниками безъ всякой помощи и доставлять имъ нужное пособіе посредствомъ помѣщенія ихъ въ больницы приказовъ общественнаго призрѣнія, или употребленіемъ на мѣстахъ жительства ихъ врачей; по исцѣленіи же таковыхъ, обращать ихъ въ мѣста, гдѣ они по законамъ находиться должны". Всѣ эти правила были направлены къ тому, чтобы показать, что ѳедосѣевцы „не преслѣдуются за мнѣнія ихъ секты, относящіяся до вѣры, и могутъ спокойно держаться сихъ мнѣній и исполнять принятые ими обряды, безъ всякаго впрочемъ публичнаго оказательства ученія и богослуженія своей секты, но что ни подъ какимъ видомъ не должны они уклоняться отъ соблюденія общихъ правилъ благоустройства, закономъ опредѣленныхъ" (1).

Не смотря впрочемъ на указанныя правила, петербургскіе ѳедосѣевцы не стѣснялись въ своихъ сектаторскихъ дѣйствіяхъ. Такъ напр. въ 1829 году дошло до свѣдѣнія святѣйшаго сунода, что моленная Косцова не только совращала въ ѳедосѣевскую секту православныхъ, но даже,

(1) Собран. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 62—5.

неизвѣстно какими путями, выхлопотала себѣ у свѣтскаго правительства право на это. И хотя св. сунодъ распоряженіе военнаго генералъ-губернатора, дозволившаго петербургскимъ раскольническимъ моленнымъ завести у себя книги для записи въ нихъ, между прочимъ, и „вступавшихъ въ расколъ отъ греко-россійской церкви", призналъ незаконнымъи требовалъ „немедленно отмѣнить оное" (1),— тѣмъ не менѣе и послѣ того пропаганда петербургскихъ ѳедосѣевцевъ въ пользу ихъ вѣрованій не прекращалась. Такъ въ 1840 году правительство само заявляло, что ѳедосѣевская секта, не смотря на то, что она была признана „весьма вредною для общества" еще въ 1820 году, „болѣе и болѣе распространяется" въ столицѣ; въ слѣдствіе этого еще въ 1839 году Высочайше повелѣно было „обратить вниманіе на находившуюся въ Петербургѣ раскольничью моленную Косцова". И хотя свѣдѣнія, собранныя въ 1839 году объ означенной моленной петербургскою полиціею, были крайне невѣрны (2) и благопріятны ѳедосѣевцамъ, тѣмъ не менѣе секретный комитетъ о раскольникахъ, которому поручено было разсмотрѣніе этихъ свѣдѣній, взглянулъ на дѣло иначе и журналомъ, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія въ 25 день ноября 1840 года, положилъ: 1) духовное завѣщаніе купца Апарина, коимъ онъ предоставилъ купленный имъ у мѣщанина Пет-

(1) Собран. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 229—233.

(2) Вотъ что напр. писалъ военный генералъ-губернаторъ министру внутреннихъ дѣлъ о ѳедосѣевцахъ моленной Косцова, разумѣется, со словъ полиціи: „всѣ они исповѣдуютъ св. единосущную и нераздѣльную Троицу, и покланяются св. животворящему кресту и всѣмъ св. иконамъ, за Государя императора и за всю Царскую фамилію молятся; раскольники сіи преданія и таинства древлеправославной греко-россійской Церкви всѣ безъ изъятія пріемлютъ и за свято почитаютъ; божественную же службу отправляютъ по древлепечатнымъ книгамъ, какъ была сначала ихъ предками отправляема, безъ всякаго измѣненія, но священства не пріемлютъ, вновь же никакого учительства не распространяютъ" (Дѣло департ. общ дѣлъ 1839 г. № 77, л. 3 и 4).

рова 3 адмиралтейской части, во второмъ кварталѣ, домъ во владѣніе раскольническаго общества, законнымъ непризнаваемаго, считать недѣйствительнымъ и отдать помянутый домъ (въ которомъ помѣщалась моленная Косцова) со всею при немъ землею въ распоряженіе его законныхъ наслѣдниковъ; 2) обративъ такимъ образомъ сей домъ во владѣніе того, кому по закону оный принадлежитъ, существующія въ немъ моленную и богадѣльню, произвольно раскольниками заведенныя и какъ уже неумѣстныя, закрыть, оказавъ престарѣлымъ, дряхлымъ и одержимымъ неизлѣчимыми болѣзнями должное призрѣніе въ другихъ существующихъ благотворительныхъ заведеніяхъ; колокола же, при сей моленной находящіяся, какъ принадлежность православныхъ церквей, передать въ вѣдѣніе с.-петербургской духовной консисторіи. При этомъ подтверждено было „мѣстному губернскому начальству“, чтобы оно строго соблюдало изданныя въ 1820 году правила относительно петербургскихъ ѳедосѣевцевъ и „съ бдительнымъ надзоромъ“ слѣдило за тѣми изъ нихъ, кои жили въ кладбищенскихъ домахъ—Волковскомъ и на малой Охтѣ, не дозволяя „вновь учреждать подобныя раскольническія заведенія, а существующія—распространять новыми зданіями“ (1). Въ этомъ распоряженіи, которымъ моленная Косцова обрекалась на уничтоженіе, а ѳедосѣевскіе заведенія на Волковскомъ кладбищѣ и на малой Охтѣ подчинялись строгому полицейскому надзору, ни слова не говорится о ѳедосѣевской моленной, которая была извѣстна подъ именемъ Зеленковой и находилась на малоохтенскомъ проспектѣ въ рождественской части. Это—потому, что еще въ 1833 году домъ Зеленкова, въ которомъ находилась моленная, вмѣстѣ съ землею переданъ былъ, по распоряженію правительства, признавшаго завѣщаніе Зеленкова недѣйствительнымъ, на-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 380—2.

слѣдницѣ Зеленкова—княгинѣ Шаховской, въ слѣдствіе чего моленная съ богадѣльней потеряли свое прежнее значеніе и наконецъ, благодаря переходу этого дома отъ одного владѣльца къ другому,—такъ какъ княгиня Шаховская передала домъ и землю по купчей крѣпости мѣщанину Терентьеву, а этотъ послѣдній—купцу Зиновьевскому,—совершенно прекратили свое существованіе (1). Той же участи подверглась, въ силу вышеприведеннаго постановленія, и моленная Косцова, не смотря на всѣ старанія ѳедосѣевцевъ—пріостановить исполненіе Высочайше утвержденнаго мнѣнія секретнаго комитета. 13 ноября 1842 года моленная была запечатана; а потомъ, когда правительство узнало, что ѳедосѣевцы снова стали собираться сюда для молитвы, избравъ для этого нѣкоторыя комнаты въ верхнемъ этажѣ,—моленная была совершенно уничтожена (въ 1848 г.) и иконостасъ сломанъ (въ 1849 г.), а находившіеся при ней богадѣленные, не смотря на предложеніе со стороны правительства—перейти въ городскія заведенія приказа общественнаго призрѣнія,—всѣ разошлись или на родину—въ губерніи, или помѣстились у своихъ родственниковъ въ Петербургѣ (2). И хотя покойный Государь императоръ, соглашаясь на уничтоженіе моленной Косцова, выразилъ опасеніе, чтобы при закрытіи ея не произошло какихъ-либо „безпорядковъ“ со стороны раскольниковъ, такъ какъ домъ, въ которомъ помѣщалась моленная, находился „среди самаго многолюднаго стеченія народа“ (3),—тѣмъ не менѣе дѣло обошлось безъ всякаго сопротивленія со стороны заблуждающихъ (4)—къ искренней радости петербургской полиціи.

(1) Тамъ же стр. 146; ист. мин. внут. дѣлъ кн. 8, стр. 406—7.

(2) Дѣло департ. общ. дѣлъ 1839 г. № 77 л. 190 и 244; собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 473; истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 404.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 383—4.

(4) Снес. ист. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 638.

Въ то время, какъ правительство обсуждало мѣры къ искорененію безпорядковъ въ моленной Косцова, имъ замѣчены были „противозаконныя и вредныя дѣйствія раскольниковъ“ и въ ѳедосѣевскихъ богадѣльняхъ, находившихся на Волковомъ кладбищѣ. Вслѣдствіе этого 18 апрѣля 1847 года секретный комитетъ, съ Высочайшаго соизволенія, опредѣлилъ: „въ видахъ учрежденія порядка, въ законахъ постановленнаго о частныхъ благотворительныхъ заведеніяхъ, находящіеся въ С.-Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ богадѣльни подчинить вѣдѣнію здѣшняго попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія“,—на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ подчинено было вѣдѣнію того же совѣта въ Москвѣ Преображенское кладбище. Попечителемъ волковскихъ ѳедосѣевскихъ богадѣленъ былъ назначенъ членъ попечительнаго совѣта, сенаторъ Жемчужниковъ (1), которому поручено было завѣдываніе и поморскими богадѣльнями, какъ это мы уже видѣли.

Въ 1850 году доведено было до Высочайшаго свѣдѣнія „о противозаконныхъ дѣйствіяхъ раскольниковъ, жившихъ въ малоохтенскихъ богадѣльняхъ ѳедосѣевскаго согласія“. Съ цѣлію положить конецъ злоупотребленіямъ здѣшнихъ ѳедосѣевцевъ, Государь императоръ, 28 апрѣля того же 1850 года, Высочайше повелѣть соизволилъ—подчинить вѣдѣнію попечительнаго совѣта общественнаго призрѣнія и малоохтенскія ѳедосѣевскія богадѣльни, по примѣру волковскихъ, при чемъ завѣдываніе этими богадѣльнями возложено было на того же сенатора Жемчужникова (2); а 8 декабря того же года послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе, которымъ запрещалось на будущее время принимать на призрѣніе въ столичныя расколь-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. 473—477.
(2) Тамъ же стр. 530.

ничьи богадѣльни не только раскольниковъ, но даже и постороннихъ лицъ; это—съ тою цѣлію, чтобы современемъ, когда изъ богадѣлень мало по малу выбудутъ всѣ призрѣваемые, можно было уничтожить эти богадѣльни совершенно; для этого попечителю богадѣлень вмѣнялось въ обязанность ежегодно представлять въ министерство внутреннихъ дѣлъ именные списки о лицахъ, проживавшихъ въ богадѣльняхъ, и о всякой, по какому бы ни было случаю происшедшей, убыли въ личномъ составѣ призрѣваемыхъ (1). Наконецъ, когда, вслѣдствіе этого распоряженія, число призрѣваемыхъ въ малоохтенской ѳедосѣевской богадѣльнѣ уменьшилось до значительной цифры, они были переведены въ 1852 году въ волковскую ѳедосѣевскую богадѣльню, при чемъ имущество малоохтенской богадѣльни и моленной и денежныя суммы были присоединены къ собственности волковской богадѣльни, богослужебныя вещи, находившіяся въ нихъ, переданы были „на распоряженіе духовнаго начальства—съ тѣмъ, чтобы предметы, противные ученію церкви, были доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а не вредные, оставлявшіе частную собственность, возвращены были о принадлежности“; самая же моленная малоохтенская ѳедосѣевская) сперва была запечатана, а за тѣмъ и совершенно уничтожена, при чемъ всѣ зданія и постройки, находившіяся при ней, переданы были въ вѣдѣніе попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Петербургѣ (2); а въ декабрѣ того же 1852 года упразднено было и ѳедосѣевское кладбище на малой Охтѣ, при чемъ ѳедосѣевцамъ дано было право хоронить тѣла умершихъ своихъ единомысленниковъ на Волковскомъ кладбищѣ (3). Послѣднее распоряженіе касательно ѳедосѣев-

1) Тамъ же стр. 555.
2) Тамъ же стр. 571—573.
3) Тамъ же стр. 578.

скихъ заведеній въ Петербургѣ относится къ 1853 году и состояло въ томъ, что волковскимъ раскольническимъ богадѣльнямъ—„съ цѣлію духовно-нравственнаго дѣйствованія на заблуждающихъ“ дано было „значеніе обыкновенной городской богадѣльни на законномъ основаніи“, подъ главнымъ завѣдываніемъ сенатора Жемчужникова, въ помощь которому командированъ былъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ; въ тоже время дозволенъ былъ пріемъ въ означенныя богадѣльни и лицъ православныхъ, для которыхъ одну изъ ѳедосѣевскихъ молелень велѣно было обратить въ православную церковь „съ опредѣленіемъ къ ней особаго священника“; наконецъ и зданія, закрытой еще прежде, малоохтенской ѳедосѣевской богадѣльни переданы были въ распоряженіе совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества—съ тѣмъ притомъ, чтобы на мѣстѣ одной изъ бывшихъ тамъ молелень также устроена была церковь (1).

Такимъ образомъ, въ царствованіе императора Николая Павловича, всѣ моленныя и другія заведенія петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, за исключеніемъ одной волковской молельни съ богадѣльнею, были или уничтожены, или лишены раскольническаго характера и обращены въ обыкновенныя городскія богоугодныя учрежденія, а за самими ѳедосѣевцами усиленъ былъ надзоръ полиціи. Послѣ этого не трудно понять, какъ должна была въ указанное время отнестись къ вопросу о бракѣ петербургская ѳедосѣевщина. Понимая, что главной причиной всѣхъ невзгодъ, какія съ 1820 года стали постигать послѣдователей крестецкаго дьячка, было изувѣрное ученіе Гнусина, которое имѣли неблагоразуміе усвоить и приложить къ своей жизни нѣкоторые изъ столичныхъ учениковъ „премудраго Ѳеодосія“, петербургскіе ѳедосѣевцы, и прежде, благодаря

(1) Тамъ же стр. 607—8.

особымъ условіямъ жизни столичной—на глазахъ правительства, смотрѣвшіе на брачную жизнь довольно снисходительно (1), теперь должны были еще болѣе убѣдиться въ томъ, что ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ—хорошо, да только тяжело и-главное-не безопасно. А слѣдствіемъ такого убѣжденія было то, что, за исключеніемъ ѳедосѣевскихъ наставниковъ и тѣхъ лицъ изъ обыкновенныхъ смертныхъ, которыя питались крупицами своихъ благодѣтелей и кормильцевъ, или жили въ общественныхъ раскольническихъ заведеніяхъ на счетъ подаяній разныхъ благотворителей, и поэтому *обязаны* были строго соблюдать правила своей секты, остальные столичные ѳедосѣевцы мало по малу стали сближаться въ ученіи о бракѣ съ поморцами, и, по примѣру ихъ, начали обзаводиться семьей. Въ 1829 году моленная Косцова уже хлопочетъ предъ свѣтскимъ правительствомъ о разрѣшеніи ей—имѣть метрическія книги—для внесенія въ нихъ, между прочимъ, и „бракосочетавшихся“ (2). А потомъ, когда эта попытка не удалась, петербургскіе ѳедосѣевцы рѣшились вступать въ безсвященнословные браки, по обрядамъ поморской секты, и стали вѣнчаться въ малоохтенской поморской часовнѣ (3). Такъ, между прочимъ, вступила въ бракъ (въ 1836 г.), какъ мы уже видѣли, дочь извѣстнаго вожака петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, купца 1-й гильдіи Абрама Яковлева, съ купцемъ Семеновымъ (4). Принимая во вниманіе то обстоятельство, что Яковлевъ, пользуясь расположеніемъ петербургскихъ знаменитостей, былъ въ

---

(1) См. вып. перв., стр. 303, 310, 385 и 390.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2 стр. 229—233.

(3) Въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ есть свѣдѣнія о томъ, будто вѣнчаніе раскольническихъ браковъ совершалось въ 30-хъ годахъ даже въ малоохтенской *ѳедосѣевской* моленной (Дѣло департ. общ. дѣлъ 1839 года, № 77, лист. 56—7); но это извѣстіе едва ли справедливо.

(4) См. выше гл. перв. стр. 32.

тоже время главою и руководителемъ столичной ѳедосѣевщины, за совѣтами къ которому обращалось само Преображенское кладбище (1), можно понять, какое вліяніе на петербургскихъ бракоборцевъ должно было произвесть торжественное бракосочетаніе его дочери въ поморской часовнѣ. Наконецъ, когда правительство обратило (съ 1839 г.) свое вниманіе на безсвященнословные, или сводные, браки безпоповцевъ и стало преслѣдовать ихъ, когда въ слѣдъ за тѣмъ вѣнчаніе браковъ въ малоохтенской поморской часовнѣ сдѣлалось болѣе, чѣмъ затруднительнымъ, когда наконецъ въ 1842 году ѳедосѣевцы, за отверженіе ими брака и молитвы за царя, были причислены властію къ „вреднѣйшимъ сектамъ“ (2), — петербургскіе ѳедосѣевцы, какъ люди, дорожившіе хорошимъ о себѣ мнѣніемъ и желавшіе ничѣмъ не отличаться (по внѣшности) отъ православнаго общества (3), стали не только вступать въ браки, но даже вѣнчаться въ единовѣрческихъ и православныхъ церквахъ, разумѣется, оставаясь въ тоже время послѣдователями „древняго благочестія“ и неся за свой невольный грѣхъ разнаго рода эпитиміи, по указанію и настоянію наставниковъ, большинство которыхъ впрочемъ потворствовало увлеченіямъ своихъ богатыхъ и вліятельныхъ учениковъ и сквозь пальцы смотрѣло даже на тѣхъ изъ нихъ, кои „брачились съ дѣтьми антихристовыми“, т. е. вступали въ бракъ съ лицами православнаго исповѣданія.

---

(1) Кельсіев. вып. 1, стр. 60—1.
(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 409.
(3) Сборн. для истор. старообр. т. 1, стр. 27—8; 52—3.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рѣшеніе вопроса о бракѣ ѳедосѣевцами провинціальными; рижская ѳедосѣевская община; отношеніе ея къ браку въ концѣ прошлаго и въ первой четверти настоящаго столѣтія; потворство рижскимъ бракоборцамъ мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ, часто неправославныхъ; правила относительно рижскихъ раскольническихъ заведеній, изданныя въ первые годы царствованія императора Николая Павловича; неловкое положеніе рижскихъ ѳедосѣевцевъ по поводу этихъ правилъ; признаніе въ 1837 году рижскою общиною необходимости брака; причина этого: усиленная дѣятельность въ пользу православной истины рижскаго пресвящ. Иринарха, возбудившая неудовольствіе въ мѣстныхъ гражданскихъ властяхъ и дошедшая до свѣдѣнія Государя императора; новыя распоряженія власти относительно рижскихъ раскольниковъ, еще болѣе стѣснившія ихъ своеволіе и развратъ; приглашеніе рижскихъ раскольниковъ къ заключенію браковъ въ единовѣрческихъ церквахъ, не достигшее цѣли; новыя строгія постановленія относительно рижскихъ раскольниковъ, бывшія причиной того, что, къ концу царствованія императора Николая, болѣе видные члены ѳедосѣевской общины присоединились къ единовѣрію и стали вѣнчаться въ единовѣрческихъ и даже православныхъ церквахъ, хотя большинство заблуждающихъ продолжало сожительствовать съ избранными ими женщинами, нерѣдко даже православнаго исповѣданія, безъ всякихъ формальныхъ договоровъ и обязательствъ; мѣры власти церковной къ ограниченію подобныхъ злоупотребленій; рѣшеніе вопроса о бракѣ другими ѳедосѣевцами остзейскаго края, находившимися въ зависимости отъ Риги, а равно ѳедосѣевцами западно-русскаго края, большинство которыхъ также находилось въ сношеніяхъ съ Ригою; признаніе необходимости брачной жизни ѳедосѣевцами губерній: псковской, ярославской, костромской, иркутской и многихъ другихъ; причины этого: примѣръ столичныхъ раскольниковъ, допустившихъ у себя брачную жизнь, и строгія мѣры правительства противъ всѣхъ вообще ѳедосѣевцевъ, признанныхъ властію *особенно вредными* сектантами, за отрицаніе ими брака и молитвы за царя; краткое изложеніе этихъ мѣръ; Филиппъ Осиповъ, казанскій проповѣдникъ безбрачія, и его письменный отвѣтъ автору «бесѣды о бракѣ»; отношеніе къ разнымъ формамъ брачныхъ сопряженій ѳедосѣевскихъ—наставниковъ этого толка.

Послѣ Москвы съ ея знаменитымъ Преображенскимъ кладбищемъ и Петербурга гдѣ ѳедосѣевцы умѣли и могли

заводить, въ разсматриваемое нами время, полезныя для раскола знакомства съ лицами самыми вліятельными (1), Рига занимала первое мѣсто въ ряду остальныхъ городовъ россійской имперіи, по благоустройству, находившейся въ ней, ѳедосѣевской общины и по свободѣ, какою она пользовалась въ краѣ, не особенно сочувствующемъ интересамъ русскаго православія и русскаго государства. Какъ и когда устроилась эта раскольничья община, намъ неизвѣстно въ точности; но то несомнѣнно, что рижскіе ѳедосѣевцы, въ концѣ прошлаго столѣтія и въ первой четверти настоящаго, были самыми жаркими проповѣдниками всеобщаго безбрачія—не менѣе своихъ московскихъ собратій по вѣрѣ,—такъ, что самъ Ковылинъ, первый и самый „лютый“ бракоборецъ, относился къ рижскимъ ѳедосѣевцамъ съ почтеніемъ и нерѣдко обращался къ нимъ за совѣтами (2).

Впрочемъ, мы допустили бы большую ошибку, если бы, на томъ основаніи, что рижскіе ѳедосѣевцы строго держались *на словахъ* обязательнаго для всѣхъ дѣвства, стали утверждать, что и въ жизни они были цѣломудренными послѣдователями „древняго благочестія“. Напротивъ, какъ показываютъ несомнѣнныя данныя, распущенность ѳедосѣевцевъ въ жизни нигдѣ не доходила до такихъ громадныхъ размѣровъ, въ какихъ она проявлялась въ рижской ѳедосѣевской общинѣ,—такъ, что къ здѣшнимъ дѣвственникамъ по преимуществу можно отнести слова, съ которыми въ 1823 году неизвѣстный ревнитель истины обратился ко всѣмъ вообще ѳедосѣевцамъ, величая ихъ „почтенными воздержниками, законнаго брака не имущими, а безъ женскаго пола мало живущими“ (3). И дѣйстви-

(1) Кельсіев. вып. 1, стр. 60.
(2) Христ. чтен. 1863 г. ч. II, стр. 17.
(3) Сборн. для истор. стар. т. 1, стр. 121.

тельно, отвергая бракъ и проповѣдуя дѣвство, какъ обязательный для всѣхъ законъ, рижскіе ѳедосѣевцы въ тоже время предавались самому артистическому разврату. Многіе изъ нихъ, особенно люди богатые, не довольствуясь одною „сожительницею“, заводили себѣ по нѣскольку „посестрій“; другіе, не обращая вниманія на вѣроисповѣдныя различія, вступали въ любовныя связи не только съ своими „христіанками“, но даже съ женщинами православнаго исповѣданія, съ лицами, принадлежавшими къ единовѣрію, даже съ римско-католичками и протестантками (1),—такъ, что по своей жизни рижскіе ѳедосѣевцы являлись достойными послѣдователями тѣхъ насельниковъ Ряпиной мызы, о которыхъ у насъ была рѣчь прежде (2). Это было худо, но горшее зло состояло въ томъ, что рижскіе ѳедосѣевцы, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы продолжительная связь съ одною женщиною не обратилась въ привычку и затѣмъ въ постоянное брачное сожительство, мѣняли своихъ любовницъ чаще, чѣмъ свои длинополые кафтаны, слѣдствіемъ чего было то, что Рига постоянно изобиловала ѳедосѣевскими женщинами, брошенными ихъ друзьями на произволъ судьбы, которыя часто не имѣли куска хлѣба и потому составляли тягость для общества. Не лучше была участь и дѣтей, которыя являлись на свѣтъ Божій отъ мнимыхъ дѣвственниковъ. Рижскіе ѳедосѣевцы почему-то не особенно заботились о нихъ; оставаясь при матеряхъ, несчастныя дѣти, по выраженію одной оффиціальной бумаги, таскались по улицамъ цѣлыми стаями—для сниканія себѣ насущнаго хлѣба (3); а будучи лишены возможности научиться не только грамотѣ, но даже какому-ни-

(1) Ист. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 217; снес. собран. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 333; собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 622, 625, 683; Душеп. чтен. 1867 г. январь, извѣст. и замѣтки, стр. 28.

(2) Семейная жизнь въ русск. раск. вып. перв., стр. 108—111.

(3) Собран. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 264.

будь ремеслу, они, и придя въ возрастъ, не могли, или не хотѣли, быть честными тружениками и полезными членами общества, но пускались въ разнаго рода мошенничества, даже въ разбои, и такимъ образомъ составляли язву въ городѣ (1). Только богачи, владѣвшіе сотнями тысячъ капитала, слѣдили за своими незаконнорожденными птенцами и или отдавали ихъ на воспитаніе въ чужія, надежныя руки, разумѣется, раскольническія, или всего чаще помѣщали ихъ, подъ именемъ подкидышей, въ сиротскій домъ, который, по примѣру Преображенскаго кладбища, устроенъ былъ и рижскими ѳедосѣевцами. И такой порядокъ вещей, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ, вступавшихъ въ бракъ съ благословенія православной церкви, но, не смотря на обѣщаніе принадлежать къ ней навсегда, оставшихся въ расколѣ и дѣтей крестившихъ по раскольнически (2),—существовалъ въ рижской ѳедосѣевской общинѣ не только въ то время, когда правительство смотрѣло на расколъ „сквозь пальцы“, но и послѣ того, какъ въ 1820 году рижскому генералъ-губернатору, наравнѣ съ начальниками другихъ губерній, было предписано строго слѣдить за дѣйствіями ѳедосѣевцевъ и преслѣдовать ихъ развратъ (3). Неисполненіе предписанныхъ властію правилъ относительно ѳедосѣевцевъ зависѣло въ Ригѣ отъ того, что мѣстное протестантское начальство смотрѣло на раскольниковъ, признанныхъ петербургскимъ правительствомъ вредными, совершенно равнодушно, а нерѣдко даже покровительствовало имъ, въ ущербъ интересамъ православныхъ (4). До какой степени доходила смѣлость рижскихъ раскольниковъ въ первую четверть на-

(1) Истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 217.
(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 660—662.
(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 63.
(4) Истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 470; вятск. епарх. вѣдом. 1864 г., № 24, стр. 735.

стоящаго столѣтія, подъ управленіемъ неправославнаго начальства, можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующаго факта. Въ 1824 году умеръ въ Ригѣ шестидесятилѣтній купецъ Иванъ Андабурскій, который, какъ показывалъ причтъ рижской Благовѣщенской церкви и какъ оказалось по справкѣ въ консисторіи, во все время своей жизни былъ „ревностнымъ сыномъ православной церкви, исповѣдывался и пріобщался св. таинъ“. Не смотря однакоже на это, рижскіе раскольники объявили, что умершій принадлежалъ къ ихъ „вѣрѣ“ и на этомъ основаніи рѣшились похоронить его по своимъ обрядамъ. И хотя лифляндское духовное правленіе просило рижскаго полиціймейстера не допускать раскольниковъ до такого „противозаконнаго поступка“, тѣмъ не менѣе заблуждающіе „гробъ покойнаго изъ дома его вынесли и подъ бархатнымъ покровомъ, въ сопровожденіи раскольническаго наставника Мирона Карпова, шедшаго съ кадильницею, при многогласномъ пѣніи и многолюдномъ собраніи народа, понесли къ моленной“ (1),—не смотря на то, что еще въ 1820 году министромъ внутреннихъ дѣлъ, по Высочайшему повелѣнію, было дано знать рижскому генералъ-губернатору, что ѳедосѣевцы могутъ исполнять принятые ими обряды, но „безъ всякаго публичнаго оказательства ученія и богослуженія своей секты“ (2).

Въ первые же годы царствованія императора Николая Павловича положеніе вещей въ рижской ѳедосѣевской общинѣ измѣняется. Правда, въ 1827 году рижскій генералъ-губернаторъ маркизъ Паучулли вмѣсто того, чтобы руководствоваться въ отношеніяхъ къ ѳедосѣевцамъ Высочайше утвержденными правилами, изданными въ 1820 году, позволилъ себѣ смѣлость предложить министерству внутрен-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 165.
(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 62—65.

нихъ дѣлъ свои собственныя мѣры къ устраненію и пресѣченію злоупотребленій, существовавшихъ между рижскими бракоборцами,—мѣры, разумѣется, внушенныя маркизу покровителями раскольниковъ; а потомъ, когда эти мѣры не были одобрены министерствомъ, какъ „несогласныя ни съ изданными о раскольникахъ постановленіями, ни съ общими гражданскими законами, ни съ правилами, установленными правительствомъ для дѣйствія противъ искорененія и распространенія раскола“, римско-католическій генералъ-губернаторъ Риги самовольно утвердилъ составленныя мѣстнымъ начальствомъ правила для управленія богадѣльнею, больницею, сиротскимъ отдѣленіемъ и школой рижскихъ ѳедосѣевцевъ; но эти правила, бывшія причиной еще бо́льшихъ безпорядковъ въ рижской ѳедосѣевской общинѣ, скоро (въ 1833 году) были отобраны и уничтожены и затѣмъ правительство дало маркизу свои собственныя правила относительно рижскихъ раскольническихъ заведеній (1). По этимъ правиламъ, богадѣльня и больница рижскихъ ѳедосѣевцевъ подчинялись вѣдѣнію лифляндскаго приказа общественнаго призрѣнія и, какъ заведенія, содержавшіяся добровольными приношеніями усердствующихъ, должны были имѣть значеніе частныхъ учрежденій; управленіе означенными заведеніями возлагалось на попечителя и экономa, которыхъ раскольники каждогодно, или не болѣе какъ чрезъ три года, должны были выбирать изъ своей среды, но не иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія генералъ-губернатора; призрѣвать въ богадѣльнѣ позволялось престарѣлыхъ и увѣчныхъ—мужчинъ не моложе 60-ти-лѣтняго возраста, а женщинъ 50-тилѣтняго; исключеніе допускалось только для увѣчныхъ и разслабленныхъ, которые имѣли нужду въ призрѣніи и

(1) Истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 217—218; собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 128

которыхъ поэтому дозволялось принимать въ богадѣльню и раньше означеннаго возраста; лица, кои сами себѣ могли снискивать пропитаніе, если бы такія нашлись между богадѣленными, немедленно исключались изъ богадѣльни; въ богадѣльнѣ и больницѣ мужчины и женщины должны были помѣщаться на отдѣльныхъ половинахъ; богадѣленные обязывались служить больнымъ, и только въ случаѣ нужды позволялось нанимать здоровую прислугу не моложе, впрочемъ, 45-ти лѣтъ, полагая одного человѣка на 10 больныхъ; на попечителя, кромѣ того, возлагалась обязанность: а) чтобы въ домѣ богадѣльни и больницы никто не проживалъ безъ узаконенныхъ письменныхъ видовъ и чтобы не было въ немъ допускаемо ничего противнаго законамъ и правиламъ полиціи; б) немедленно давать знать полиціи о всѣхъ прибывающихъ въ богадѣльню и больницу и убывающихъ изъ нихъ, а равно и объ умершихъ, а генералъ-губернатору и приказу общественнаго призрѣнія представлять записки о томъ же ежемѣсячно и въ началѣ каждаго года, съ означеніемъ времени принятія призрѣнныхъ въ богадѣльню, званія и возраста; в) давать приказу общественнаго призрѣнія годовой отчетъ о состояніи заведеній, съ показаніемъ капитала въ оныхъ, прихода и расхода суммъ по содержанію заведеній и числа призрѣнныхъ людей; надзоръ за тѣмъ, чтобы въ богадѣльнѣ и больницѣ не было допускаемо ничего противнаго порядку, здоровью, нравственности, опрятности и доброму хозяйству, поручался приказу общественнаго призрѣнія. Въ тоже время предписано было рижскому генералъ-губернатору, чтобы онъ неослабно наблюдалъ въ отношеніи къ раскольникамъ Высочайше утвержденныя правила 1820 года 11 апрѣля и чтобы не допускалъ пріема въ богадѣльню и больницу лицъ православнаго исповѣданія.

*

Уже одни эти правила много ограничивали своеволіе рижскихъ ѳедосѣевцевъ; но этимъ дѣло не кончилось. Главный ударъ, который нанесенъ былъ правительствомъ злоупотребленіямъ и непомѣрному разврату мнимыхъ дѣвственниковъ, состоялъ въ томъ, что, вмѣстѣ съ подчиненіемъ богадѣльни и больницы приказу общественнаго призрѣнія, было Высочайше повелѣно „сиротское отдѣленіе“, существовавшее при этихъ заведеніяхъ, въ которомъ воспитывались, подъ именемъ подкидышей, незаконнорожденныя дѣти рижскихъ богатыхъ ѳедосѣевцевъ, избавлявшихся чрезъ это отъ нареканій въ нарушеніи цѣломудрія, закрыть, а находившихся въ немъ дѣтей отдать родителямъ; тѣхъ же изъ нихъ мужескаго пола, кои считались круглыми сиротами, сдать въ рижскій баталіонъ военныхъ кантонистовъ, а женскаго пола—распредѣлить въ благонадежныя мѣста и благотворительныя заведенія, по распоряженію приказа общественнаго призрѣнія (1).

Какъ громомъ, поражены были рижскіе бракоборцы этимъ послѣднимъ распоряженіемъ, выводившимъ на свѣтъ Божій ихъ темныя дѣла. Теперь приходилось имъ или отдать своихъ дѣтей „на службу антихристу“ и чрезъ то сдѣлаться виновниками ихъ вѣчной погибели, или, взявъ ихъ въ свои домы, сознаться предъ всѣми и каждымъ, что дѣвственники „по вѣрѣ“ — отцы на дѣлѣ. Какъ не совѣстно было рѣшиться на послѣдній шагъ, но, разумѣется, рижскіе ѳедосѣевцы избрали его. Впрочемъ, прежде, чѣмъ они рѣшились обличить себя предъ обществомъ въ незаконной и развратной жизни, пущена была въ ходъ интрига; попечители моленной явились къ генералъ-губернатору и стали увѣрять его, что они берутъ на свою отвѣтственность воспитаніе и устроеніе судьбы „сиротъ“, помѣщавшихся въ особомъ отдѣленіи при богадѣльнѣ; а

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 140—143; снес. стр. 135.

когда это увѣреніе не было принято во вниманіе правительствомъ, попечители стали доказывать, что „сироты“ только назывались такъ, на самомъ же дѣлѣ всѣ онѣ имѣютъ, если не родителей, то, по крайней мѣрѣ, родственниковъ. Хотя, разумѣется, трудно было доказать законнымъ образомъ разнаго рода родство членамъ общества, которое отрицало бракъ, тѣмъ не менѣе правительство, не имѣвшее въ виду чрезъ означенную мѣру пріобрѣсть себѣ нѣсколько лишнихъ ненадежныхъ служакъ, а только желавшее положить предѣлъ ѳедосѣевскому разврату, хоронившему концы въ сиротскомъ отдѣленіи, предписало генералъ-губернатору не входить въ разборъ степеней родства между раскольниками и въ разсмотрѣніе о бракахъ родителей „сиротъ“ рижскаго богадѣленнаго дома (1). А слѣдствіемъ этого было то, что всѣ дѣти были разобраны своими родителями, и даже тѣ изъ нихъ, кои на самомъ дѣлѣ были „круглыми сиротами“, взяты были на воспитаніе не въ баталіонъ военныхъ кантонистовъ, а въ богатые раскольничьи домы. Само собой понятно, что, послѣ такого разгрома сиротскаго отдѣленія рижскихъ ѳедосѣевцевъ, находившаяся здѣсь школа становилась излишнею. И она, дѣйствительно, была закрыта правительствомъ—на томъ основаніи, что „учреждена была въ противность началъ, на коихъ заведены народныя школы“ (2).

Такимъ образомъ нежданно—негаданно рижскіе ѳедосѣевцы изъ безбрачныхъ дѣвственниковъ превратились въ отцевъ семействъ. Положеніе—неловкое, но еще хуже было то, что на будущее время нельзя было и думать о какой-либо интригѣ, не рискуя быть обличеннымъ въ ней не только предъ своими, — это бы еще не бѣда,—но даже предъ чужими, и, что всего важнѣе, предъ прави-

(1) Тамъ же стр. 138—139.
(2) Тамъ же стр. 134.

тельствомъ, которому не нравился ѳедосѣевскій развратъ. Сиротскаго дома теперь уже не существовало; значитъ, всякій новорожденный ѳедосѣевскій ребенокъ долженъ былъ имѣть если не отца, такъ, по крайней мѣрѣ, мать, чтобы жить при ней; а этого одного уже было довольно, чтобы никто не вѣрилъ цѣломудрію безбрачниковъ; такъ какъ тамъ, гдѣ есть матери, непремѣнно должны быть и отцы. Съ другой стороны, въ прежнее время каждое рожденіе ѳедосѣевскою женщиною оставалось тайною для начальства; наставникъ крестилъ новорожденнаго, записывалъ его, подъ именемъ подкидыша, въ метрическую книгу и за тѣмъ, особенно если родители ребенка были вліятельны въ обществѣ и стыдливы, помѣщалъ его, подъ именемъ сироты, въ сиротское отдѣленіе. Теперь, по распоряженію правительства, запретившаго рижскому генералъ-губернатору выдавать раскольникамъ метрическія книги, о каждомъ новомъ рожденіи ѳедосѣевцы должны были давать знать полиціи (1). А это значило, по меньшей мѣрѣ, подвергать себя „гражданскому стыду“, или, если кто хотѣлъ спасти свое дитя отъ призора полицейскихъ очесъ, не досчитаться въ карманѣ нѣсколькихъ рублей. Всѣ вышеизложенныя обстоятельства такъ тяжело дѣйствовали на многихъ изъ рижскихъ ѳедосѣевцевъ, что нѣкоторые изъ нихъ и, что всего важнѣе, даже попечители моленной, видя, вѣроятно, невозможность обманывать болѣе себя и другихъ, а, можетъ быть, съ хитрою цѣлію задобрить правительство, рѣшились въ 1836 году присоединиться къ единовѣрію (2). Разумѣется, правительство, узнавъ объ этомъ, торжествовало; но непродолжительна была эта радость. Кромѣ деревянной моленной, которая обращена была въ единовѣрческую церковь, у рижскихъ ѳедосѣевцевъ было еще

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 150.

(2) Тамъ же стр. 215; Правосл. обозр. 1867 г. декабрь, стр. 389—391.

нѣсколько каменныхъ, и въ нихъ дѣла шли по прежнему— своевольно (1). Мало этого: въ началѣ 1837 года дошло до свѣдѣнія правительства, что большинство рижскихъ ѳедосѣевцевъ, проповѣдуя на словахъ безбрачіе, по прежнему предавалось разврату — съ тою только разницею, что прежде мнимые дѣвственники помѣщали прижитыхъ ими дѣтей въ сиротскій домъ, а теперь бросали ихъ на произволъ судьбы. Тогдашній рижскій преосвященный доносилъ своему начальству, что „почти всѣ раскольники живутъ не вѣнчанными и разводятся также легко, какъ и сходятся вмѣстѣ“, что „отъ этого происходитъ неимовѣрное множество бѣдныхъ въ раскольнической массѣ; ибо мужья, поживши нѣсколько лѣтъ съ своими женами и нажившн дѣтей, оставляютъ ихъ и вступаютъ въ сожитіе съ другими женами; они, прибавлялъ ревностный архипастырь, перемѣняютъ женъ сколько имъ угодно, и бѣдныя матери таскаются по улицамъ съ несчастными дѣтьми цѣлыми стаями“. Картина — не привлекательная, тѣмъ не менѣе Государь императоръ не благоволилъ согласиться, для прекращенія указанныхъ безпорядковъ и „искорененія безнравственности“ раскольниковъ, на мѣру, какую предлагалъ преосвященный, именно—на лишеніе дѣтей рижскихъ ѳедосѣевцевъ, какъ незаконнорожденныхъ, права наслѣдства, а только повелѣлъ „вмѣнить въ обязанность мѣстнаго начальства употреблять для сего полицейскія мѣры, поступая на основаніи устава благочинія съ тѣми изъ раскольниковъ, кои ведутъ развратную жизнь, сожитьемъ ли съ перемѣнными женщинами, или оставленіемъ безъ призрѣнія прижитыхъ ими дѣтей“ (2).

Строго говоря, мѣра, указанная покойнымъ Государемъ императоромъ, „для обузданія своевольства рижскихъ

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 251—252.

(2) Тамъ же стр. 263—264.

раскольниковъ и искорененія ихъ безнравственности“ была слишкомъ мягка сравнительно со зломъ, противъ котораго она направлялась, а между тѣмъ несомнѣнно извѣстно, что съ этого (1837) именно года рижская ѳедосѣевская община начинаетъ измѣнять своему ученію о всеобщемъ дѣвствѣ и допускаетъ у себя брачную жизнь. Одинъ изъ рижскихъ купцевъ-раскольниковъ, по имени Иванъ Колпаковъ, вѣнчанный въ 1827 году въ православной церкви, но, не смотря на данную имъ подписку — „состоять неуклонно и дѣтей воспитывать въ православіи“, остававшійся въ расколѣ и въ немъ же воспитывавшій своихъ дѣтей,—въ одномъ изъ своихъ прошеній о признаніи дѣтей его законными объяснялъ вѣнчаніе свое въ православной церкви тѣмъ, что „тогда (т. е. въ 1827 году) и до 1837 года не вѣнчали въ раскольническихъ моленныхъ“ (1). Изъ этихъ словъ видно не только то, что въ 1837 году рижская ѳедосѣевщина признала необходимость брачной жизни, но и то, что такая перемѣна въ доктринѣ рижскихъ бракоборцевъ послѣдовала не безъ вѣдома и согласія самихъ ѳедосѣевскихъ наставниковъ, которые сами рѣшились вѣнчать въ часовняхъ желавшихъ обзавестись женой (2). Такъ впрочемъ и должно было быть. По „уставу“, составленному рижскими раскольниками въ 1826 году, никто изъ общества не могъ предпринять что-либо новое, не доложивъ о томъ предварительно „церковному совѣту“ (3).

---

(1) Собр. постан. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 660—661.

(2) См. душеп. чт. 1867 г. январь, извѣст. и зам. стр. 28—29. По другимъ извѣстіямъ (свѣдѣн. о раск. въ витебск. губерн. свящ. Волкова, стр. 81, примѣч.) рижская ѳедосѣевская община допустила у себя брачную жизнь даже раньше 1837 года.

(3) Вѣстн. западн. рос. $18\frac{64}{5}$ г. кн. 11, стр. 295; въ чтен. моск. историч. общества 1869 г. кн. 2, стр. 166—9, напечатанъ „уставъ“, составленный московскими ѳедосѣевцами еще въ маѣ 1812 г., въ которомъ есть статьи (4 и др.), буквально сходныя съ статьями „устава“, составленнаго рижскими

Что же собственно побудило бракоборную рижскую ѳедосѣевщину измѣнить въ 1837 году своему основному ученію о всеобщемъ дѣвствѣ и признать если не законность, такъ по крайней мѣрѣ необходимость жизни брачной? Кромѣ указанныхъ нами распоряженій власти, ограничивавшихъ своеволіе и развратъ рижскихъ ѳедосѣевцевъ, по всей вѣроятности, много вліяла на введеніе въ ихъ общинѣ брачной жизни неустанная дѣятельность въ пользу православной истины тогдашняго мѣстнаго преосвященнаго. Извѣстно, что до 1836 года остзейскій край не имѣлъ отдѣльнаго православнаго архіерея, а былъ подчиненъ управленію псковскаго преосвященнаго. Это обстоятельство, вѣроятно, и было главной причиной того, что находившіеся въ Ригѣ и въ другихъ мѣстахъ раскольники своевольничали, какъ кому хотѣлось, благодаря снисходительности къ нимъ мѣстнаго гражданскаго начальства, часто неправославнаго, и отсутствію ближайшаго надзора за ними епархіальнаго. Въ 1836 году Рига получила своего отдѣльнаго архіерея хотя и не самостоятельнаго,— на правахъ викарія псковской епархіи, но за то человѣка энергическаго и глубоко преданнаго интересамъ православія (1). Преосвященный Иринархъ, ознакомившись, по прибытіи въ Ригу, съ своею паствою, пораженъ былъ, по словамъ покойнаго Государя императора, безнравственностію раскольниковъ и, какъ истинный пастырь, „побуждаясь ревностію о благѣ церкви“, сталъ внимательно слѣдить за всѣми дѣйствіями ѳедосѣевцевъ, предлагая въ тоже время и мѣстному гражданскому начальству обратить вниманіе на злоупотребленія бракоборцевъ и даже обличая его въ потворствѣ злу. Само собой понятно, что

раскольниками въ 1826 г. Значитъ, Рига, объединяя въ церковно-общинномъ управленіи безпоповщинскій расколъ остзейскаго края и западнорусскихъ губерній, сама находилась въ нѣкоторой зависимости отъ Москвы.

(1) Вятск. епарх. вѣдом. 1864 г. № 23, стр. 699.

подобныя дѣйствія преосвященнаго не могли понравиться свѣтской власти, покровительствовавшей раскольникамъ; начались между лифляндскимъ губернскимъ и епархіальнымъ начальствами взаимныя пререканія и переписка, кончившіяся тѣмъ, что объ нихъ дошли (въ 1838 году) свѣдѣнія до Высочайшей власти (1). И хотя Государь императоръ, разсмотря все дѣло, нашелъ, что преосвященный Иринархъ „уже весьма усильно слѣдилъ“ за дѣйствіями рижскихъ раскольниковъ и предлагалъ къ обузданію ихъ своеволія такія мѣры, которыя были „неудобоисполнимы по принятой терпимости“; тѣмъ не менѣе Государь призналъ, что и мѣстное гражданское начальство было неправо и позволяло въ отношеніи къ заблуждающимъ много „снисхожденія“. Поэтому, повелѣвая преосвященному Иринарху „дѣйствовать на раскольниковъ средствами кроткаго убѣжденія и назиданія, въ сношенія съ гражданскимъ начальствомъ по дѣламъ, до раскольниковъ касающимся, входить не иначе, какъ по осторожномъ разсмотрѣніи необходимости и удобоисполнимости предлагаемаго имъ требованія, въ случаѣ же недоумѣній, не вступая въ таковыя сношенія, предварительно испрашивать наставленія своего епархіальнаго преосвященнаго, который съ своей стороны давалъ бы ему надлежащія разрѣшенія, а въ случаяхъ важныхъ доносилъ бы св. суноду и ожидалъ отъ онаго наставленія“,—Государь императоръ въ тоже время соизволилъ повелѣть министру внутреннихъ дѣлъ—„сообщить рижскому военному генералъ-губернатору, чтобы онъ, удовлетворяя такимъ требованіямъ

(1) Какъ тяжело было православію и православной власти въ Ригѣ и вообще въ остзейскомъ краѣ въ прошлое царствованіе отъ интригъ иновѣрныхъ гражданскихъ начальствъ, можно видѣть, между прочимъ, изъ письма бывшаго рижскаго преосвящ. Филарета, писаннаго имъ къ покойному преосвящ. харьковскому Иннокентію (Чт. моск. истор. общ. 1869 г. кн. 2‘ стр. 174—8).

духовнаго начальства по дѣламъ о раскольникахъ, которыя согласуются съ существующими постановленіями, въ случаяхъ сомнительныхъ испрашивалъ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ и *притомъ наблюдалъ неослабно* всѣ постановленія касательно раскольниковъ, преподанныя въ руководство гражданскимъ начальствамъ“ (1). А этого и довольно было для того, чтобы рижскіе ѳедосѣевцы поняли, что проповѣдуемое ими дѣвство—съ правомъ вести развратную жизнь—не можетъ быть болѣе терпимо, и чтобы по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ рѣшились вступать въ бракъ, хотя и безсвященнословный, заключавшійся въ часовнѣ, по благословенію наставника-мірянина. Согласиться на такую перемѣну въ ученіи и жизни рижскіе раскольники могли въ 1837 году тѣмъ легче, что ими давно уже была сознана неправильность многихъ постановленій, наслѣдованныхъ ими отъ „прежнихъ отцевъ“, и что вообще, живя среди населенія инославнаго, образованнаго и прогрессивнаго, они и сами не отличались слѣпою привязанностію къ старинѣ, къ обычаямъ предковъ. Такъ еще въ „уставѣ“, составленномъ рижскими ѳедосѣевцами въ 1826 году—для управленія богадѣльнею, была высказана ими замѣчательная мысль о томъ, что предки ихъ узаконили много несправедливаго. „Церковному совѣту“, составленному изъ „семи избранныхъ свѣтскихъ людей и трехъ духовныхъ особъ“, кромѣ завѣдыванія всѣми текущими дѣлами, поручалось еще „различныхъ временъ предковъ сочиненія и узаконенія всѣ внимательно пересмотрѣть и согласныя съ законами и писаніемъ утвердить, недостаточныя пополнить, невразумительныя объяснить, а противныя правиламъ и священному писанію, предъ обществомъ доказавъ, отмѣнить; понеже бо въ нѣкоторыхъ узаконеніяхъ оныхъ обрѣтаются и по-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 290—294.

грѣшности, какъ-то въ статьяхъ польскихъ и подобныхъ тѣмъ“ (1). Мы не знаемъ точно, что́ разумѣли рижскіе раскольники подъ „статьями польскими“, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, было не мало погрѣшностей. Но если разумѣть подъ польскими статьями извѣстныя опредѣленія собора польскихъ ѳедосѣевцевъ, бывшаго въ 1752 году, которыми безусловно отвергалась брачная жизнь и преслѣдовалось новоженство (2), то понятно будетъ, какъ тяготились безбрачіемъ рижскіе ѳедосѣевцы еще въ самомъ началѣ прошлаго царствованія. Какъ бы впрочемъ ни было, но то несомнѣнно, что съ 1837 года въ рижской ѳедосѣевской общинѣ является брачная жизнь.

Не можемъ не указать при этомъ хитрости, съ какою дѣйствовали рижскіе раскольники, подъ надзоромъ инославнаго свѣтскаго начальства, часто не понимавшаго различія между расколомъ и православіемъ. Когда указомъ 29 января 1834 года запрещено было рижскимъ ѳедосѣевцамъ имѣть метрическія книги, для записи въ нихъ рождающихся, и велѣно было о каждомъ рожденіи давать знать полиціи, которая обязывалась вести для этого особую книгу,—раскольники ухитрились обратить это распоряженіе въ свою пользу и для этого не только давали знать полиціи о каждомъ, вновь родившемся въ ихъ безбрачной общинѣ, ребенкѣ, но даже стали приглашать полицейскаго офицера для присутствованія при крещеніи новорожденнаго; это—для того, чтобы, участіемъ при крещеніи оффиціальнаго лица, показать, что „совершенный ими обрядъ крещенія чрезъ ихъ наставника есть законный“ и что будто бы вообще „они суть общество признанное и покровительствуемое“. Само собою разумѣется, что подобный порядокъ вещей, какъ „несообразный съ при-

(1) Вѣстн. западн. рос. $186^4/_5$ г. кн. 11, стр. 295.

(2) См. объ этихъ опредѣленіяхъ въ перв. выпускѣ, стр. 164—166.

нятыми правилами", былъ отмѣненъ властію и вмѣсто него введенъ новый, который еще больше побуждалъ рижскихъ бракоборцевъ склоняться на сторону жизни брачной.

Въ томъ же 1838 году рижскій генералъ-губернаторъ, вѣроятно, влѣдствіе представленій духовнаго начальства, испрашивалъ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ „должно поступать съ раскольницами въ случаѣ сопротивленія ихъ къ окрещенію незаконнорожденныхъ дѣтей своихъ въ православной вѣрѣ и, въ особенности, что должно дѣлать съ таковыми дѣтьми"; при этомъ генералъ-губернаторъ присовокуплялъ, что „если, окрестивъ ихъ насильно въ православіи, оставлять при матеряхъ, то они могутъ сдѣлаться закоренѣлыми раскольниками, если же отбирать ихъ отъ матерей, то встрѣчается затрудненіе, куда ихъ отдавать; ибо приказъ общественнаго призрѣнія не имѣетъ возможности призрѣвать младенцевъ". Хотя въ этомъ „присовокупленіи" уже предрѣшался вопросъ въ пользу раскольниковъ, тѣмъ не менѣе происки рижскихъ бракоборцевъ не удались. 30 апрѣля 1838 года Государь императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ—сообщить генералъ-губернатору, что „въ подобныхъ случаяхъ надлежитъ руководствоваться существующими постановленіями, и во всякомъ случаѣ незаконнорожденныхъ отъ раскольницъ крестить въ православной вѣрѣ, оставляя на прокормленіе при матеряхъ, а дабы не дать укорениться въ сихъ дѣтяхъ раскольническимъ понятіямъ, то изъ нихъ мужеска пола зачислять въ военные кантонисты, по достиженіи установленнаго для того срока, а женска пола пристраивать по распоряженію приказа общественнаго призрѣнія" (1). Нужно ли говорить, какъ должно было подѣйствовать на рижскихъ бракоборцевъ указанное распоряженіе. Когда въ 1833 году послѣдовало Высочайшее

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 299—300.

повелѣніе о закрытіи, такъ называвшагося, сиротскаго отдѣленія и объ опредѣленіи въ военные кантонисты круглыхъ сиротъ мужескаго пола, находившихся въ означенномъ отдѣленіи, а въ благонадежныя благотворительныя заведенія приказа общественнаго призрѣнія—сиротъ женскаго пола,—раскольники не могли особенно безпокоиться, такъ какъ рѣчь шла только о тѣхъ изъ ихъ дѣтей, которыя въ то время находились въ сиротскомъ домѣ, подъ именемъ круглыхъ сиротъ, и которымъ, какъ мы видѣли, они подъискали родственниковъ. Теперь, благодаря указанному распоряженію, *всѣ* ихъ дѣти, если бы только проповѣдники дѣвства позволили себѣ незаконныя связи съ женщинами, обрекались не только на службу „царю-антихристу“, или на житье въ антихристовыхъ учрежденіяхъ, но и на „никоніанское“ крещеніе. Правда, въ указѣ повелѣвалось крестить въ православіи только *незаконнорожденныхъ* дѣтей ѳедосѣевскихъ; но вѣдь въ обществѣ, которое не признавало брака, не могло быть, по закону, ни одного законнаго рожденія. Чтобы избѣжать бѣды, нѣкоторые изъ рижскихъ ѳедосѣевцевъ, болѣе другихъ хитрые, рѣшились вступать съ своими сожительницами въ бракъ, и притомъ чрезъ вѣнчаніе въ церкви православной (1). Этимъ они пріобрѣтали право какъ прижитыхъ прежде, такъ и имѣвшихъ родиться послѣ, дѣтей своихъ считать законными и на этомъ основаніи крестить ихъ по своему раскольническому обряду (2). Другіе, вѣнчанные, или желавшіе вѣнчаться, только въ раскольническихъ часовняхъ, при посредствѣ наставниковъ—мірянъ, стали употреблять предъ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ всѣ средства къ тому, чтобы прижитыя ими дѣти были признаны хотя въ *нѣкоторой сте-*

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 333.
(2) Тамъ же стр. 334 и 343.

пени законными. Мы не знаемъ, что̀ выставляли рижскіе ѳедосѣевцы въ доказательство законности дѣтей, прижитыхъ ими во внѣ-церковныхъ бракахъ, но знаемъ, что въ этомъ смыслѣ рижскій генералъ-губернаторъ входилъ съ представленіемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ—„относительно крещенія незаконно прижитыхъ раскольницами дѣтей“. Какими данными защищалъ своихъ подчиненныхъ рижскій военный начальникъ, намъ неизвѣстно; но, судя по отвѣту на его представленіе, можно думать, что онъ указывалъ—съ цѣлію освободить раскольническихъ дѣтей отъ православнаго крещенія—на прежде изданные законы, по которымъ раскольники, какъ поповцы, такъ и безпоповцы, не преслѣдовались за мнѣнія ихъ о вѣрѣ и могли спокойно совершать принятые ими обряды, слѣдовательно и крещеніе рождающихся младенцевъ, лишь бы только не было при этомъ публичнаго оказательства раскольническихъ обрядовъ и ученія, въ соблазнъ православнымъ. При первомъ взглядѣ на дѣло, губернаторъ былъ правъ; распоряженіе отъ 30 апрѣля 1838 года о крещеніи въ православіи незаконнорожденныхъ дѣтей рижскихъ ѳедосѣевокъ, по видимому, противорѣчило прежде изданнымъ и уже изложеннымъ нами указамъ отъ 9 января и 13 февраля 1826 года и 5 декабря 1834 года, которыми повелѣвалось „не входить ни въ какое изслѣдованіе о раскольникахъ секты безпоповщинской, или иной, кои совершаютъ таинства и мірскія требы по обряду своей ереси“,—но только—*по видимому*. На самомъ же дѣлѣ между раскольниками, о которыхъ шла рѣчь въ означенныхъ указахъ, и рижскими ѳедосѣевцами, по суду власти, было громадное различіе, которое и позволяло правительству, не нарушая *общихъ* постановленій по расколу, издать частное распоряженіе о безусловномъ крещеніи въ православіи незаконнорожденныхъ дѣтей рижскихъ бра-

коборцевъ. Дѣло въ томъ, что указы отъ 9 января и 13 февраля 1826 года касались поповцевъ, а указъ 5 декабря 1834 года имѣлъ въ виду хотя и безпоповцевъ, но такихъ, кои принимали бракъ; между тѣмъ рижскіе ѳедосѣевцы потому и имѣли у себя много незаконнорожденныхъ дѣтей, что отвергали брачную жизнь и кромѣ того не молились за царя; а раскольники подобнаго рода, по законодательству разсматриваемаго времени, не подходили подъ общую категорію заблуждающихъ, но составляли отдѣльную группу, или секту, которую правительство считало особенно вредною и противъ которой существовали особыя, болѣе строгія, правила. Не излагая здѣсь этихъ правилъ, такъ какъ послѣ мы намѣрены разсмотрѣть ихъ подробно, ограничимся въ настоящемъ случаѣ указаніемъ только на, приведенное нами уже прежде, распоряженіе отъ 27 мая 1820 года, которымъ запрещалось избирать въ общественныя должности раскольниковъ—безпоповцевъ, не молящихся за царя и не пріемлющихъ брака, тогда какъ безпоповцы, которые принимали бракъ, хотя и безсвященнословный, и молились за державную власть, не лишались этого права на выборы (1). Какъ бы впрочемъ ни было, только на представленіе рижскаго губернатора, по вопросу о крещеніи незаконно-прижитыхъ раскольницами дѣтей, послѣдовалъ 5 мая 1839 года отвѣтъ, который вполнѣ благопріятствовалъ тѣмъ изъ рижскихъ ѳедосѣевцевъ, которые вѣнчались въ своихъ часовняхъ, при посредствѣ своихъ наставниковъ. Губернатору было сообщено, что „вездѣ незаконнорожденными признаются дѣти, рожденныя отъ лицъ женскаго пола, не сожительствующихъ мужу по правиламъ своего вѣрованія, или подкинутыя для сокрытія виновниковъ преступнаго рожде-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 66—67; Семейн. жизнь, вып. перв. стр. 380.

нія, на которыхъ единственно и должно распространяться Высочайшее повелѣніе 30 апрѣля 1838 года“ (1).

Такимъ образомъ, по силѣ этого распоряженія, подлежали православному крещенію дѣти только тѣхъ рижскихъ раскольниковъ, которые имѣли тайныхъ любовницъ, считаясь въ то же время безбрачными, или дѣвственниками, и которые, впрочемъ, составляли большинство въ рижской ѳедосѣевской общинѣ.—Что же дѣлали эти люди въ предотвращеніе участи, какая грозила ихъ незаконнымъ дѣтямъ? Вмѣсто того, чтобы узаконять свои сожительства вѣнчаніемъ въ церкви православной, или по крайней мѣрѣ вступать въ бракъ съ благословенія своихъ наставниковъ — въ часовняхъ, эти ревнители отеческихъ уставовъ по прежнему предавались разврату, не думая вовсе о томъ, что́ предстояло въ будущемъ ихъ дѣтямъ, или расчитывая избавить ихъ отъ „никоніанскаго крещенія“ посредствомъ подкупа тѣхъ, отъ кого это зависѣло; и такъ поступали рижскіе бракоборцы, не смотря даже на то, что за свои злоупотребленія подвергались разнаго рода ограниченіямъ и довольно важнымъ, въ родѣ лишенія права пріобрѣтать мѣстное гражданство и вступать въ гильдейскія братства г. Риги (1). Мы не знаемъ, на сколько справедливы были надежды рижскихъ бракоборцевъ на „благодушіе“ мѣстнаго начальства, но знаемъ, что и послѣ распоряженія 5 мая 1839 г. въ рижскихъ моленныхъ продолжали крестить дѣтей не только тѣхъ ѳедосѣевцевъ, которые вѣнчались по своимъ обрядамъ, что́ было дозволено, или жили съ женщинами „вовсе безъ вѣнца“, что́ запрещалось указаннымъ распоряженіемъ, но даже и тѣхъ, кои вѣнчались въ церквахъ православныхъ, или жили безъ вѣнчанія съ женщинами православнаго ис-

(1) Тамъ же стр. 343.
(2) Тамъ же стр. 458—459.

повѣданія, что́ уже противорѣчило всякому закону (1). Такія нарушенія закона рижскими раскольниками, разумѣется, не могли не обратить на себя вниманія правительства. И вотъ въ 1842 году, по Высочайшему повелѣнію, св. сѵнодъ, съ цѣлію „дать рижскимъ раскольникамъ болѣе побужденій обращаться отъ незаконныхъ сожитій къ бракамъ законнымъ“, предписываетъ псковскому преосвященному „дать отъ себя священникамъ зараженныхъ расколомъ приходовъ наставленіе, дабы они не отказывали раскольникамъ и даже, въ случаѣ надобности, приглашали ихъ освящать брачные союзы свои въ единовѣрческихъ церквахъ, по ихъ желанію, и чтобы таинство сіе совершали надъ ними, не простирая къ нимъ никакихъ дальнѣйшихъ требованій“. Но такъ какъ это распоряженіе велѣно было „содержать въ особенной тайнѣ“ и исполненіе по оному преосвященный обязанъ былъ сдѣлать „непосредственно отъ себя, безъ участія въ томъ даже консисторіи“, и притомъ „вовсе не упоминая о Высочайшемъ повелѣніи“ (2); то неудивительно, что рижскіе раскольники въ приглашеніи священниковъ вѣнчаться въ единовѣрческихъ церквахъ видѣли простую любезность и отвѣчали на него нелюбезнымъ отказомъ, продолжая по прежнему развратничать. Такое упорство заблуждающихъ вынудило наконецъ и мѣстное гражданское начальство отнестись къ дѣлу серьезнѣе. Въ 1847 году рижскій генералъ-губернаторъ уже обстоятельно доноситъ министерству внутреннихъ дѣлъ о злоупотребленіяхъ бракоборцевъ, сообщая ему въ то же время и свои предположенія о томъ, какъ, по его мнѣнію, успѣшнѣе подѣйствовать на искорененіе въ Ригѣ раскола. Предположенія эти

(1) Тамъ же стр. 495; собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 660—661.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 403—404.

были доведены до Высочайшаго свѣдѣнія и 25 октября того же года Государь императоръ повелѣлъ сообщить остзейскому генералъ-губернатору, что мнѣніе его „о непризнаваніи женщинъ, живущихъ съ раскольниками по вѣнчальному ихъ обряду, или вовсе безъ вѣнца, и дѣтей отъ нихъ рожденныхъ, женами и дѣтьми тѣхъ раскольниковъ, о не приписке оныхъ къ ихъ семействамъ и не означеніи въ выдаваемыхъ паспортахъ ихъ женами и дѣтьми", будетъ разсмотрѣно особо, а до окончательнаго разрѣшенія сего дѣла поручается ему примѣнить къ рижскимъ раскольникамъ Высочайше утвержденныя 8 декабря 1846 года, относительно семействъ московскихъ раскольниковъ, правила. А по этимъ правиламъ, какъ мы уже видѣли, жены и дѣти поповцевъ (рогожцевъ) причислялись къ семействамъ по полицейскимъ свидѣтельствамъ; что же касается безпоповцевъ Преображенскаго кладбища, послѣдователями котораго были и рижскіе раскольники, то, по означеннымъ правиламъ, дѣти ихъ причислялись къ семействамъ отцевъ, на основаніи тѣхъ же полицейскихъ свидѣтельствъ, но какъ незаконнорожденныя, а матери ихъ, по случаю отверженія ими брака, женами ѳедосѣевцевъ записываться не могли. Если мы обратимъ при этомъ вниманіе еще на то обстоятельство, что въ этомъ распоряженіи предписывалось, чтобы на будущее время раскольники г. Риги, принадлежащіе къ податному состоянію, отправляли рекрутскую повинность не иначе, какъ лично, а между тѣмъ неполучившимъ изъ нихъ до 1846 года правъ гражданства и купечества теперь уже не дозволялось выходить изъ податнаго состоянія, — что, кромѣ того, этимъ же указомъ вновь подтверждалось Высочайшее повелѣніе 30 апрѣля 1838 года, по которому незаконнорожденныхъ дѣтей безсемейныхъ раскольничьихъ дѣвокъ и женщинъ, брошенныхъ тѣми, съ кѣмъ они

имѣли беззаконное сожительство, во всякомъ случаѣ должно было крестить въ православной вѣрѣ и за тѣмъ въ призрѣніи такихъ дѣтей—поступать по силѣ означеннаго Высочайшаго повелѣнія, то есть, мужескаго пола, по достиженіи узаконеннаго возраста, зачислять въ военные кантонисты, а женскаго пола пристраивать по распоряженію приказа общественнаго призрѣнія (1),—если къ этому еще прибавимъ, что указомъ того же 25 октября 1847 года было Высочайше запрещено рижскимъ раскольникамъ (наравнѣ съ другими) пріобрѣтать въ остзейскихъ губерніяхъ въ потомственную собственность, или въ арендное владѣніе, населенныя имѣнія и даже земли, на которыхъ можетъ существовать населеніе (2),—то поймемъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи очутились, въ концѣ 1847 года, рижскіе бракоборцы,—и притомъ не только тѣ, кои, подъ видомъ дѣвства, предавались разврату, но даже и тѣ, кои такъ, или иначе, сожительствовали съ избранными ими женщинами, или даже вступали въ браки, только по благословенію своихъ неосвященныхъ наставниковъ. Дѣти первыхъ теперь неминуемо должны были, принявъ православное крещеніе, поступать въ распоряженіе православной власти; дѣти послѣднихъ, какъ незаконнорожденныя, лишались всѣхъ правъ, кои, по законамъ, принадлежатъ дѣтямъ законнымъ, а матери ихъ, поступивъ въ разрядъ наложницъ, могли, если бы захотѣли, безпрепятственно оставлять своихъ мнимыхъ мужей или, въ свою очередь, быть брошены ими, если переставали удовлетворять прихотливымъ требованіямъ своихъ друзей, не находившихъ никакого интереса въ постоянномъ сожительствѣ съ одною подругою. Если и можно было утѣшать себя чѣмъ-либо въ такомъ неловкомъ положеніи, такъ развѣ надеждой,

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 492—496.
(2) Тамъ же стр. 497—498.

что низшее мѣстное начальство, занятое множествомъ дѣлъ другаго рода, или даже равнодушное къ интересамъ православія, не станетъ усильно слѣдить за дѣйствіями своихъ богатыхъ горожанъ и по прежнему предоставитъ имъ свободу въ домашней жизни. Къ неудовольствію рижскихъ ѳедосѣевцевъ, въ тотъ же годъ и день, въ которые изданы были вышеизложенныя постановленія, послѣдовало Высочайшее повелѣніе „объ учрежденіи въ г. Ригѣ секретнаго совѣщательнаго комитета по дѣламъ о раскольникахъ“ (1); а это значило, что мѣстный преосвященный, для котораго, разумѣется, интересы православія въ подчиненной ему епархіи стояли на первомъ планѣ и который притомъ въ скоромъ времени (въ 1850 году) сдѣланъ былъ самостоятельнымъ епархіальнымъ начальникомъ (2), могъ дѣйствовать теперь на заблуждающихъ, какъ непремѣнный членъ секретнаго комитета, съ полною свободою и знать всѣ ихъ закулисныя тайны. И мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что въ Ригѣ епархіальное начальство съ 1850-хъ годовъ начинаетъ дѣйствовать противъ раскола даже слишкомъ энергически (3).

Съ другой стороны непрекращавшіеся безпорядки ѳедосѣевцевъ рижскихъ стали надоѣдать уже и мѣстному гражданскому начальству. Малолѣтнія незаконнорожденныя дѣти бракоборцевъ, такъ, или иначе, воспитывавшіяся на рукахъ своихъ матерей, еще могли не озабочивать полиціи; но когда эти дѣти, по достиженіи извѣстнаго возраста, пускались для пріобрѣтенія куска хлѣба въ разнаго рода недозволенные промыслы и превращались въ „карманщиковъ“ (4), — это уже начинало не нравиться и полиціи, и она, для собственнаго спокойствія, должна была

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 491.
(2) Вятск. епарх. вѣдом. 1864 г. № 24, стр. 720.
(3) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 554.
(4) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 521.

предпринимать мѣры къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ на будущее время поменьше было въ городѣ подобныхъ артистовъ. А это естественно приводило гражданское начальство къ мысли о необходимости строго исполнять Высочайшія повелѣнія относительно распредѣленія незаконно прижитыхъ рижскими ѳедосѣевками дѣтей—то въ баталіоны военныхъ кантонистовъ, то въ заведенія приказа общественнаго призрѣнія. Приказъ общественнаго призрѣнія въ свою очередь не находилъ, какъ видно, особеннаго удовольствія тратить свои средства на раскольническихъ дочерей (1) и могъ съ своей стороны употреблять мѣры къ тому, чтобы у рижскихъ дѣвственниковъ поменьше было на будущее время незаконнорожденныхъ дѣтей. Слѣдствіемъ всего этого было то, что не только тѣ изъ рижскихъ ѳедосѣевцевъ, которые были хотя номинальными дѣвственниками, стали вступать теперь въ браки, и притомъ чрезъ вѣнчаніе въ церквахъ единовѣрческихъ и даже православныхъ (2), но даже и тѣ, кои жили съ женщинами „по своему вѣнчальному обряду“, нерѣдко спѣшили освятить свои сожитія благословеніемъ церкви, чтобы этимъ узаконить свое потомство (3) и пріобрѣсть себѣ права, которыхъ послѣдними распоряженіями лишены были рижскіе раскольники. А когда, по ходатайству рижскаго генералъ-губернатора, дѣтямъ рижскихъ раскольниковъ купеческаго сословія было дано въ 1850 году право поступать въ гимназіи и въ университеты, но подъ условіемъ, чтобы дѣти эти происходили отъ родителей, вѣнчанныхъ въ православныхъ, или единовѣрческихъ, церквахъ и только дѣтей крестившихъ по раскольничьимъ обрядамъ, или и отъ такихъ родителей, которые вѣнчаны были „по расколу“,

(1) Тамъ же стр. 538.
(2) Тамъ же стр. 534.
(3) Тамъ же стр. 574.

но которыхъ однакожъ „мѣстное начальство, на основаніи данныхъ въ руководство оному разрѣшеній, признаетъ сожительствующими супружески, какъ мужъ и жена: таковы раскольники, внесенные въ 8 ревизію, купцы и мѣщане и при нихъ жены и дѣти, также получившіе въ прежнее время, по *неосмотрительности* городскаго начальства, право гражданства г. Риги большой гильдіи“ (1),—эти распоряженія для многихъ изъ рижскихъ богатыхъ ѳедосѣевцевъ, не подходившихъ подъ означенную категорію, послужили новымъ побужденіемъ вступать въ браки не иначе, какъ съ благословенія православныхъ, или единовѣрческихъ, пастырей. А когда въ томъ же 1850 году послѣдовала 9 ревизія и Высочайше повелѣно было женъ рижскихъ раскольниковъ, не вѣнчанныхъ въ церкви, не записывать женами, а вносить въ списки тѣхъ семействъ, къ которымъ онѣ принадлежали по рожденію, дѣтей же хотя и показывать въ семействахъ раскольниковъ, но незаконнорожденными (2), и такъ поступать приказано было, не смотря ни на какія возраженія со стороны ѳедосѣевцевъ, а въ случаѣ ихъ неповиновенія, повелѣвалось принять надлежащія мѣры,—когда въ тоже время объявлено было правительствомъ остзейскимъ раскольникамъ, что дѣти тѣхъ изъ нихъ, кои доселѣ жили безбрачно, а теперь пожелали бы присоединить ихъ къ св. церкви и сами повѣнчались бы по обряду оной, будутъ внесены въ ревизію, какъ законнорожденныя, въ противномъ же случаѣ они, какъ незаконнорожденныя, будутъ обложены податьми на общемъ со всѣми лицами податныхъ состояній основаніи (3);—когда, наконецъ, въ 1853 году самыя заведенія рижскихъ ѳедосѣевцевъ, которыя извѣстны были подъ

(1) Тамъ же стр. 533—534.
(2) Тамъ же стр. 546, снес. стр. 537—538.
(3) Тамъ же стр. 553.

именемъ гребешниковскихъ (1), велѣно было подчинить надзору и ближайшему наблюденію достойнаго лица высшаго сословія православнаго исповѣданія, которое постоянно проживало въ Ригѣ и должно было состоять въ непосредственномъ сношеніи съ генералъ - губернаторомъ (2), — рижскимъ ѳедосѣевцамъ, особенно купцамъ, не желавшимъ обрекать дѣтей своихъ на роль лицъ податнаго состоянія,—не оставалось ничего болѣе, какъ узаконять свои сожительства вѣнчаніемъ въ церквахъ православныхъ, или, по крайней мѣрѣ, единовѣрческихъ, или даже прямо присоединяться къ единовѣрію. И дѣйствительно между 1852 и 1854 годами были самыя замѣчательныя по численности присоединенія рижскихъ раскольниковъ къ единовѣрію. Въ этотъ промежутокъ времени рижская раскольническая моленная лишилась самыхъ главныхъ своихъ прихожанъ: все лучшее, богатое купечество зачислило какъ себя, такъ и дѣтей своихъ, въ прихожанъ церкви единовѣрческой (3). Впрочемъ есть основаніе думать, что, не смотря на всѣ указанныя распоряженія власти, ограничивавшія мнимодѣвственную, а на самомъ дѣлѣ развратную, жизнь рижскихъ ѳедосѣевцевъ, многіе изъ нихъ, болѣе другихъ фанатичные, а равно и тѣ изъ бѣдняковъ, которыхъ дѣти не могли ничего терять, потому что ничего не имѣли,— не соглашались вѣнчаться въ церкви православной и по прежнему продолжали незаконныя сожительства съ избранными ими женщинами. И что всего удивительнѣе, на подобныя сожительства съ рижскими ѳедосѣевцами соглашались не только ѳедосѣевки, но даже женщины, принадлежавшія къ единовѣрію и православію, слѣдствіемъ чего

(1) Такъ они названы были правительствомъ въ 1833 году отъ принадлежавшей имъ дачи, которая называлась Гризенбергъ, или Гребешникова (тамъ же стр. 140).

(2) Тамъ же стр. 590.

(3) Прав. Обозр. декабрь 1867 г., стр. 390.

обыкновенно было совращеніе лицъ, принадлежавшихъ къ церкви, въ расколъ; кромѣ того, при такихъ сожительствахъ допускались иногда не только любодѣяніе, но прелюбодѣяніе и даже кровосмѣшеніе. Такія преступленія, конечно, не могли не обратить на себя вниманія мѣстнаго начальства, и оно не замедлило дать знать объ нихъ министерству внутреннихъ дѣлъ, которое съ своей стороны представленіе рижскаго секретнаго совѣщательнаго комитета сообщило св. суноду. Мѣры, какія призналъ св. сунодъ необходимыми и полезными для прекращенія указанныхъ злоупотребленій рижскихъ бракоборцевъ, состояли въ томъ, что на будущее время раскольниковъ, виновныхъ въ безбрачномъ сожитіи съ лицами православнаго исповѣданія и единовѣрцами, велѣно было подвергать заключенію, или аресту, на такое же время, какое опредѣляется, по церковнымъ правиламъ, за тѣ же проступки, или преступленія, лицамъ, принадлежащимъ къ православію и единовѣрію, и именно: за любодѣяніе, на основаніи 22 правила св. Василія великаго, опредѣлено было подвергать раскольниковъ заключенію на 4 года, за прелюбодѣяніе, на основаніи 58 правила,—на 7 лѣтъ, за кровосмѣшеніе, на основаніи 67 правила, — на 11 лѣтъ и болѣе, смотря по степени кровосмѣшенія; при этомъ, вопреки прежнимъ своимъ постановленіямъ (1) и вопреки постановленіямъ свѣтской власти „о неприговариваніи раскольниковъ къ церковному покаянію въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ оно полагается закономъ“ (2), опредѣлено было св. сунодомъ, чтобы виновные въ указанныхъ преступленіяхъ раскольники, независимо отъ заключенія, или ареста, посылаемы были еще въ монастырь—

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 19, 68, 78, 91, 157, 342 и 343.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 458.

за первое преступленіе на 40 дней, за второе на 60, за третье на 80—100 дней; это—для того, чтобы „уравнять мѣры взысканія для раскольниковъ и православныхъ за одни и тѣ же преступленія ихъ и силою церковныхъ правилъ убѣждать ихъ здѣсь исполнять соотвѣтственный епитиміи постъ и молитву и въ тоже время пользоваться симъ случаемъ для вразумленія ихъ въ погрѣшительности раскольническихъ ученій и для обращенія ихъ къ православной церкви“; а если бы по какимъ-либо причинамъ нельзя было заключить раскольника на опредѣленное число дней, для епитиміи, въ монастырь,—въ такомъ случаѣ повелѣвалось содержать его такое же число дней въ смирительномъ домѣ, — съ тѣмъ, чтобы „общеправославный, или единовѣрческій, священникъ посѣщалъ его для увѣщанія и вразумленія“; если раскольникъ, содержавшійся въ монастырѣ, или въ смирительномъ домѣ, изъявлялъ желаніе присоединиться къ церкви безусловно, или на правилахъ единовѣрія, онъ немедленно освобождался изъ монастыря, или смирительнаго дома, и несъ назначенную ему епитимію (смягченную) подъ руководствомъ священника, уже на мѣстѣ жительства (1). На сколько удобно было осуществленіе этого распоряженія въ рижской епархіи, гдѣ—всего только одинъ монастырь—Иллукстскій, и прекратились ли послѣ этого беззаконныя сожительства рижскихъ бракоборцевъ съ православными и единовѣрческими женщинами, мы не знаемъ, какъ не знаемъ и того, на сколько достигало цѣли основанное въ концѣ 1854, или въ началѣ 1855 года, въ Ригѣ „начальное русское училище—съ цѣлію распространенія между низшими классами тамошняго русскаго населенія, и преимущественно между раскольниками, необходимаго просвѣщенія“ (2).

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 622, 683—686.
(2) Тамъ же стр. 556—568.

Все, что мы говорили доселѣ, касается собственно рижскихъ ѳедосѣевцевъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что тѣ же самыя явленія, какія мы видѣли въ рижской ѳедосѣевской общинѣ, совершались въ разсматриваемое нами время и въ средѣ другихъ ѳедосѣевцевъ остзейскаго края, которые считали рижскую общину своею руководительницею въ дѣлахъ вѣры и во всемъ слѣдовали ея примѣру. И дѣйствительно ѳедосѣевцы остзейскаго края, проповѣдуя на словахъ дѣвство, на дѣлѣ вступали въ сожительства съ избранными ими женщинами, нерѣдко православнаго исповѣданія, и даже выдавали ихъ за женъ (1). Мало этаго: есть основаніе думать, что въ нѣкоторыхъ остзейскихъ губерніяхъ, напр. въ Курляндіи, ѳедосѣевцы стали вступать въ браки даже раньше, чѣмъ въ самой Ригѣ, то есть, раньше 1837 года, и дѣлали это, кажется, не безъ вѣдома и согласія наставниковъ рижской общины. По крайней мѣрѣ, встрѣчаются между раскольниками документы, выданные на вступленіе въ бракъ нѣкоторымъ ѳедосѣевцамъ курляндскимъ еще въ 1834 году, на которыхъ однакоже красуется печать рижской больницы, съ изображеніемъ на ней избы съ стоящими около нея двумя человѣками, среди которыхъ—мальчикъ, и съ надписью—на верху: „страж. (то есть, страждущимъ) покой“, внизу: „1826 г. 27 сентября“, а кругомъ: „печать рижскаго старообрядческаго больничнаго призрѣнія“ (2). Что̀ значили въ свое время эти документы, мы не знаемъ. Быть можетъ, наставники рижской ѳедосѣевской общины, видя невозможность удержать въ безбрачіи иногородныхъ своихъ единомышленниковъ и въ то же время не желая, чтобы они вѣнчались въ церкви православной, выдавали имъ означен-

(1) Душепол. чтен. 1867 г. май, извѣст. и замѣтк. стр. 71, снес. стр. 67.

(2) Вѣстн. зап. рос. $186^5/_6$ г. кн. 2; свѣдѣн. о раск. витебск. губерн. стр. 122.

ныя свидѣтельства, какъ формальное, наставническое разрѣшеніе на сожительство съ избранными ими женщинами, за которое слѣдовательно не грозило отлученіе отъ общества. Бывали въ это время между остзейскими ѳедосѣевцами и другіе курьёзы. Напр. дерптскій мѣщанинъ Козловъ, не чувствуя въ себѣ охоты къ дѣвственной жизни, вступилъ въ сожительство съ избранною имъ женщиною Ивановою и прижилъ съ нею чуть не десятокъ дѣтей. За тѣмъ по какимъ-то причинамъ Козловъ обратился къ православію, а мнимая жена его осталась въ расколѣ и даже не хотѣла повѣнчаться съ нимъ безъ присоединенія къ церкви. Вслѣдствіе этого Козловъ вступилъ въ бракъ съ другою раскольницею, принявшею, по его убѣжденію, православіе, а Иванова обратилась съ просьбою въ мѣстный мірскій судъ о побужденіи Козлова выдать ей, за сожитіе съ нею, вознагражденіе; и хотя Козловъ, изъ желанія освободиться отъ притязаній своей прежней подруги, изъявлялъ согласіе уплатить ей 100 р. серебр. въ продолженіе 10 лѣтъ, но Иванова не удовольствовалась этимъ и перенесла дѣло въ дерптскій приходскій судъ; судъ постановилъ приговоръ, чтобы Козловъ платилъ Ивановой по 20 р. серебр. въ годъ пожизненно. И только послѣ многихъ хлопотъ со стороны Козлова, подавшаго на рѣшеніе дерптскаго суда главному начальнику остзейскаго края жалобу, которая побывала и въ рижскомъ секретномъ совѣщательномъ комитетѣ, и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и наконецъ въ св. сунодѣ, — состоялось опредѣленіе — освободить Козлова отъ всякаго взысканія въ пользу Ивановой за незаконное ихъ сожитіе, чтобы въ противномъ случаѣ „не подать повода раскольникамъ къ заключенію, что ихъ притязанія и раскольническія понятія покровительствуются закономъ“ (1). Подобные случаи,

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 608—610.

конечно, чувствительнѣе всякихъ убѣжденій дѣйствовали на ѳедосѣевскихъ женщинъ и заставляли ихъ не слишкомъ довѣряться нашептываніямъ своихъ мнимыхъ дѣвственниковъ, а искать обезпеченія себѣ въ бракѣ, хотя бы и „никоніанскомъ“. Вступленію остзейскихъ раскольниковъ въ браки съ благословенія церкви могло особенно благопріятствовать то обстоятельство, что послѣдовавшее въ 1842 году распоряженіе св. сунода о вѣнчаніи рижскихъ раскольниковъ въ церквахъ единовѣрческихъ, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ церкви, касалось всего остзейскаго края и что за моленными раскольничьими, находившимися внѣ Риги, правительство также зорко слѣдило, какъ и за рижскою богадѣльнею, а въ 1838 году нѣкоторыя изъ нихъ даже запечатало (1); вслѣдствіе этого съ 1848 года, и особенно съ 1853 года, и остзейскіе раскольники, по примѣру рижскихъ ѳедосѣевцевъ, стали обращаться къ единовѣрію и вступать въ браки съ благословенія единовѣрческихъ священниковъ въ своихъ моленныхъ, обращенныхъ теперь въ единовѣрческія церкви (2).

Но сказавъ, что примѣръ рижской ѳедосѣевской общины, допустившей у себя въ разсматриваемое нами время брачную жизнь въ разныхъ формахъ, могъ дѣйствовать и дѣйствительно дѣйствовалъ на убѣжденія въ пользу брака и остальныхъ ѳедосѣевцевъ остзейскаго края,—мы сказали не все. Примѣръ этотъ вліялъ на раскольниковъ и другихъ западныхъ губерній, кромѣ лифляндской, эстляндской и курляндской. Извѣстно, что раскольники-ѳедосѣевцы въ губерніяхъ: витебской, виленской, минской, могилевской, смоленской и другихъ, за исключеніемъ немногихъ уѣздовъ смоленской губерніи, гдѣ ѳедосѣевцы болѣе тяго-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 296—297; ист. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 385.

(2) Прав. Обозрѣн. 1867 г. декабрь, стр. 391—394.

тѣютъ къ Преображенскому кладбищу, всегда находились въ ближайшихъ отношеніяхъ къ Ригѣ, признавая ее своею главою, своимъ центромъ,—такъ, что можно справедливо утверждать, что почти весь ѳедосѣевскій расколъ западныхъ губерній объединялся въ церковно-общинномъ управленіи Ригою (1). А послѣ этого понятно, что принятіе брака рижскими ѳедосѣевцами не могло не отозваться тѣми же явленіями и въ средѣ раскольниковъ другихъ западныхъ губерній, которые такъ, или иначе, зависѣли отъ Риги. Правда, вниманіе правительства обращено было въ разсматриваемое нами время преимущественно на Ригу, и тогда какъ здѣшніе раскольники подвергались разнаго рода ограниченіямъ, ихъ единомысленники въ другихъ западныхъ губерніяхъ нерѣдко пользовались въ тоже время даже милостями власти (2). Но вопросъ о бракѣ и самъ по себѣ на столько имѣетъ жизненнаго значенія, что рѣшеніемъ его въ смыслѣ, благопріятномъ для семейной жизни, могли заняться ѳедосѣевцы западныхъ губерній и безъ всякихъ внѣшнихъ побудительныхъ причинъ—по тому одному, что, занимавшимся арендою земли у польскихъ помѣщиковъ, раскольникамъ помощница въ видѣ жены была важнымъ подспорьемъ въ трудѣ. Съ другой стороны, правительство и за раскольниками западныхъ губерній внимательно слѣдило въ разсматриваемое время (3). Какъ бы впрочемъ ни было, но то несомнѣнно, что въ прошлое царствованіе брачная жизнь была допущена и ѳедосѣевцами другихъ западныхъ губерній, кромѣ остзейскаго края. Уже въ 1830 году нѣкоторые изъ помѣщиковъ невельскаго повѣта обращались къ мѣстному епархіальному начальству съ просьбою о разрѣшеніи вѣнчать крестьянъ ихъ „мужиковской, рас-

(1) Вѣстн. зап. рос. 186⁴/₅ г. кн. 11, стат. „расколъ въ западно-русскомъ краѣ".

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 394.

(3) Тамъ же стр. 405—406, 507—508, 588, 662.

кольнической секты“ въ приходскихъ церквахъ, выставляя на видъ съ одной стороны то, что подобное разрѣшеніе „было бы самымъ надежнымъ средствомъ къ обращенію крестьянъ ихъ въ православіе“,—съ другой,—что „беззаконныя супружества“, въ которыя они начали вступать, производятъ въ семействахъ крестьянъ безпорядки и разстройство, такъ какъ раскольники нерѣдко произвольно расторгали свои союзы, „какъ совершенные внѣ церкви и не освященные ея обрядами“. Жаль только, что епархіальная власть, равно какъ и св. сѵнодъ, отказывали въ подобныхъ просьбахъ на томъ основаніи, что „вѣнчаніе въ православной церкви лицъ обоего пола, въ расколѣ пребывающихъ и къ православной вѣрѣ не обращающихся, указами 1722 г. мая 31 и 1736 г. марта 21 воспрещено“ (1). Слѣдствія такого распоряженія церковной власти понятны; ѳедосѣевцы, не соглашаясь на принятіе православія и въ тоже время соскучась развратомъ, стали вступать въ браки безсвященнословные, или вѣрнѣе: въ сожительства. Вступленіе въ подобныя сожительства дѣлалось очень просто: напередъ сговорившись съ какою нибудь женщиной, или дѣвицей, и получивши ея согласіе, раскольникъ пріѣзжалъ за нею въ условное мѣсто и, какъ бы похитивши ее, везъ къ себѣ въ домъ. А чтобы придать дѣлу публичность, вступившіе въ сожительство начинали часто ходить по базарамъ и вообще мѣстамъ большаго стеченія народа, взявшись за руки, или держась за одинъ платокъ; этимъ они какъ бы заявляли всѣмъ о своемъ сожительствѣ. Такъ поступали тѣ изъ ѳедосѣевцевъ, которые находились въ зависимости отъ наставниковъ, неблагосклонно смотрѣвшихъ на брачную жизнь. Вступавшіе въ подобныя сожительства, по достиженіи 50-лѣтняго возраста, большею частію „разлучались“ съ своими мнимыми женами, хотя и продолжали

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 241—242.

жить съ ними въ одномъ домѣ; чрезъ это изъ „новоженовъ“ они опять превращались въ „рабовъ Христовыхъ“ и принимались на моленіе, наравнѣ съ другими „дѣвственниками“. Но потому ли, что такія сожительства, заключавшіяся безъ всякихъ обязательствъ со стороны вступавшихъ въ оныя, были непрочны и часто расторгались—при первыхъ семейныхъ неудовольствіяхъ, или потому, что мысль о необходимости и законности брачной жизни съ теченіемъ времени становилась болѣе и болѣе ясною и для самыхъ вожаковъ ѳедосѣевскихъ, только въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ въ заключеніи брачныхъ союзовъ раскольническихъ начинаютъ принимать участіе сами наставники ѳедосѣевскіе, быть можетъ, по примѣру Риги, гдѣ съ 1837 года, какъ мы уже видѣли, ѳедосѣевцы стали вѣнчаться въ часовняхъ. Такъ въ 1838 году дошло до свѣдѣнія правительства, что „раскольническіе наставники въ Динабургѣ не только вѣнчали браки, но даже выдавали повѣнчаннымъ свидѣтельства объ ихъ бракахъ“. И хотя тогда же предписано было витебскому генералъ-губернатору воспретить раскольникамъ подобныя дѣйствія, какъ противузаконныя (1), тѣмъ не менѣе можно думать, что и послѣ 1838 года ѳедосѣевцы динабургскіе продолжали вступать въ брачные союзы, съ благословенія своихъ наставниковъ. Дѣло это дѣлалось такъ: въ назначенный день собирались родственники желавшихъ вступить въ сожительство; на поставленномъ предъ ними налоѣ клался крестъ и Евангеліе, къ которымъ, по прочтеніи наставникомъ положенныхъ молитвъ и—благословеніи, новая чета прикладывалась и тѣмъ кончалось все; даже вѣнцевъ не употребляли при этомъ (2). Такіе браки большею частію заключались въ домахъ, но нерѣдко

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 292.

(2) Вѣстн. зап. рос. $186^4/_5$ г. кн: 11, стр. 297—298.

и въ самыхъ моленныхъ, которыхъ у ѳедосѣевцевъ западныхъ губерній было не мало и въ которыхъ совершались требы даже съ позволенія правительства, хотя и „безъ публичнаго оказательства раскола“. Наконецъ, когда послѣдовало распоряженіе власти о вѣнчаніи рижскихъ раскольниковъ въ церквахъ единовѣрческихъ, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ церкви,—этимъ правомъ стали пользоваться и нѣкоторые изъ ѳедосѣевцевъ витебской и другихъ западныхъ губеній; а чтобы еще больше скрѣпить свои союзы „въ гражданскомъ отношеніи“, нѣкоторые вѣнчались даже въ церквахъ православныхъ; вѣнчаніе въ православной церкви особенно усилилось съ того времени, какъ послѣдовало въ 1853 году распоряженіе о закрытіи моленныхъ въ губерніяхъ витебской, смоленской и другихъ (1); были даже и такіе, которые, по примѣру рижскихъ ѳедосѣевцевъ, вступали въ брачные союзы съ лицами римско-католической церкви и лютеранскаго исповѣданія и нерѣдко вѣнчались—то въ римскомъ костелѣ, то въ лютеранской киркѣ (2); наконецъ встрѣчались между ѳедосѣевцами витебской губерніи даже такія личности женскаго пола, которыя готовы были принять католичество, лишь бы только вытти замужъ за католика (3). Въ другихъ мѣстахъ, напр. въ губерніи подольской, ѳедосѣевцы и въ это время продолжали вступать въ безсвященнословныя сожительства, по одному взаимному согласію между собою, за что̀ нерѣдко подвергались наказанію, какъ со стороны гражданскаго начальства, такъ и церковной власти. Первое наказывало сожительствовавшихъ тюремнымъ заключеніемъ, послѣдняя—епитиміею въ монастырѣ (4).

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 588.

(2) Вѣстн. зап. рос. $186^4/_5$ г. кн. 11, стр. 298; снес. Вѣстн. зап. рос. $186^5/_6$ г. кн. 2, стр. 122.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 707.

(4) Тамъ же стр. 341—343.

Вообще нужно сказать, что въ разсматриваемое нами время брачная жизнь въ разныхъ формахъ между ѳедосѣевцами западнаго края считалась явленіемъ естественнымъ, хотя большинство наставниковъ и продолжало требовать безбрачія.

Что же касается другихъ мѣстъ Россіи, кромѣ западнаго края, въ которыхъ находятся послѣдователи Ѳеодосія, то свѣдѣній о томъ, какъ рѣшался между ними вопросъ о бракѣ въ прошлое царствованіе, мы имѣемъ очень мало. Такъ, напр., извѣстно, что брачная жизнь была допущена въ указанное время нѣкоторыми ѳедосѣевцами въ губерніи псковской, и именно: въ самомъ Псковѣ, въ посадѣ Сольцахъ и въ погостѣ Вязу великолуцкаго уѣзда,— главныхъ центрахъ псковской ѳедосѣевщины (1). И это неудивительно. Псковскіе ѳедосѣевцы находились въ ближайшихъ отношеніяхъ къ Ригѣ (2). Слѣдовательно, примѣръ рижскихъ ѳедосѣевцевъ могъ имѣть вліяніе и на нихъ. Сначала ѳедосѣевцы псковской губерніи, признавшіе нужду брака, вступали въ сожительства съ избранными ими женщинами по благословенію своихъ наставниковъ; для записи браковъ имъ выдавались даже свѣтскимъ начальствомъ книги, въ родѣ метрикъ, какъ это было, напр., въ Сольцахъ. Но когда въ 1836 году выдача имъ метрическихъ книгъ была запрещена (3) и когда за тѣмъ послѣдовали распоряженія, ограничивавшія раскольниковъ посада Сольцы, какъ вредныхъ еретиковъ (4),— большинство ѳедосѣевцевъ стало вступать въ браки въ церквахъ единовѣрческихъ и православныхъ, даже съ предварительнымъ присоединеніемъ къ нимъ (5), хотя и при-

(1) Истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 629—630.
(2) Тамъ же стр. 125.
(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 198.
(4) Тамъ же стр. 386, 388, 415, 416.
(5) Тамъ же стр. 500.

творнымъ. Были и еще причины, которыя заставляли ѳедосѣевокъ псковской губерніи вѣнчаться въ церквахъ православныхъ; это — желаніе ихъ пристроиться въ православные домы. Но такъ какъ выдти за-мужъ за православнаго нельзя было безъ предварительнаго присоединенія къ церкви, а родители часто на это не соглашались, то, вслѣдствіе представленія псковскаго преосвященнаго Наѳанаила, св. сѵнодъ разрѣшилъ „совершеннолѣтнихъ дѣвицъ, дочерей раскольниковъ, присоединять къ церкви и вѣнчать“ и безъ согласія на то родителей ихъ (1). Это распоряженіе касалось раскольниковъ вязовскаго прихода. А когда, устроенная ѳедосѣевцами вязовскаго приказа вѣдомства псковской конторы государственныхъ имуществъ, моленная была въ 1837 году уничтожена (2), ѳедосѣевцы вязовскаго погоста уже и не могли вѣнчаться иначе, какъ въ православной церкви. По изслѣдованію въ 1853 году раскола въ ярославской губерніи чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ, оказалось, что тамошніе ѳедосѣевцы также допустили у себя брачную жизнь и вѣнчались большею частію въ церквахъ православныхъ (3), хотя жили въ бракѣ только до извѣстнаго возраста, по достиженіи котораго опять поступали въ число „дѣвственниковъ“; нѣкоторые, впрочемъ, изъ ѳедосѣевцевъ ярославской губерніи и въ это время отвергали бракъ и предавались разврату на томъ основаніи, что бракъ, какъ незаконно будто бы совершенный, есть прелюбодѣяніе, а за этотъ грѣхъ въ кормчей назначено бо̀льшее наказаніе, чѣмъ за блудъ. Такимъ направленіемъ въ жизни отличались ѳедосѣевцы въ уѣздѣ романоборисоглѣбскомъ и, въ частности,

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 315.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 266.

(3) Кельсіев. вып. 4, стр. 14, 29, 97 и 104; истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 642.

въ волостяхъ государственныхъ имуществъ, а изъ имѣній помѣщичьихъ въ большихъ вотчинахъ, которыя управлялись вотчинными конторами и пользовались особенными льготами и выгодами промышленности (1). Особенно отличалась въ этомъ отношеніи юхотская волость, гдѣ жилъ нѣсколько времени извѣстный Таровитый (2) и гдѣ развратъ послѣ него былъ такъ великъ, что сложилась даже пословица: „въ юхоти дѣвки живутъ въ похоти“. Такъ называемыя, келейницы, то есть вдовы и дѣвки раскольническія, жившія въ особыхъ небольшихъ домикахъ, извѣстныхъ подъ именемъ келлій, и занимавшіяся чтеніемъ каноновъ, обученіемъ грамотѣ дѣтей и пр., которыхъ въ одномъ романовскомъ уѣздѣ было открыто 2,314, служили главными предметами потребленія для дѣвственниковъ ѳедосѣевскихъ, такъ, что нѣкоторыя изъ этихъ мнимыхъ святошей рождали иногда въ 10 лѣтъ по 11 человѣкъ дѣтей и, не смотря на это, исправляли въ своемъ обществѣ разныя мнимо-церковныя должности (3). Само собою понятно, что въ такой средѣ дѣло не обходилось и безъ дѣтоубійства; открыты были приходы, гдѣ изъ 50 беременныхъ дѣвокъ рождали живыхъ младенцевъ не болѣе 5. Это зло было такъ велико, что владѣльцы нѣкоторыхъ имѣній рѣшились назначать награды тѣмъ изъ дѣвственницъ, которыя рождали живыхъ дѣтей и оставляли ихъ у себя на воспитаніи (4). Что касается, сосѣдней съ ярославскою, костромской губерніи, то и здѣсь ѳедосѣевцы допустили у себя брачную жизнь; только большинство ихъ, не желая давать подписки на принятіе православія, вступало въ сожительства безъ всякаго молитвословія, съ со-

(1) Кельсіев. вып. 4, стр. 44—45.
(2) Тамъ же вып. 1, стр. 43.
(3) Тамъ же вып. 4 стр. 46—47, 150 и 160.
(4) Тамъ же стр. 164.

гласія только родителей (1). Это замѣчено было особенно въ варнавинскомъ уѣздѣ; немногіе только „страха ради іудейска“ вѣнчались въ церкви православной, за что̀ послѣ несли епитимію (2). Вѣроятно, здѣсь еще хорошо помнили наставленіе Гнусина, скрывавшагося нѣсколько лѣтъ въ домѣ судиславскаго купца Папулина, который, благодаря своей богадѣльнѣ и моленной, игралъ въ костромской губерніи видную роль до тѣхъ поръ, пока, вслѣдствіе ревизіи костромской губерніи сенаторомъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, богадѣльня Папулина не была передана въ полное распоряженіе костромскаго приказа общественнаго призрѣнія (3), то есть до 1845 года. Впрочемъ, нужно сказать, что авторитетъ Таровитаго и Гнусина, проповѣдывавшихъ подъ именемъ дѣвства развратъ, не смотря на ихъ „мученичество за вѣру“, падалъ все болѣе и болѣе. Жизнь брала свое, и ученіе этихъ изувѣровъ стало казаться большинству ѳедосѣевцевъ, по меньшей мѣрѣ, насиліемъ природѣ и нравственному чувству. Оттого мы и видимъ, что даже тѣ изъ ѳедосѣевцевъ, которые не оставляли своими милостями Таровитаго, даже во время пребыванія его въ Соловецкомъ монастырѣ,— таковы раскольники иркутской губерніи, верхнеудинскаго округа, тарбагатайской волости, приславшіе въ 1833 году Ивану Ѳедотову 30 рублей (4),—не считали нужнымъ строго слѣдовать его наставленіямъ и, ничтоже сумняся, вступали въ браки. Въ февралѣ 1842 года, какъ видно изъ донесенія генералъ-губернатора восточной сибири, было заключено раскольниками тарбагатайской волости 407 браковъ; цифра почтенная. Правда, браки эти заклю-

(1) Тамъ же стр. 300.
(2) Истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 642.
(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 382, 453—454 и 473.
(4) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 258.

чались внѣ церкви—раскольническими наставниками, „безъ всякаго притомъ чина и порядка“ (1). Но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, что въ разсматриваемое нами время брачная жизнь стала допускаться даже въ такихъ ѳедосѣевскихъ общинахъ, которыя благоговѣли предъ какимъ-либо Таровитымъ. А послѣ этого, кажется, мы имѣемъ право думать, что изложенныя нами свѣдѣнія о брачной жизни ѳедосѣевцевъ въ *нѣкоторыхъ* губерніяхъ далеко не рѣшаютъ вопроса о томъ, какъ развивалось ученіе о бракѣ въ ѳедосѣевскомъ расколѣ, въ царствованіе императора Николая Павловича, и что въ разсматриваемое нами время, по всей вѣроятности, строгое дѣвство перестало быть обязательнымъ закономъ почти во всѣхъ ѳедосѣевскихъ общинахъ, и если не бракъ, такъ по крайней мѣрѣ сожительство съ „стряпухами“ допускалось повсюду и даже рекомендовалось самими наставниками, какъ средство противъ брака (2). Кромѣ сказаннаго, къ такому заключенію приводятъ насъ еще слѣдующія соображенія. Во-первыхъ, послѣ того, какъ допустила у себя брачную жизнь Москва, странно было бы настаивать на безбрачіи какой-либо „Кинешмѣ, Галичу, Чюхломѣ, Судиславлю, Казани, Саратову, Сызрани и другимъ многимъ и дальнимъ странамъ“, ко-

(1) Тамъ же стр. 385. Когда ѳедосѣевцы допустили у себя брачную жизнь и стали вступать въ безсвященнословные браки, у нихъ явились, какъ и слѣдовало ожидать, разныя формы заключенія брачныхъ союзовъ. Такъ напр., въ Ригѣ совершеніе брака состояло въ пѣніи псалма: блажени вси..., въ чтеніи апостола и евангелія и въ поученіи; въ Сызрани ставились на плеча молодыхъ иконы, жениху—Христа Спасителя, а невѣстѣ—Богородицы; въ Сибири настоятели, по прочтеніи евангелія, благословляли крестообразно жениха и невѣсту иконой; въ другихъ мѣстахъ, по примѣру поморцевъ, „дѣйствовали браки съ молебномъ брачнымъ“; въ однихъ мѣстахъ молодыхъ „обручали перстнями“, а въ другихъ нѣтъ.

(2) На вопросъ нашъ объ этомъ предметѣ о. Павелъ (прусскій) отвѣчалъ письменно, что въ царствованіе императора Николая I-го „перешли къ поморцамъ ѳедосѣевцы около Казани, Сызрани, Саратова, Самары, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Ригѣ, въ Сибири; да и въ Астрахани брачная жизнь въ царствованіе Николая перваго возобновилась“.

торыя, по увѣренію московскихъ ѳедосѣевцевъ, во всемъ послѣдовали „московскому кладбищенскому уставоположенію“ и „всячески старались быть въ единомыслiи“ съ Москвой (1). Петербургъ, также оставившій безбрачіе, какъ вещь хорошую, но довольно тяжелую для столичнаго жителя, могъ служить образцемъ для подражанія тѣмъ провинціальнымъ ѳедосѣевцамъ (особенно ярославскимъ), которые, по коммерціи, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, такъ, или иначе, зависѣли отъ разныхъ Дурдиныхъ, Тихоновыхъ, Карповыхъ, Долговыхъ, Кузьминыхъ и подобныхъ имъ вожаковъ петербургскаго ѳедосѣевскаго раскола (2). А Рига, съ ея Алипіевыми, откупавшими на волю цѣлыя селенія своихъ единовѣрцевъ (3), задавала тонъ всему западному краю. Правда, можно думать, что ѳедосѣевцы московскіе, петербургскіе и рижскіе допустили у себя брачную жизнь въ царствованіе императора Николая Павловича не по убѣжденію, не добровольно, а потому, что вынуждены были къ этому исключительными обстоятельствами, въ которыя поставило ихъ правительство изложенными выше распоряженіями, и, признавъ бракъ по неволѣ, продолжали въ тихомолку проповѣдывать необходимость и спасительность жизни дѣвственной. Но вѣдь и иногородніе ѳедосѣевцы за свою доктрину не пользовались въ прошлое царствованіе особенными милостями власти. Преслѣдуя всѣми способами безпорядки, открытые полиціею на Преображенскомъ кладбищѣ, на Волковомъ кладбищѣ и въ рижскихъ заведеніяхъ Гребешникова и под., правительство въ то же время постоянно издавало распоряженія, которыя ложились тяжелымъ камнемъ и на всѣхъ вообще ѳедосѣевцевъ, гдѣ бы они ни

(1) Семейн. жизнь, вып. перв., стр. 397—398.
(2) Кельсіев. вып. 4, стр. 107 и 145.
(3) Тамъ же стр. 151.

жили. Мы изложимъ коротко эти распоряженія, прямо направленныя противъ ѳедосѣевцевъ, чтобы видѣть, что, даже независимо отъ примѣра Москвы, Петербурга и Риги, иногородніе ѳедосѣевцы могли и должны были, въ царствованіе императора Николая Павловича, оставить свое ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ и допустить у себя брачную жизнь.

Главное отличіе ѳедосѣевцевъ отъ другихъ толковъ безпоповщины состояло въ томъ, что они не молились за царя и отвергали бракъ. Признавъ такое ученіе вреднымъ и лишивъ раскольниковъ, державшихся этого ученія, права на выборы въ общественную службу еще въ 1820 году, правительство съ тѣхъ поръ постоянно руководствовалось въ своихъ отношеніяхъ къ ѳедосѣевцамъ такимъ взглядомъ. Въ 1834 году распоряженіе 27 мая 1820 года о невыборѣ въ общественныя должности безпоповцевъ, не молящихся за царя и непріемлющихъ брака, было подтверждено (1). Въ 1835 году, вслѣдствіе дошедшихъ до Государя императора свѣдѣній, что Высочайше утвержденныя 27 мая 1820 года правила о неопредѣленіи въ общественныя должности раскольниковъ не по всѣмъ вѣдомствамъ соблюдались, потверждено было начальникамъ губерній, чтобы означенныя правила повсемѣстно были исполняемы (2). Въ томъ же 1835 году, по вопросу, гдѣ причислять къ городскимъ обществамъ раскольниковъ вредныхъ сектъ, Государь императоръ Высочайше повелѣлъ сообщить главнымъ мѣстнымъ начальникамъ, что, кромѣ духоборцевъ, иконоборцевъ, молоканъ и іудействующихъ, должно считать *особенно* вредными ересями скопцевъ и *немолящихся за царя* (3). А это, по силѣ указовъ 27 мая

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 155 и 159.
(2) Тамъ же стр. 178—179.
(3) Тамъ же стр. 189.

и 11 Ноября того же года, значило, что ѳедосѣевцы, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, кои не молились за царя, могли записываться на будущее время въ градскія общества не иначе, какъ въ закавказскихъ провинціяхъ, именно въ городахъ: Нухѣ, Шемахѣ, Кубѣ, Шушѣ, Ленкоранѣ, Нахичевани и Урдубатѣ; въ случаѣ сокрытія своего вреднаго ученія и приписки въ градскія общества другихъ губерній, они предавались суду, какъ бродяги, сдѣлавшіе ложное о себѣ показаніе, и годные изъ нихъ отдавались въ военную службу въ кавказскій корпусъ, а негодные къ службѣ и женщины отсылались для водворенія въ закавказскія провинціи (1). Въ 1837 году послѣдовало распоряженіе, чтобы за тѣми отраслями безпоповщины, кои совершенно отвергаютъ бракъ и другія таинства и кои не молятся за царя, усиленъ былъ надзоръ и строго наблюдалось, чтобы тамъ, гдѣ есть православные, единовѣрцы, или хотя старобрядцы, они не избирались ни къ какимъ должностямъ и чтобы не принимались въ свидѣтели въ дѣлахъ тяжебныхъ и гражданскихъ, особливо противъ православныхъ (2). 12 апрѣля того же 1837 года послѣдовало новое распоряженіе, которымъ повелѣвалось „признавать не имѣющими вовсе права ни на какія общественныя отличія, въ томъ числѣ и на почетное гражданство, между прочимъ, послѣдователей тѣхъ толковъ, кои, не пріемля священства и брака, не молятся и за царя“ (3). 30 Апрѣля 1838 года подтверждено было запрещеніе избирать въ общественныя должности раскольниковъ, признанныхъ особенно вредными (4). Указомъ 17 Февраля 1839 года снова было подтверждено, что ра-

(1) Тамъ же стр. 183 и 191.
(2) Тамъ же стр. 247.
(3) Тамъ же стр. 261.
(4) Тамъ же стр. 301.

скольники вредные (то есть, не пріемлющіе брака и не молящіеся за царя) не должны быть избираемы ни въ какія общественныя сельскія должности, а только могутъ быть назначаемы въ полѣсовщики, десятскіе и сторожа (1). Въ 1842 году раскольники-безпоповцы, отвергающіе бракъ и молитву за царя, признаны были св. сунодомъ—*вреднѣйшими* (2). Въ 1843 году раскольникамъ безпоповщинской секты, кои не молятся за царя и не пріемлютъ браковъ и потому признаются *особенно* вредными, запрещенъ былъ „пріемъ къ себѣ въ семейство, подъ какимъ бы то видомъ ни было, дѣтей православнаго исповѣданія“ (3). Въ томъ же году раскольники, признанные особенно вредными, а такими, какъ мы видѣли, считались ѳедосѣевцы (4), лишены были права нанимать за себя въ рекруты кого-либо изъ православныхъ, и должны были искать охотниковъ для царской службы „только изъ среды себя“; виновные въ нарушеніи этого постановленія отдавались „по суду въ солдаты не въ зачетъ обществу“ (5). 21 марта 1844 года послѣдовало распоряженіе, по которому ѳедосѣевцамъ, какъ особенно вреднымъ раскольникамъ, не иначе можно было приписаться къ городскому обществу, какъ послѣ подписки въ томъ, что они—не ѳедосѣевцы; въ противномъ случаѣ имъ грозило наказаніе, опредѣленное Высочайшимъ повелѣніемъ 1843 года 10 октября и св. закон. т. XV въ ст. 213 (6). На основаніи этого распоряженія, раскольникамъ вредныхъ сектъ запрещена была выдача видовъ на отлучки (7). Въ 1849 году, по случаю прибы-

(1) Тамъ же стр. 323.
(2) Тамъ же стр. 409.
(3) Тамъ же стр. 430—431.
(4) Тамъ же стр. 522.
(5) Тамъ же стр. 435.
(6) Тамъ же стр. 439.
(7) Тамъ же стр. 504; снес. стр. 494.

тія въ Ригу изъ Пруссіи одного раскольника, по имени Ѳедора Тимоѳеева, непринятаго прусскимъ пограничнымъ начальствомъ, „по непринадлежности его къ числу тамошнихъ подданныхъ“, послѣдовало Высочайшее повелѣніе— Тимоѳеева, какъ содержавшаго „безповщинскую секту ѳедосіевскаго согласія“, признанную правительствомъ особенно вредною, „послѣдователямъ коей 500 ст. 6 прод. т. IX св. закон. (издан. 1842 г.) дозволено приписываться къ городскимъ обществамъ только въ закавказскомъ краѣ“, — выслать изъ Риги за Кавказъ для водворенія въ одномъ изъ городовъ того края, по усмотрѣнію намѣстника кавказскаго (1). 28 февраля 1850 года послѣдовало Высочайшее подтвержденіе указа 12 апрѣля 1837 о порядкѣ награжденія раскольниковъ (2). Въ томъ же году, при производствѣ девятой народной переписи, Высочайше было повелѣно: „дѣтей раскольниковъ безпоповщинской секты, кои бракъ вовсе отвергаютъ и имѣютъ дѣтей, прижитыхъ внѣ брака (а такими были, по преимуществу, ѳедосѣевцы, такъ какъ поморцы, по выраженію оффиціальному, „не совсѣмъ отвергали бракъ“),—показывать по ревизіи въ семействахъ раскольниковъ незаконнорожденными, а матерей ихъ, по случаю отверженія ими брака, женами раскольниковъ безпоповщинской секты не записывать, но вносить въ списки тѣхъ семействъ, къ которымъ онѣ принадлежали по рожденію“ (3); и хотя „дѣтямъ безпоповщинскихъ раскольниковъ и женщинамъ, состоявшимъ въ безбрачномъ съ ними сожитіи, разрѣшено было оставаться по прежнему при семействахъ означенныхъ сектаторовъ“, но—съ условіемъ, чтобы „для временныхъ отлучекъ въ другія мѣста онѣ имѣли узако-

(1) Тамъ же стр. 522.
(2) Тамъ же стр. 528.
(3) Тамъ же стр. 537—538, 549—550.

ненныя полицейскія свидѣтельства отъ начальствъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они были записаны по девятой ревизіи“ (1); кромѣ того, дѣти ѳедосѣевцевъ, равно какъ и другихъ безпоповцевъ, внесенныя въ ревизію незаконнорожденными, облагались податьми на общемъ со всѣми лицами податныхъ состояній основаніи (2). 19-го января 1853 года запрещено было раскольникамъ особенно вредныхъ сектъ пріобрѣтать въ собственность, какъ у частныхъ лицъ, такъ и изъ казны, зачетныя рекрутскія квитанціи, выданныя „на поступившихъ въ военную службу такихъ людей, которые не принадлежали къ симъ сектамъ“ (3). 13 іюля того же года снова было подтверждено, что раскольники особенно вредныхъ сектъ не могутъ приписываться къ городскимъ сословіямъ нигдѣ, кромѣ закавказскаго края, и для предупрежденія ошибочной, или неправильной, приписки къ городамъ людей сего рода велѣно было, при отобраніи отъ раскольниковъ подписокъ о непринадлежности къ особенно вреднымъ сектамъ, требовать также и рѣшительно отъ каждаго изъ нихъ объявленія, какую именно ересь онъ содержитъ (4); а 25 ноября того же 1853 года вообще велѣно было называть всѣхъ раскольниковъ въ полицейскихъ книгахъ и во всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ такъ, какъ установлено въ сводѣ законовъ, безъ всякихъ измѣненій (5), чтобы видно было, кто изъ нихъ какой секты.

Мы не ручаемся, чтобы указали всѣ распоряженія правительства, послѣдовавшія въ царствованіе императора Николая Павловича и касавшіяся раскольниковъ ѳедосѣев-

---

(1) Тамъ же стр. 551.
(2) Тамъ же стр. 553.
(3) Тамъ же стр. 583.
(4) Тамъ же стр. 600—601.
(5) Тамъ же стр. 611.

ской секты; но и указанныхъ (1), по нашему мнѣнію, достаточно, чтобы видѣть, что тѣ изъ послѣдователей Ковылина, которые рѣшились бы оставаться вѣрными его ученію, должны были въ прошлое царствованіе терпѣть много невзгодъ за свое отрицаніе брака и молитвы за царя. Правда, немоленіе за царя еще можно было какъ нибудь скрыть отъ взоровъ власти; но мнимая дѣвственная жизнь—съ наложницей въ дому и съ прижитыми отъ нея дѣтьми, которыя, по словамъ автора „отсловія къ новоженамъ“, „вопіютъ, никого же бояся“, какъ позорное клеймо, въ каждомъ ѳедосѣевцѣ, особенно жившемъ не въ многолюдномъ городѣ, а въ деревнѣ, указывало „особенно вреднаго“ члена общества, противъ котораго такъ вооружалась власть. Не споримъ и о томъ, что, благодаря безпечности и подкупности мѣстныхъ властей, засвидѣтельствованной самимъ правительствомъ, многія изъ указанныхъ распоряженій не исполнялись. Такъ напр., по свидѣтельству чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, изучавшаго въ 1854 году положеніе безпоповщинскаго раскола въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, Высочайшія повелѣнія о непризнаваніи женъ и дѣтей безпоповщинскихъ—законными (2), о непричисленіи ѳедосѣевцевъ къ городскимъ сословіямъ нигдѣ, кромѣ закавказскаго края (3), о ненаименованіи послѣдователей Преображенскаго кладбища старообрядцами (4) и друг., нигдѣ почти не исполня-

---

(1) Не говоримъ о другихъ постановленіяхъ того времени, касавшихся всѣхъ вообще раскольниковъ, а слѣдовательно и ѳедосѣевцевъ, напр. объ учрежденіи повсюду секретныхъ совѣщательныхъ комитетовъ, о запрещеніи не только вновь строить, но даже чинить моленныя, объ усиленіи полиціи въ мѣстахъ, гдѣ жили раскольники, объ упраздненіи раскольническихъ скитовъ, монастырей и проч. и проч.

(2) Указъ 10-го іюня 1850 г. и др.

(3) Указъ 21-го марта 1844 г., 1-го іюля 1853 г. и др.

(4) Указъ 25-го ноября 1853 г. и др.

лись (1); другія распоряженія обходили сами ѳедосѣевцы, ложно выдавая себя за послѣдователей сектъ не особенно вредныхъ (2), или приписываясь къ городскимъ обществамъ не тамъ, гдѣ имѣли осѣдлость, а въ другихъ губерніяхъ, гдѣ легко обманывали мѣстныхъ властей,—какъ поступили напр. многіе изъ московскихъ ѳедосѣевцевъ, когда послѣдовало распоряженіе о непризнаніи ихъ женъ и дѣтей законными; приписавшись купцами въ другіе города, они достигли того, что жены ихъ и дѣти были показаны законными (3). Съ другой стороны, нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ распоряженій были таковы, что, не принося существеннаго вреда ѳедосѣевцамъ, стѣсняли только православныхъ; таково распоряженіе о лишеніи ѳедосѣевцевъ права на выборы въ общественныя должности, всегда болѣе или менѣе обременительныя (4). Наконецъ, многіе изъ вышеизложенныхъ указовъ, стѣснявшихъ ѳедосѣевцевъ, были нѣкоторымъ изъ нихъ даже по сердцу: таковы указы о причисленіи ѳедосѣевцевъ, какъ послѣдователей особенно вредной секты, къ городскимъ сословіямъ въ закавказскомъ краѣ. Потому-ли, что жизнь ихъ внутри Россіи была тяжела, въ силу вышеизложенныхъ распоряженій, или потому, что добровольно переселившимся въ закавказскій край раскольникамъ предоставлены были разнаго рода льготы (5), только нѣкоторые изъ ревнителей дѣвства, бросая свои жилища во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, бѣжали въ закавказскій край, въ бессарабскую область, въ пограничныя западныя губерніи, и даже за границу,—такъ, что прави-

---

(1) Дѣло департ. общ. дѣлъ 1854 г. № 212, л. 40 и 58; снес. собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 178.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 414, 600.

(3) Дѣло департ. общ. дѣлъ 1854 г. № 212, л. 40 и 58.

(4) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 326—327, 415.

(5) Тамъ же стр. 426, 524 и 605.

тельство вынуждено было останавливать это движеніе (1). Но, если и можно было расчитывать на поблажку полиціи, на приписку въ другой городъ и под., то, разумѣется, не всѣмъ, и притомъ не даромъ; что́ же касается лишенія права на выборы въ общественныя должности, то подобною свободою отъ службы могли дорожить только бѣдняки, которымъ не до чести, когда нечего было ѣсть; купцы же ѳедосѣевцы и прочій богатый людъ ничуть не прочь были отъ званія „начальство“ и страшно негодовали, когда ихъ, на основаніи закона, выбирали только въ сотскіе и десятскіе, считая для себя подобное назначеніе „обиднымъ и унизительнымъ“ (2); и это не потому только, что должности сотскаго и десятскаго мало удовлетворяли честолюбію какихъ-нибудь Ванюковыхъ и подобныхъ имъ, но и потому, что подобныя должности лишали возможности богатыхъ ѳедосѣевцевъ вліять на массу,— особенно православную, и тѣмъ поддерживать и распространять „древнее благочестіе“. Когда же правительство, замѣтивъ, что удаленіе ѳедосѣевцевъ отъ общественныхъ должностей ложилось тяжелымъ камнемъ на православныхъ, такъ какъ они одни должны были нести службу общественную, „заключавшую въ себѣ вмѣстѣ съ правами и повинность, вообще въ городахъ довольно обременительную“, опредѣлило назначить для отправляющихъ общественныя должности православныхъ такое содержаніе, которое служило бы имъ вознагражденіемъ за потери по торговымъ дѣламъ, и такую издержку положило удовлетворять изъ особаго денежнаго уравнительнаго сбора съ ѳедосѣевцевъ, которые, по ихъ заблужденіямъ и принадлежности къ вредной ереси, не могли быть избираемы, на

---

(1) Тамъ же стр. 308—309, 546—547, 562—563, 611—612.

(2) Тамъ же стр. 326.

основаніи закона, въ общественныя должности (1),—тогда, кромѣ самолюбія, стали страдать еще и карманы ѳедосѣевцевъ. И если для богачей подобная плата въ пользу православныхъ не составляла особеннаго расчета, за то большинство послѣдователей Ковылина сильно тяготилось такимъ распоряженіемъ. Наконецъ, переселяться въ закавказскій край, чтобы жить въ немъ свободно, согласно съ ученіемъ Ильи Алексѣича, Гнусина и под., могли только или голяки, люди бездомовые, которые рады были освободиться отъ податей, хотя бы на нѣсколько лѣтъ, или фанатики, которые готовы были на всякую жертву, лишь бы только не измѣнить „уставоположенію прежнихъ отцевъ“. Что же касается большинства ѳедосѣевцевъ, то, конечно, подобное путешествіе ему было вовсе не желательно. Что же оставалось дѣлать этому большинству, чтобы избавить себя отъ клички „особенно вредныхъ“ членовъ общества и тѣмъ обезопасить свое существованіе внутри Россіи? Оставалось дѣлать то, на что указывала ему власть, которая, стѣсняя ѳедосѣевцевъ вышеизложенными распоряженіями, заявляла въ тоже время, что дѣти ихъ могутъ быть признаны законными безъ различія, рождены-ли они до вѣнца, или послѣ, и получатъ всѣ права и преимущества, коими пользуются законнорожденныя, если ѳедосѣевцы узаконятъ свои сожительства вѣнчаніемъ въ церкви православной и дадутъ обязательство воспитывать дѣтей въ правилахъ истинной вѣры (2), и что вообще всѣ дѣла о самихъ родителяхъ прекратятся, если сами они примутъ православіе (3), или, по крайней мѣрѣ, повѣнчаются въ церкви (4). Условіе — нелегкое; но въ

(1) Тамъ же стр. 415—416, снес. стр. 595.
(2) Тамъ же стр. 552.
(3) Тамъ же стр. 436.
(4) Тамъ же стр. 448.

виду тѣхъ благъ, которыя можно было пріобрѣсть выполненіемъ его, весьма многіе изъ ѳедосѣевцевъ спѣшили въ въ православные храмы и вѣнчались (1); а иные даже прямо присоединялись къ церкви — большею частію на правилахъ единовѣрія и, разумѣется, всегда почти притворно (2). А когда въ 1853 году послѣдовали распоряженія, по которымъ не одни ѳедосѣевцы, а и всѣ вообще раскольники, къ какой бы сектѣ они ни принадлежали, лишались права на выборы въ общественныя должности—съ обязательствомъ въ тоже время платить жалованье, занимавшимъ эти должности, православнымъ и вносить по 1 рублю сер. съ ревизской души въ пользу тѣхъ церквей, въ приходѣ которыхъ жили (3),—права на полученіе знаковъ отличія и почетныхъ титуловъ именитыхъ купцевъ и почетныхъ гражданъ, и притомъ могли записываться въ купеческія гильдіи только на временномъ правѣ (4), не избавлявшемъ послѣдователей древняго благочестія отъ платежа податей, отъ тѣлеснаго наказанія и отъ обязанности — отбывать рекрутскую повинность (5), наравнѣ съ мѣщанами и крестьянами, — число присоединеній къ церкви не только ѳедосѣевцевъ, а и раскольниковъ другихъ толковъ, увеличилось еще болѣе, и православіе, по видимому, торжествовало. А послѣ этого мы вполнѣ соглашаемся съ авторомъ „отсловія къ новоже-

(1) Въ одномъ ѳедосѣевскомъ сочиненіи на вопросъ: „чего ради нынѣ мнози нарицаютъ время достойное плача“, дается такой отвѣтъ: „церкви благочестивыя не видитъ (т. е. ѳедосѣевецъ), священника православнаго не обрѣтаетъ, съ повсегдашнимъ томителемъ своея плоти противитися не можетъ, такъ жить безстудно градскаго наказанія боится, людскаго поношенія стыдится, того ради, и плача, къ еретикамъ тащится и совлекается бѣдный чрезъ пріятіе отъ еретикъ браковѣнчанія тайны одежды православнаго исповѣданія“ (Сборн. публ. библ. подъ № 474, гл. 29).

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 574.

(3) Тамъ же стр. 595.

(4) Тамъ же стр. 596, снес. стр. 566.

(5) Тамъ же стр. 635, 671, 679; снес. Кельсіев. вып. 2, стр. 202.

намъ“,—истымъ ѳедосѣевцемъ, который со скорбію говоритъ, что въ прошлое царствованіе стали вступать въ браки, и притомъ съ благословенія церкви, „не токмо почтенныя и знаменитыя во градѣхъ люди христіанскаго рода и благочестія, но и самаго низкаго состоянія сельскіе люди и обитающіе въ лѣсныхъ сельбищахъ пустынножители, словомъ, едва не всѣ новоженившіеся, не исключая и самыхъ новопротестантской секты послѣдователей“ (то есть, поморцевъ); хотя и въ это время еще оставалось въ числѣ ѳедосѣевцевъ не мало фанатиковъ, которые проповѣдывали, что лучше предаваться блуду и каяться, чѣмъ вступать въ бракъ (1). Въ сборникѣ библіотеки покойнаго митрополита Григорія, подъ № 154 (2), находится огромное сочиненіе, писанное однимъ изъ ѳедосѣевцевъ г. Казани (3) въ 1852 году, или вскорѣ послѣ этого. Сочиненіе это, начинающееся словами: „растлѣнна жизнь не остается безъ послѣдствій“ — безъ особаго заглавія, состоитъ изъ двухъ частей и составляетъ отвѣтъ автору „бесѣды о бракѣ“, содержаніе которой мы уже видѣли и которая была послана имъ, между прочимъ, въ Казань, быть можетъ, потому, что здѣсь бракоборство было сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ (4). Мы не намѣрены подробно излагать содержаніе этого замѣчательнаго ѳедосѣевскаго сочиненія, но не можемъ не указать, по крайней мѣрѣ, главныхъ его мыслей, которыя съ одной стороны подтвердятъ нашъ взглядъ на причины безпоповщинскаго

---

(1) Истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 544.

(2) Этотъ сборникъ нынѣ находится въ библіотекѣ казанской духовной академіи.

(3) По увѣренію о. Павла прусскаго, это сочиненіе писалъ нѣкто Филиппъ Осиповъ; см. Душепол. Чтен. 1868 г. ч. III, стр. 21.

(4) По свидѣтельству о. Павла прусскаго, „въ Казани брачнаго общества никакого не было“ въ то время, когда онъ началъ свою проповѣдь о необходимости брака, т. е. въ началѣ настоящаго царствованія.

безбрачія, съ другой покажутъ, что въ царствованіе императора Николая Павловича въ числѣ бракоборцевъ стали являться и такія лица, которыя въ своихъ разсужденіяхъ о бракѣ не ограничивались уже одними только криками: „писано есть, писано есть“, какъ было это при Алексѣевѣ, и даже при Ковылинѣ, а составляли въ защиту своего безбрачія такія книги, которыя сдѣлали бы честь и любому поморцу временъ Скочкова, когда преимущества ума и образованія были на сторонѣ послѣдователей Покровской часовни.

Желая опровергнуть мысль брачнаго (1) о томъ, что бракъ, какъ бы онъ ни заключался, долженъ существовать въ родѣ человѣческомъ отъ начала и до конца міра, вслѣдствіе даннаго Богомъ первымъ людямъ благословенія и во избѣжаніе прекращенія на землѣ людей, защитникъ безбрачія прибѣгаетъ къ слѣдующему общему разсужденію: какъ „царствіе Божіе сугубо, едино по созданію, другое по присвоенію“, вслѣдствіе чего по созданію Господь царствуетъ надъ всѣми — и „надъ еллинами, и жидами, и бѣсами, и всею тварію“, — по присвоенію же „токмо надъ истинными христіанами“,—и рабами Божіими по созданію могутъ назваться и „бѣси, и еретики и все прочее человѣчество“, по „разуму же присвоенія“ рабы Божіи „суть едини токмо истинніи христіане“, — такъ, „мнимъ и вѣруемъ“, надлежитъ разумѣть и „о бракѣ, яко оный есть сугубъ, единъ по разуму созданія, другой по разуму присвоенія, и по созданію бракъ, какъ онъ въ началѣ при міротвореніи Богомъ благословенъ, продолжается даже до днесь и продолжаться будетъ до скончанія міра“, и такимъ образомъ „о бытіи и состояніи рода человѣческаго и животныхъ и продолженіи оныхъ мы не

(1) Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что отвѣтъ на „бесѣду о бракѣ“ написанъ въ формѣ разговора между брачнымъ и безбрачнымъ.

сомнѣвались и не сомнѣваемся“. Что же касается „брака по разуму присвоенія, то мнимъ, яко оный есть токмо въ единыхъ истинныхъ христіанахъ, совершаемый токмо по закону христіанскому; на семъ-то единомъ христіанскомъ бракѣ по присвоенію разумѣемъ существовать Божію благословенію; прочіе же браки всѣ суть онаго лишенными. На семъ основаніи утвердившись, надлежитъ отвѣчать брачному на его статью“ о продолженіи брака до конца міра, что „мы о семъ не сомнѣваемся, якоже Господь во евангеліи рече: якоже бысть во дни Ноевы, женяхуся и посягаху, тако будетъ и во дни пришествія Сына человѣческаго. А чтобы браку быть въ православныхъ христіанахъ, по закону церковному, въ видѣ тайны церковной, до пришествія Христова, о семъ надлежитъ учинить разсужденіе тако, якоже и о прочихъ тайнахъ церковныхъ, исключая крещеніе и покаяніе“.

Согласно съ этимъ нужно сказать и о Божіемъ благословеніи, что „оное по разуму созданія существовало и существовать будетъ на всѣхъ человѣцѣхъ до кончины міра, и о семъ мы не сомнѣваемся; по разуму же присвоенія, мнимъ и вѣруемъ, яко оное состоитъ и существуетъ на единыхъ токмо христіанскихъ брацѣхъ законныхъ“. А поелику безсвященнословный бракъ новоженовъ „есть самовымышленный и незаконный, то и благословеніе Божіе, еже раститися и множитися, на оный возводить—напрасно и тщетно. Наше разсужденіе не о всякомъ рожденіи и брачномъ совокупленіи, но о законномъ бракѣ и Богомъ благословенномъ супружествѣ“. Что бракъ законный „имать свое бытіе отъ начала міра“, это „писанію согласуетъ“; а чтобы законный бракъ продолжался до конца міра,—„таковаго обѣщанія въ писаніи не обрѣтается“;—да и новожены „на сію тайну, или статью, ни главы, ни слова, ни святаго“ не указываютъ, „вѣдая

опасно, яко сего рѣченія о бракахъ законныхъ нигдѣ нѣтъ“ (л. 7—9). А если бы и было подобное обѣщаніе, оно ничего не доказывало бы. „Въ писаніи обѣщаніе положено видимому священству быти до кончины вѣка, а мы (то есть, всѣ безпоповцы) нынѣ проповѣдуемъ, что его уже нѣтъ, и сему обѣщанію о священствѣ не согласуемъ съ писаніемъ“ (л. 67).

На замѣчаніе брачнаго, что, если, по мнѣнію бракоборцевъ, будетъ вѣчно существовать крещеніе, въ такомъ случаѣ должно допустить, что будетъ продолжаться до конца міра и рожденіе, безбрачный говоритъ: „святое крещеніе въ церкви христіанской будетъ до конца и рожденіе въ народѣ будетъ до конца; крещеніе въ православной церкви (такъ называетъ сочинитель свое общество) будетъ истинное, а рожденіе въ народѣ будетъ законопреступное; поелику таинство св. крещенія можетъ совершаться и отъ простолюдина, о семъ свидѣтельствуется въ номоканонѣ въ правилѣ 203; а таинство законнаго брака, отъ коего бываетъ законное дѣторожденіе, можетъ совершаться только отъ православнаго священника, а кромѣ—ни отъ кого, о семъ зри свидѣтельство кормчей глав. 51, л. 523 об., и безсвященнословный бракъ не бракъ, а блудъ, о чемъ зри кормч. л. 336 и 522. Но истинное христіанство есть и будетъ продолжаться до дне суднаго и до втораго пришествія“; значитъ, „отъ него и святое крещеніе будетъ исполняться надъ приходящими отъ невѣрія, или надъ рожденными отъ незаконнаго брака, тоже до дне суднаго“. А такъ какъ „священства истиннаго и христопреданнаго нѣсть нынѣ и впредь не будетъ, то и брака законнаго нѣсть и впредь не будетъ“ (л. 13). „Мы не бракъ законный презираемъ, замѣчаетъ безбрачный въ другомъ мѣстѣ, не супружествомъ благословеннымъ гнушаемся, но противный св. писанію бракъ составлять не дерзаемъ и творити но-

вые чины на дѣйствіе церковныхъ тайнъ излагать страшимся“ (л. 51). „Лучше умереть безчадну, нежели для чадородія разрушать преданія св. отецъ“, то есть, „составлять на браковѣнчаніе чинъ отъ своего смышленія и излагать новую форму“,—какъ сдѣлали это новожены. Мысль, будто „какъ смертное, такъ и брачное дѣйствіе надъ человѣкомъ неизбѣжно“, — несправедлива; „смерть каждому неизбѣжна, а бракъ данъ на произволеніе; быть безсмертну нельзя, безбрачну можно“ (л. 17). И не только можно, но и должно въ настоящее время, когда „въ насъ ни князя, ни вождя нашего закона и духовнаго чина во всемъ мірѣ, ни причетника нѣсть, ниже старца искусна къ вразумленію христіанства“, когда притомъ настало царство человѣка беззаконія и скоро послѣдуетъ кончина міра. Въ такое время „о чемъ подобаетъ тщаніе имѣти? о умноженіи ли народовъ и племенъ, о чадородіи ли и женитвѣ, или о покаяніи? Мы, вѣруя, что скоро грядетъ и не замедлитъ Судія, оставляемъ попеченіе о чадородіи и размноженіи человѣчества, но каждому, *сколько вмѣстимо*, предлагаемъ очистить себе цѣломудріемъ и готову быть на срѣтеніе Царя славы въ ризѣ чистѣй“. И это дѣлаемъ „не отъ своего смышленія, но отъ св. писанія“. Указавъ далѣе на то, что Моисей, приготовляя „израильтянъ на срѣтеніе Бога, хотящаго снити на Синайскую гору, повелѣлъ къ женамъ не прикасатися,“ между тѣмъ какъ „нынѣ Господь судить всю вселенную грядетъ“, что „и Ною праведному и сынамъ его“ Богъ заповѣдалъ во время всемірнаго потопа „къ женамъ не прикасатися“, а „нынѣ вселенная потоплена въ злѣйшихъ водахъ, испущенныхъ отъ седмиглаваго змія“, безбрачный заключаетъ: „и мы чаемъ пришествія Христова, тщимся предстать Ему, якоже Моисей уготова люди израилевы, и страшимся того, егда пріидетъ“ (л. 34—42). „Всему свое время. Прежде имѣть свя-

щенство было законно, нынѣ же законопреступно"; потому что священство настоящее „благословляетъ херосложно; прежде причастіе имѣть бѣ законно; нынѣ же совершать его законопреступно"; потому что нынѣшній „агнецъ запечатлѣнъ двучастнымъ крестомъ; сице и о брацѣ потребно разумѣть. Адамовы чада сестеръ имѣли супругами, и то бѣ въ свое время законно; нынѣ же насъ апостолъ научаетъ въ послѣднихъ временахъ живущихъ тако: время сокращенно, имущіи жены, яко не имущіи будутъ" (л. 62—65). Указываютъ на то, что „бракъ положенъ въ естествѣ", что „естественно человѣку родиться и умереть; рожденіе же Богъ положилъ отъ жены со смѣшеніемъ мужскимъ". Правда; но изъ этого не слѣдуетъ, что „когда есть сила къ рожденію, то роди, не взирая ни на какой законъ письменный"; такая „дерзость и не разбирательство въ рожденіи свойственны только скотамъ безсловеснымъ". Считать закономъ для рожденія и брака „одну только способность естественную" значить поступать „дерзко, глупо, противно св. писанію", потому что „естество не откажется родить, если кто и съ сестрой будетъ имѣть бракъ, не откажется, кто и съ пятью женами будетъ имѣть совокупленіе"; а развѣ такое рожденіе будетъ законно? (л. 44—48). Говорятъ: дѣвство не предписано закономъ, а оставлено на произволъ каждому; правда; но несомнѣнно и то, что вступать въ законный бракъ можно только посредствомъ вѣнчанія. Значитъ, „потребно хранить первое и второе, сирѣчь, брачитися и принимать на брачное совокупленіе законное чиновѣнчаніе"; если же „мы совокуплятися будемъ и рождать, а законнаго церковнаго благословенія не пріимемъ, то явимся единой заповѣди исполнители, а другой — разорители, — меньшее повелѣніе исполнимъ, тѣлесное желаніе и похоть снабдимъ, а преданія св. соборовъ разрушимъ и высочайшую заповѣдь

презримъ; но лучше тѣлесное вожделѣніе обуздать, а не св. соборовъ заповѣди разрушать. Законъ повелѣваетъ совокуплятися мужу и женѣ и чадородію быти; но въ началѣ сего, по церковному преданію и св. соборовъ, должны брачущіеся принять во освященной церкви отъ священника вѣнчаніе, сирѣчь, церковную тайну, а безъ сего чина совокупленіе будетъ незаконное; кромѣ же священника быть строителемъ сей тайны законъ никому не допускаетъ, сирѣчь, простецу совершить вѣнчаніе невозможно. Нынѣ же освященной церкви и священника нѣсть". Что же остается дѣлать? „Плотское ли совокупленіе оставить и рожденіе, поелику нѣсть кому нынѣ тайну законнаго брака составить чинно, или для плотскаго совокупленія правила св. отецъ разрушить, сирѣчь, безъ священства и вѣнчанія свои браки дѣйствовать"? Безбрачный безпоповецъ говоритъ, что лучше оставить плотское совокупленіе, чѣмъ разрушать правила св. отецъ и вселенскихъ соборовъ, и вотъ чѣмъ доказываетъ это: „пречистое тѣло и кровь Христова столь нужнѣе намъ брака, елико небо пространнѣе земли; безъ сего бо и спасенія надежды нѣсть; и самъ Христосъ рекъ: аминь, аминь, глаголю вамъ, аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ. Но видимъ законъ, кромѣ священства совершить сію тайну евхаристіи простецу не дозволяется,—то тайну сію спасительну совершенно оставляемъ: лучше согласуемся быть безъ видимаго причащенія тѣла и крови Христовой, нежели коснуться чрезъ законъ простецамъ, не имущимъ священства, составлять его"; точно также нужно поступать и касательно брака—тѣмъ болѣе, что „цѣломудренную жизнь вести можетъ всякій, и кто отрицается: я не могу жить цѣломудренно, тотъ на Бога клевещетъ" (л. 54—58). „Сего ради по силѣ и тщимся жизнь хранить цѣломудренно" и

поступаемъ такъ не по гордости, не изъ тщеславія, „но для исполненія закона церковнаго“; оставляя нынѣ браки, мы „не законъ превосходимъ, но только законъ исполняемъ; потому что тайны брака некому законно составить“ (л. 59 и 68 об.). „Мы не бракъ презираемъ, но удаляемся дерзости той, что повелѣно совершать священнику, и намъ сіе не похитить бы самовольно, и не хотимъ принять въ законъ того, что отъ святыхъ признано законопреступно; безъ священства бракъ названъ отъ св. соборовъ не бракъ, а блудъ, и мы его бракомъ не признаемъ; мы не точію брака не имѣемъ, но и св. причастія видимаго не имѣемъ, священства не имѣемъ, мvропомазанія не имѣемъ, но не въ томъ разумѣ не имѣемъ, что сіи святыя вещи презираемъ, но не кому ихъ законно совершить, хотя знаемъ чинъ, какъ они совершаются, и имѣемъ всѣ вещи для составленія ихъ, но не имѣемъ власти коснуться ихъ; по той же причинѣ и брака не составляемъ, понеже сіи таинства къ совершенію ввѣрены людемъ священнымъ“ (л. 87—88). Если же „кто и преткнется, или изнемогаетъ на пути жизни цѣломудренной, то паки возстаетъ и во слѣдъ прочихъ грядетъ, аще и созади, но въ томъ же стадѣ; въ немощахъ нашихъ и паденіихъ покаяніе всемилостивому Богу приносимъ и прощеніе просимъ, какъ облѣнившіеся исполнять Его заповѣди, и страшимся приносить оправданія о себѣ Сердцевѣдцу такія, что мы не можемъ хранить цѣломудрія, но за лѣность согрѣшаемъ... Лучше намъ быть всѣмъ грѣшнымъ, нежели прекателями и противниками предъ св. догматами и имѣть мудрованіе, св. апостольской церкви противное“ (л. 69). „Вы же, говоритъ сочинитель, обращаясь къ вступавшимъ въ безсвященнословные браки, на путь жизни брачной стремитесь, чрезъ ограду лѣзете и чрезъ врата скачете, — новую дверь просѣкаете; сами, не имѣя свя-

щенства, отворять дерзаете. Слово Божіе, какъ приставникъ сего пути и стражъ, непрестанно вамъ вѣщаетъ: его же не сочета Богъ, священными молитвами совокупляемь, тіи сходятся на блудъ; а вы напротивъ его бунтъ сочиняете“ (л. 64). Въ другомъ мѣстѣ защитникъ безбрачія говоритъ о томъ же предметѣ еще сильнѣе и откровеннѣе: „мы хотя и не вси исполняемъ того дѣломъ, чего надлежитъ по закону церковному, — многіе вполнѣ ведутъ жизнь цѣломудренную, но многіе сего и не исполняютъ, но сердцемъ право вѣруютъ и устами благочестиво исповѣдуютъ, а въ нарушеніи, прибѣгая къ Богу съ смиреніемъ и покаяніемъ, прощеніе получаютъ отъ Него, а въ правый догматъ и законъ своихъ поступковъ не ставятъ“. Такіе люди „хотя по дѣламъ и грѣшны, но по вѣрѣ святы; поелику хранятъ въ сердечномъ вѣрованіи и исповѣданіи словесномъ святые догматы“ и каются въ своихъ грѣхахъ; а „кающагося грѣшника Богъ не отвергаетъ никогда“. „Хотя бы кто имѣлъ грѣхи больше песка всего міра, или больше звѣздъ небесныхъ и капель всѣхъ водъ подсолнечныхъ, но при православной вѣрѣ чрезъ покаяніе онъ можетъ спасеніе получить; но если кто догматы церковные и преданія, касающіяся къ вѣрѣ христіанской, развращаетъ, или хоть послѣднюю вещь церковныхъ чиноположеній измѣняетъ, или свое мнѣніе узаконяетъ и въ правильно употребленіе вводитъ, чего саятые не свидѣтельствовали, тотъ не избѣжитъ погибели“ (л. 92—93).

Такими-то разсужденіями Филиппъ Осиповъ (1) старался защитить отъ нападеній брачныхъ проповѣдуемое и содержимое многими безпоповцами безбрачіе. Но защитникъ всеобщаго дѣвства не ограничился одною защитою своего безбрачнаго общества; онъ рѣшился еще до-

(1) Въ концѣ 50-хъ годовъ онъ умеръ.

казать, допустившимъ у себя безсвященнословные браки, ревнителямъ древняго благочестія, что они, обвиняя другихъ въ ошибкахъ, сами заблуждаютъ, вступая въ браки безъ церковнаго вѣнчанія. Съ этою цѣлію, опредѣливъ значеніе таинствъ и показавъ, при какихъ условіяхъ они бываютъ истинны и при какихъ ложны и еретически, онъ замѣчалъ: „и вашъ бракъ безсвященнословный будетъ подобенъ тоже еретическимъ тайнамъ, понеже въ составленіи его видимую вещь онъ будетъ имѣть, сирѣчь, жениха и невѣсту, а формы чиновѣнчанія церковнаго и благодати Божіей пришествія не будетъ имѣть; сего ради онъ бракъ лживый, блудный. Аще бы кто взялъ простой хлѣбъ и вино и отслужилъ бы молебенъ и сталъ бы утверждать: это есть истинное причастіе, тѣло и кровь Христова, за нужду составленное,—то вси бы его безумнымъ сочли и всякій бы реклъ: сей есть простъ хлѣбъ и простое вино, а не причастіе святое. Или кто взялъ бы простое масло и сотворилъ бы надъ нимъ самосоставныя молитвы и началъ бы увѣрять, что сіе есть истинное мvро, въ тѣснотѣ составленное,—то всѣми бы сіе мудрованіе почиталось кощунствомъ,—того ради, что хотя и есть въ мнимомъ отъ него причастіи хлѣбъ и вино, какъ это и въ истинномъ причащеніи бываетъ, но не было законнаго надъ ними дѣйствія, чѣмъ призывается Духъ святый, сирѣчь, тѣхъ молитвъ, какія слѣдуютъ; такожде и на самосоставленномъ мvрѣ, хотя есть въ немъ масло, но не можетъ оно быть истинное мvро, понеже не отъ священнаго лица совершалось и не по своему порядку, но лживое помазаніе; и потому тіи вещи были бы и причастіе и мvро лживыми, что на нихъ не сходилъ при составленіи святой Духъ; а не сошелъ Духъ святой того ради, что они не тѣмъ чиномъ составлены, который закономъ положенъ, но отъ своего смышленія, и не отъ

того лица, какому правила повелѣваютъ, сирѣчь, законъ повелѣваетъ совершать сіи тайны священнику, а ихъ дѣйствуетъ простецъ. И бракъ твой тоже совершается безъ благодати святаго Духа, потому что ты его самолично творишь, а не по писанію, и правилами, о бракѣ неположенными, и не имѣя священнаго чина“ (л. 78—81).

Продолжая развивать ту же мысль, что браки безсвященнословные, которые старались навязать ѳедосѣевцамъ послѣдователи Покровской часовни, незаконны, защитникъ безбрачія продолжалъ: „вашъ безсвященнословный чинъ брака, вновь изобрѣтенный, елико отстоитъ небо отъ земли, свѣтъ отъ тьмы, столько различенъ отъ церковнаго чиновѣнчанія, св. отцами преданнаго. Аще ли бракъ могъ бы состояться токмо изъ благословенія родительскаго, или изъ обычая гражданскаго укрѣпленія, то св. соборы не стали бы для него особый чинъ вѣнчанія составлять. Аще ли при составленіи таинства брака не было бы особеннаго дѣйствія Духа святаго надъ брачущимися, то не назвали бы его тайною... Аще ли бы бракъ составлялся вравнѣ какъ отъ священника, такъ и отъ проста старца, то св. отцы и соборныя правила не положили бы запрещенія такого: яже не съ благословеніемъ церковнымъ и чиннымъ вѣнчаніемъ творимо, незаконна и беззаконна и ничтоже суть. Аще бы при составленіи несвященнаго брака благодать Божія дѣйствовала и Духъ святый сію тайну совершалъ, то бы св. отцы не назвали его беззаконіемъ“ (л. 82), какъ не назвали они незаконнымъ „крещенія и исповѣди, отъ простеца творимыхъ“ (л. 85).

Правда, древняя церковь браки лицъ, переходившихъ къ ней, и совершавшіеся безъ священнословія, признавала браками; но и мы подобныхъ супруговъ (т. е. такъ называемыхъ, староженовъ) признаемъ „за мужа и жену“, такъ какъ они „въ своемъ законѣ и вѣрѣ первой бракъ

составили чинно, совокуплялись плотски, рождали дѣтей“,—только „совкуплятися имъ плотски не попускаемъ“, и это—потому, что „они не приняли отъ Бога на таковое совокупленіе и чадородіе законоположеннаго благословенія чрезъ законныхъ священнодѣйствователей, по христіанскимъ правиламъ, и на сіе предлагаемъ примѣры сицевые: внѣшніе художники пишутъ иконы, но мы аще и именуемъ ихъ иконами, а поклонятися имъ невозможно, понеже не христіанами писаны; новопечатныя книги аще и нарицаемъ книгами, нарицаемъ: евангеліе, апостолъ, псалтирь,—святыми именами ихъ именуемъ, обаче въ дѣйствіе ихъ къ молитвословію не пріемлемъ; и тайну брака внѣшняго составленія аще и бракомъ именуемъ и принявшихъ оный мужемъ и женою нарицаемъ, а къ совокупленію плотскому не попускаемъ, сирѣчь, не даемъ ему равенство съ христіанскимъ бракомъ; ибо онъ составленъ не по преданію церковному и внѣ православной церкви“ (то есть, ѳедосѣевскаго общества), а такія тайны—ничто (л. 99—100).

Правда, древняя церковь принимала безсвященнословные браки лицъ, приходившихъ къ ней, безъ повторенія и дозволяла подобнымъ супругамъ продолжать сожительство, и послѣ принятія ими православной вѣры, но—браки языческіе, а не еретическіе (неправда), и притомъ—только „ради начала проповѣди“. Еретикъ, замѣчаетъ истый безпоповецъ, хуже язычника и, при обращеніи къ истинной вѣрѣ, послѣдній принимается въ церковь „безъ всякихъ отреченій своихъ обычаевъ, или проклятій своихъ дѣйствій“, тогда какъ первому „законъ повелѣваетъ проклинать свою вѣру, свою церковь, учителей и вся еретическія дѣйствія и тайны“, слѣдовательно и таинство брака. Поэтому „бракъ еретическій болѣе нечестивъ, нежели языческій; язычники совокупляются по одному со-

гласію, а еретики свой бракъ печатлѣютъ своимъ дѣйствіемъ, еретическимъ вѣнчаніемъ и благословеніемъ". И чтобы еще болѣе доказать, будто еретичество хуже язычества, Филиппъ Осиповъ приводитъ слѣдующіе примѣры: „хлѣбъ, содѣянный рукою невѣрнаго, бываетъ ни святъ, ни скверенъ, а когда еретическое оному коснется дѣйствіе служеніемъ, тогда онъ будетъ уже оскверненъ, сирѣчь, хлѣбъ сей и въ пищу непотребенъ христіанамъ. Вода, изъ рукъ невѣрныхъ взятая, нѣсть скверна, а когда еретикъ коснется къ ней своимъ благословеніемъ, то будетъ скверна и христіанамъ непотребна. Сосудъ, или посуда, отъ невѣрныхъ устроенная, бываетъ къ пріятію и употребленію удобна, а когда еретики коснутся къ оной своими службами, кропленіями и проч., тогда въ употребленіи оную христіанамъ имѣть невозможно. Итакъ каждая вещь еретическимъ дѣйствіемъ больше оскверняется" (л. 101—102). А бракъ, совершаемый въ церкви православной, по мнѣнію изувѣра, есть бракъ не только еретическій, но даже „седмиглавнаго змія" (л. 103). Заключеніе понятно.

Наконецъ, защитникъ дѣвства обращаетъ вниманіе на тѣ основанія, на которыхъ старались утвердить законность безсвященнословныхъ браковъ послѣдователи Покровской часовни, и опровергаетъ ихъ. Такъ, въ заповѣди царей Льва и Константина: „аще ли по тѣснотѣ, или смиреніемъ, не возможетъ кто добрѣ пріятнѣ и написанно составити бракъ, то и не написанно да совѣщается женитва, не лукавно, совѣтомъ совокупляющихъ лицъ родителевъ, или въ церкви благословенія ради, или предъ други пятьми" (1), рѣчь идетъ, по мнѣнію защитника церковнаго вѣнчанія, о приданомъ, а не о бракѣ; сказано: „совѣщается женитва", а „не бракъ

(1) Кормч. изд. 1787 г. съ изд. 1653 г., л. 177, гл. 49.

совершается"; „совѣщавать" же не значитъ дѣлать дѣло, а только обсуждать его; „совѣтъ есть только умственное предположеніе о совершеніи дѣла, а не дѣяніе"; притомъ говорится: „въ церкви благословенія ради", а „предъ други пятьми" безъ благословенія. Чѣмъ же въ послѣднемъ случаѣ совершится бракъ, если онъ, а не сватовство, дѣйствительно разумѣется въ означенной заповѣди?.. Что же касается словъ Матѳея правильника: „бракъ есть мужа и жены сочетаніе и снаслѣдіе во всей жизни, божественныя же и человѣческія правины общеніе, любо благословеніемъ, любо вѣнчаніемъ, любо съ записаніемъ, а яже чрезъ сія бываемая, яко не бывша вмѣняемъ,"—то и въ нихъ, по мнѣнію автора разсматриваемаго сочиненія, нѣтъ основанія для мысли, будто бракъ одинаково законенъ, будетъ ли онъ совершенъ чрезъ вѣнчаніе, или только чрезъ записаніе, а напротивъ словами: *божественныя правины* (т. е. права) прямо указывается на необходимость церковнаго благословенія. Слова: любо, любо— это не раздѣлительныя частицы, а толкованіе того, какъ и чѣмъ брачущіеся касаются двумъ „правинамъ"—божественнымъ и человѣческимъ,—божественнымъ—вѣнчаніемъ, человѣческимъ—„записаніемъ", то есть „соблюденіемъ правилъ гражданскихъ" и родительскимъ благословеніемъ. Притомъ Матѳей самъ говоритъ (сост. 3, глав. 8), что „бракъ безъ священнословія не состоится". Наконецъ, по поводу опредѣленія брака въ большомъ катихизисѣ, на которое, какъ мы видѣли прежде (1), также ссылаются защитники безсвященнословныхъ браковъ, ревнитель церковнаго вѣнчанія говоритъ, что и сами брачущіеся (т. е. поморцы, допустившіе у себя брачную жизнь) не слѣдуютъ этому опредѣленію, требуя для заключенія брака родительскаго благословенія, о которомъ въ катихизисѣ

(1) Семейн. жизнь, вып. перв., стр. 123 и 243—244.

нѣтъ ни слова, и за тѣмъ замѣчаетъ: „Духъ святый, иже всегда и все вѣдый, уразумѣлъ, что будутъ раздорники статью великаго катихизиса криво толковать, на браки безсвященнословныя натягательно склоняя, и внушилъ Іосифу патріарху, бывшему послѣ Филарета патріарха (при которомъ изданъ большой катихизисъ) напечатать кормчую и въ ней положилъ о бракахъ законъ такой: ихъ же не сочета Богъ, священными молитвами призываемь, тіи вси сходятся на грѣхъ.“ Да и въ маломъ катихизисѣ, напечатанномъ послѣ большаго—при Іосифѣ же, сказано, что „устроеніе брака бываетъ общимъ изволеніемъ отъ тѣхъ, иже входятъ въ то достояніе безъ всякія пакости, и благословеніемъ священническимъ“ (л. 111—112).

Такъ-то ревнитель дѣвства г. Казани защищалъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ свое безбрачное общество отъ обвиненій, какія взводили на него послѣдователи Покровской часовни, и доказывалъ незаконность ихъ безсвященнословныхъ браковъ. Предъ судомъ православной истины, многія изъ изложенныхъ нами мыслей безбрачнаго оказываются несостоятельными; но, съ безпоповщинской точки зрѣнія на дѣло, защитникъ безбрачія правъ, и притомъ болѣе, чѣмъ его противники, допустившіе у себя безсвященнословные браки. За исключеніемъ несчастнаго заблужденія, будто нынѣ уже послѣднія времена міра и царство антихриста, будто церковь православная—церковь еретическая,—всѣ остальныя разсужденія Филиппа Осипова вѣрны и опираются на почвѣ церковнаго преданія. Не можетъ не обращать на себя вниманія и то обстоятельство, что въ разсмотрѣнномъ сочиненіи нѣтъ тѣхъ крайностей въ ученіи о безбрачіи, какія мы видѣли у Ковылина, и даже послѣ него—у наставниковъ и вожаковъ Преображенскаго кладбища, которые на бракъ смотрѣли, какъ на скверну, и

въ рожденіи дитяти видѣли чуть не дьявольское произведеніе. Казанскій ѳедосѣевецъ бракъ уважаетъ, какъ святыню, какъ таинство, и проповѣдуетъ безбрачіе только потому, что законнаго брака нынѣ будто бы некому совершить. Онъ не отрицаетъ и того, что обязательное для всѣхъ дѣвство часто ведетъ слабыхъ къ искушеніямъ и паденіямъ, и не оправдываетъ этихъ паденій, а только говоритъ, что они допускаются немощными во избѣжаніе бо́льшаго зла,—изъ опасенія вступить въ бракъ или безъ священнословія, или „съ еретическимъ вѣнчаніемъ“, что́, по мнѣнію его, одинаково преступно. Что же? Находилъ ли себѣ послѣдователей такой безпристрастный, хотя и не вполнѣ истинный, проповѣдникъ дѣвства? „Многіе, пишетъ онъ, вполнѣ ведутъ жизнь цѣломудренную, но многіе сего и не исполняютъ“. И это „неисполненіе“ правилъ общества ѳедосѣескаго состояло не въ томъ только, что большинство послѣдователей этого толка предавалось тайному блуду, а, такъ называемые, старожены продолжали сожительствовать съ своими женами и рождать дѣтей, но и въ томъ, что многіе „по немощи, или юности“, брали себѣ женъ „кромѣ закона и церкви“ (л. 92 об.), то есть, обзаводились открытыми наложницами и жили съ ними на правахъ мужей, завѣдомо для всѣхъ, „смиряясь только предъ Богомъ и людьми въ своемъ поступкѣ“. Мало этого: многіе, „по невмѣстимости законодѣвственнаго ученія женились даже въ инославныхъ (то есть, православныхъ и единовѣрческихъ) церквахъ“, и даже „отступали при этомъ отъ вѣры“, то есть, отъ раскола и оставались въ православіи какъ „сами, такъ и дѣти ихъ“; а иные женились „по своему обычаю“, то есть, вѣроятно, съ благословенія родителей и наставниковъ брали себѣ въ супруги любимыхъ женщинъ (л. 127 об.; снес. „бесѣду о бракѣ“ л. 8). Такимъ образомъ тѣ же явленія, какія мы видѣли въ дру-

гихъ общинахъ ѳедосѣевскихъ, повторялись въ разсматриваемое нами время и въ средѣ казанскихъ безбрачниковъ. Дѣвство—въ теоріи, блудъ на дѣлѣ, безбрачіе на словахъ, браки разныхъ видовъ и формъ въ жизни.

Какъ же относились къ подобнымъ нарушеніямъ цѣломудренной жизни тѣ, кои, по убѣжденію, или ex officio, проповѣдывали дѣвство, то есть, наставники казанскихъ, а равно и другихъ, ѳедосѣевцевъ? Тайный блудъ, разумѣется, и судился тайно, во время исповѣди. Нарушеніе цѣломудрія староженами наказывалось „сорокодневнымъ постомъ съ каждодневнымъ тысящнымъ правиломъ и со отлученіемъ отъ церкви (то есть, отъ общества ѳедосѣевскаго) на эти дни“, послѣ чего отлученные снова присоединялись къ обществу, и притомъ „безъ разводу“, а только обязываясь „на чистое житіе“; и это дѣлалось „не единою, не дважды, но многократно“ (1). А чтобы такою поблажкою сожительству староженовъ не слишкомъ противорѣчить своему основному ученію о „чистомъ житіи“, нѣкоторые изъ ѳедосѣевскихъ наставниковъ стали употреблять такого рода хитрость: отъ брачныхъ, переходившихъ въ ѳедосѣевщину изъ православія, или изъ другихъ раскольническихъ сектъ, принимавшихъ бракъ, перестали требовать при перекрещиваніи прямаго отрицанія отъ брака, а стали довольствоваться общимъ отрицаніемъ сатаны и дѣлъ его, разумѣя подъ нимъ и отрицаніе отъ брака, какъ дѣла сатанинскаго (2), чѣмъ достигалась и другая цѣль: облегчался самый переходъ въ ѳедосѣевщину лицамъ женатымъ (3). Замѣчательно, чѣмъ оправдывали казанскіе ѳедосѣевцы свой обычай—позволять староженамъ жить вмѣстѣ даже послѣ того, какъ они нарушали данный, при переходѣ

(1) Бес. о бракѣ л. 7; изъ воспоминаній инока Павла прусскаго 1868 г., стр. 30.

(2) Тамъ же стр. 28.

(3) Тамъ же стр. 27 и 30.

въ расколъ, обѣтъ цѣломудрія. „Мы не ради блуда попускаемъ имъ единодомовне жить, писалъ Филиппъ Осиповъ, но ради исполненія гражданскаго закона. Внѣшніе народы браки творятъ сицевымъ образомъ, а утвердятъ его гражданскимъ обязательствомъ, или условіемъ, къ вѣчному сожительству: суды и власти всюду о нихъ разумѣютъ, что они суть мужъ и жена, все имѣніе и стяжаніе ихъ общее и нераздѣльное, и въ своемъ первомъ законѣ они имѣютъ прижитыхъ дѣтей; гражданскія условія и обѣщанія ихъ къ сожитію вѣчному въ соблюденіи чести и вѣрности, общія икономіи по хозяйству, дѣлить судьбу, горести и благополучія, просто рещи: о всѣмъ внѣшнемъ дѣлѣ они въ своемъ брацѣ творятъ законно. Посему мы, когда приступаютъ они къ христіанству (то есть, переходятъ въ расколъ), гражданскія ихъ обязанности и взаимныя обѣщанія къ хозяйственной жизни и не разрушаемъ; ибо при бракѣ быть такимъ взаимнымъ условіямъ о житейскихъ икономіяхъ и домовныхъ строеніяхъ положено отъ древнихъ царей греческихъ (Кормч. л. 498), и сей законъ и по нынѣ соблюдается, то мы его разрушать и не дерзаемъ. Самъ Христосъ повелѣлъ исполнять внѣшніе законы царей какъ благочестивыхъ, такъ и инославныхъ (1). Законъ гражданскій признаетъ ихъ, что все ихъ стяжаніе общее: домы и имѣніе и прочее, и мы также признаемъ, посему ихъ и не раздѣляемъ, а сами они даютъ обѣщаніе къ цѣломудренной жизни“ (л. 104). Если же мы не разлучаемъ, по правиламъ, такихъ супруговъ и послѣ того, какъ они „повинны явятся въ разрушеніи чистоты, обличаясь дѣтотвореніемъ“, то дѣлаемъ это потому, что „храненіемъ сей заповѣди другая заповѣдь величайшая разорилась бы“. „У христіанина аще родится дитя и сего ради церковь (?) его отъ единодомовнаго со-

(1) Въ устахъ ѳедосѣевца подобное заявленіе—рѣдкость.

житія разлучитъ, и отъ власти сему нашему дѣйствію укрытися невозможно, но всѣмъ властямъ будетъ явлено, что наша церковь (?) чадородія не попускаетъ, и они (то есть, власти), не разсудивъ причины, яко мы ради неимѣнія священства бракъ оставляемъ и рожденіе, причтутъ насъ къ скопцамъ, истребителямъ человѣчества, вреднымъ государству и прочимъ неполезнымъ еретикамъ, посему и изощрятъ мечъ ярости и воспылаютъ гнѣвомъ мщенія не точію на тѣхъ, но и на всю церковь (?): разрушатъ, разсѣятъ, истребятъ; и по сему крайнему бѣдствію и нуждѣ сіе раздѣленіе за чадородіе мужа и жены оставляется въ единодомовномъ сожительствѣ". Указавъ за тѣмъ на слова Василія великаго (прав. 49): „по нуждѣ раба, смѣшившися съ господиномъ, безъ запрещенія есть", Осиповъ продолжалъ: и мы за страхъ властительнаго мщенія, ради раздѣленія въ разные домы могущаго послѣдовати, попускаемъ единодомовне жительствовати; а за грѣхъ и преступленіе епитиміею наказуемъ" (л. 106).

Значитъ, мѣры правительства противъ ѳедосѣевцевъ, какъ вредныхъ членовъ общества, производили свое дѣйствіе, и мнимые ревнители дѣвства, во избѣжаніе кары закона, принуждены были измѣнять своимъ правиламъ. Въ другихъ мѣстахъ единодомовное сожительство староженовъ объясняли тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ находились подъ властію господъ, которые, въ случаѣ развода, могли „въ претензію войти и церковь оскорбить" (1). Та же, вѣроятно, строгость власти противъ отрицателей брака была причиной и того, что въ Казани и въ другихъ мѣстахъ стали снисходительно смотрѣть даже на новоженство, состоявшее въ открытомъ сожительствѣ молодыхъ ѳедосѣевцевъ съ избранными ими женщинами, на правахъ мужей. Такимъ явнымъ нарушителямъ дѣвства общество „никакихъ пори-

(1) Бес. о бракѣ, л. 6.

цаній не творило", а наставники „чада ихъ крестили, при болѣзни ихъ исповѣдывали, домы посѣщали, отъ слушанія божественныя службы не отгоняли и по всему равное попеченіе имѣли о нихъ, какъ и о своихъ душахъ, точію общаго моленія и пищи съ ними не сообщались",—и то „не для отверженія, но для открытаго уврачевавія" ихъ, какъ явныхъ грѣшниковъ. Мало этого: Филиппъ Осиповъ говоритъ: „мы о таковыхъ христіанахъ поженившихся тако разумѣваемъ: они есть истинные христіане, братія наша, члены церкви, *заступники православія*". Въ какомъ смыслѣ ѳедосѣевцы считали своихъ новоженовъ заступниками православія (то есть, раскола), мы не знаетъ. Можетъ быть, это были богачи, которые своими средствами и вліяніемъ поддерживали общество среди невзгодъ, постигшихъ расколъ въ концѣ прошлаго царствованія; или, быть можетъ, ѳедосѣевскіе новожены своею мнимо-семейною жизнію закрывали отъ глазъ правительства свою бракоборную общину и чрезъ то снимали съ своихъ братій кличку вредныхъ членовъ общества (1). Была и еще причина, почему въ Казани, а равно и въ другихъ мѣстахъ, наставники ѳедосѣевскіе снисходительны стали къ своимъ ученикамъ-новоженамъ. Эта причина указывается въ слѣдующихъ словахъ Филиппа Осипова: „мы о брачныхъ попеченіе имѣемъ равное, какъ и о небрачныхъ, и никогда въ вѣкъ оставлять ихъ несогласны, *лишь бы они насъ не оставляли*" (л. 130 об.). Дѣло въ томъ, что прежняя строгость къ новоженамъ, обрекавшая ихъ на пожизненное отлученіе отъ общества, и сама по себѣ часто заставляла многихъ изъ нихъ оставлять ѳедосѣевскій расколъ и переходить то въ поморщину, то даже въ православіе; а когда къ этому присоединились еще строгія мѣры власти противъ заблуждающихъ, и въ частности противъ тѣхъ изъ нихъ, кото-

(1) Изъ воспом. инока Павла прусскаго стр. 30; Истина, кн. 2, л. 72.

рые отрицали бракъ, какъ скверну, число ѳедосѣевцевъ, „отступавшихъ отъ вѣры“ безбрачниковъ и обращавшихся „къ инославнымъ церквамъ“, стало увеличиваться съ каждымъ днемъ. И вотъ, чтобы удержать своихъ учениковъ въ зависимости отъ себя, нѣкоторые изъ ѳедосѣевскихъ наставниковъ рѣшились смотрѣть на ихъ „браки по своему обычаю“, такъ сказать, сквозь пальцы, извиняя такое отступленіе отъ правилъ „прежнихъ отцевъ тяжкими временами“; хотя другимъ, болѣе послушнымъ, своимъ послѣдователямъ указывали на эти „тяжкія времена“, какъ на побужденіе къ безбрачію, болѣе удобному въ трудныхъ обстоятельствахъ. „Нынѣ мы и причетника не имѣемъ, писалъ тотъ же казанскій проповѣдникъ безбрачія, и пономаря у насъ нѣсть, а церкви освященной уже и дѣды наши не видѣли, а мы и кельи, гдѣ было бы безъ страха собраться помолитися, не имѣемъ, то и бракъ въ насъ законный совершитися не можетъ“. Сказавъ за тѣмъ, что семейная жизнь тяжелѣе жизни одинокой, холостой, онъ продолжалъ: „и тако мы, соображая нынѣ тяжкое время, и предлагаемъ всѣмъ легкое бремя“, то есть безбрачіе (л. 71).

Впрочемъ не всѣ и не вездѣ ѳедосѣевскіе наставники стали снисходительно относиться, въ разсматриваемое нами время, къ появившемуся въ ихъ общинахъ новоженству, въ формѣ открытаго наложничества. По свидѣтельству автора „бесѣды о бракѣ“, во многихъ мѣстахъ ѳедосѣевцы и „не отступавшіе отъ вѣры“, а только „сходившіеся между собою по согласію“, какъ „женихъ и невѣста, отлучались отъ церкви“, то есть, отъ общества, и „предавались діаволу въ снѣдь“, оставаясь „безъ покаянія до самаго преддверія смертнаго“ (л. 8) (1). Тоже свидѣтельствуетъ и неизвѣст-

(1) Въ сборникѣ библіотеки покойнаго митроп. Григорія, подъ № 154, находятся (л. 278 об.—286) стихи, въ которыхъ положеніе ѳедосѣевца-ново-

ный авторъ разсмотрѣннаго нами прежде „отсловія къ новоженамъ“. По его словамъ, новожены могутъ быть приняты въ общество (слѣдовательно отлучались отъ него) только послѣ признанія ими незаконности „новобрачія“ и „своей повинности“, и „по расторженіи законопреступнаго составленія“ (л. 6. снес. л. 11). Державшіеся такихъ правилъ въ отношеніи къ новоженамъ наставники ѳедосѣевскіе хотя и крестили ихъ дѣтей, но требовали, чтобы ребенокъ питался не сосцами своей „нечистой“ матери, а „млекомъ кравіимъ“; въ противномъ случаѣ младенецъ также отлучался отъ общества, считался „замірщенымъ“ и, если умиралъ въ такомъ положеніи, то лишался „надгробнаго пѣнія и всего обычнаго поминовенія“ (1). Нѣкоторые впрочемъ, довольно намучившись съ хворыми младенцами, отымаемыми отъ груди матерей, стали поступать иначе: послѣ крещенія младенца позволяли матери его измывать сосцы свои тою же водою изъ купели, послѣ чего сосцы считались чистыми и мать уже безъ вся-

---

жена въ обществѣ бракоборцевъ рисуется въ слѣдующемъ видѣ. Когда онъ рѣшился „усердну вѣру показать, въ моленной общей побывать“, то лишь только „въ моленную и съ дамой взошелъ онъ, обоихъ вывели ихъ вонъ“. Впрочемъ новоженъ не смутился этимъ обстоятельствомъ, зная, что предъ смертію „за семь поклоновъ получитъ прощеніе“. Но вотъ, наконецъ, отлученный отъ общества новоженъ заболѣваетъ; мнимая жена его спѣшитъ къ духовнику и проситъ его поспѣшить къ умирающему сожителю; духовникъ сперва отказывается итти въ нечистый домъ, а потомъ, склонившись на обѣщаніе подарка, ѣдетъ, но находитъ больнаго уже безъ языка; не исповѣданный такимъ образомъ новоженъ умираетъ; на вопросъ осиротѣвшей подруги его: „какъ погребать, кому псалтирь читать“, духовникъ отвѣчаетъ: „за блудъ онъ отлученъ, внѣ церкви находился, что блудно жилъ съ тобой, предъ смертью не простился... Не должно никому псалтирь надъ нимъ читать, въ часовню не носи, не будемъ отпѣвать“. Пораженная этими словами, новоженка теряетъ самообладаніе и начинаетъ бранить духовника и самую вѣру ѳедосѣевскую; но дряхлый изувѣръ на всѣ укоры несчастной отвѣчаетъ саркастически: „ты знай, довольно васъ зарыто со скотами, не скучно вамъ въ землѣ, скоты все съ вами“.

(1) Изъ воспом. инока Павла прусскаго 1868 г., стр. 7.

каго опасенія могла сама кормить свое дитя (1). Другіе наставники ѳедосѣевскіе поступали еще иначе: опасаясь, что отлученіе новоженовъ отъ общества и покаянія „до самаго предверія смертнаго“ можетъ заставить ихъ перейти въ другой толкъ, и даже въ православіе, и въ тоже время считая ихъ „нарушителями вѣры“, недостойными пользоваться одинаковыми правами съ мнимыми дѣвственниками, они не отдѣляли виновныхъ совершенно отъ своего стада и даже принимали ихъ на исповѣдь,—только особеннымъ, „коварственнымъ“, по выраженію Павла прусскаго, образомъ. Вотъ что говоритъ объ этой „коварственной“ исповѣди о. Павелъ: „женатые въ ѳедосѣевскомъ согласіи, доколѣ пребываютъ въ брачномъ состояніи, не могутъ быть допущены къ исповѣди. Холостые, если и падаютъ, удобны къ покаянію,—могутъ, хотя и лицемѣрно, сказать предъ отцемъ духовнымъ, что оставляютъ грѣхъ; а женатому этого сказать нельзя, ибо имѣетъ обличительницу жену, съ которою, по понятіямъ безбрачныхъ, состоитъ въ открытой и постоянной блудной связи. Исповѣдать его безъ расторженія брака значило бы признать бракъ справедливымъ, а не признавая брака справедливымъ, допустить до исповѣди значило бы потаковникомъ быть явнаго беззаконія; то и другое тяжко, посему и доступъ къ исповѣди для семейныхъ людей почитается невозможнымъ. Но богобоязливому человѣку какъ быть безъ очищенія совѣсти покаяніемъ? Это все равно, что лишиться надежды спасенія, и чтобы спасти себя отъ такой страшной участи, ищетъ онъ выхода изъ погибельныхъ безбрачныхъ сектъ,—либо къ новоженамъ, то есть, въ поморскую секту переходитъ, либо начинаетъ разсматривать погрѣшность раскола и мало по малу приходитъ къ познанію правости и непорочности церкви православной.

(1) Тамъ же стр. 10—11.

Это обстоятельство заставило и твердыхъ проповѣдниковъ безбрачія сдѣлаться мягкосердыми, во многомъ снисходить женатымъ, особенно изъ людей богатыхъ. Такъ и на счетъ исповѣди мудрые ѳедосѣевскіе старцы, желая свое стадо соблюсти, рѣшили, что и брачныхъ можно исповѣдывать, ради успокоенія ихъ совѣсти, но такъ при этомъ поступать, чтобъ и себя отъ согласія на бракъ ихъ избавить. Придумали они исповѣдывать женатыхъ не стоя, яко же обычно, но сидя вмѣстѣ съ исповѣдающимся совершать исповѣдь. Теперь, если какой ревнитель безбрачныхъ преданій, какъ и случается, нападетъ на старца,—за чѣмъ онъ исповѣдывалъ женатаго: у него готовый отвѣтъ: „я не исповѣдывалъ, мы только бесѣду имѣли, совѣтовали вкупѣ, какъ ему отъ грѣха избыть“. А если женатый спроситъ, для чего не по чину, сидя, а не стоя, его исповѣдуетъ, тому скажетъ: „нельзя, другъ; я бы и радъ иначе сдѣлать, да меня самаго отлучатъ, а ты довольствуйся и такой исповѣдью“. На вопросы же сторонникъ людей подобные настоятели отвѣчаютъ, что они исповѣдуютъ женатыхъ сидя, а не стоя, „для того, чтобы исповѣдь эта не почлась за исповѣдь“, и поступаютъ такъ „только для успокоенія волнующейся ихъ совѣсти“ (1). Другіе наставники другаго рода хитрость стали употреблять при исповѣди женатыхъ. Исповѣдуютъ ихъ, какъ слѣдуетъ, стоя, но велятъ исповѣднику читать все положенное въ чинѣ исповѣди самому и съ нимъ не молятся, или же и сами читаютъ, но не дозволяютъ при этомъ исповѣднику съ собою молиться (2). Это—во избѣжаніе общенія съ новоженомъ въ молитвѣ. Стали употреблять „коварственную“ исповѣдь нѣкоторые ѳедосѣевскіе наставники и въ другихъ случаяхъ, напр. при напутствованіи въ жизнь вѣч-

(1) Тамъ же стр. 28—29.

(2) Тамъ же стр. 30.

ную больныхъ женатыхъ ѳедосѣевцевъ, не рѣшавшихся при жизни разстаться съ своими женами. Такъ какъ, по правиламъ ѳедосѣевскимъ, женатаго ѳедосѣевца можно допустить къ исповѣди не прежде, какъ по расторженіи имъ брачнаго союза и обѣщаніи быть на будущее время „дѣвственникомъ“, а между тѣмъ иной больной, дававшій подобный обѣтъ, выздоравливалъ и, не имѣя силъ прекратить прежнее сожительство, вступалъ снова въ права мужа, чрезъ что́ являлся клятвопреступникомъ, нѣкоторые же больные, не расчитывая, по человѣческой слабости, умереть, не соглашались во время болѣзни давать обѣщаніе на расторженіе своего брачнаго союза,—то „мудрые законополагатели безбрачія“, чтобы устранить всѣ означенныя затрудненія, придумали, при исповѣди больныхъ, о бракѣ ихъ не спрашивать, а довольствоваться „общимъ о всѣхъ содѣянныхъ грѣхахъ отвѣтомъ и обѣщаніемъ къ тому оныхъ не творити“ (1).

Что касается тѣхъ ѳедосѣевцевъ, которые, по разнымъ обстоятельствамъ, вѣнчались въ церквахъ православныхъ и единовѣрческихъ, или, по крайней мѣрѣ, получали въ нихъ свидѣтельства (фальшивыя) о повѣнчаніи (2), то, разумѣется, большинство ѳедосѣевскихъ наставниковъ смотрѣло на нихъ, какъ на „отступниковъ отъ вѣры“ (то есть, раскола), отлучало ихъ отъ своего общества и принимало ихъ снова въ секту не иначе, какъ по расторженіи брака и послѣ довольно продолжительной и тяжкой епитиміи. „Вѣнчавшіеся въ отступническихъ соборищахъ, говоритъ сочинитель „отословія къ новоженамъ“, нарушающе христіанскую свою вѣру, не токмо увеличиваютъ свое паденіе (то есть, нарушеніе обѣта цѣломудрія), но и всеконечно отлучаютъ себя отъ святыя соборныя церкви (то

(1) Тамъ же стр. 27.
(2) Кельсіев. вып. 2, стр. 21.

есть, ѳедосѣевскаго раскола) и отъ сочлененія православныхъ и большему", сравнительно съ простыми новоженами, „подлежать" должны, въ случаѣ раскаянія, „осужденію и наказанію, по расторженіи законопреступнаго составленія (1). Впрочемъ, поелику въ первое время царствованія императора Николая I-го ѳедосѣевцы, вѣнчавшіеся въ церквахъ православныхъ и единовѣрческихъ, поступали такъ большею частію по сознанію неприложимости къ жизни ѳедосѣевскаго ученія о безбрачіи, то рѣдкіе изъ нихъ старались послѣ брака принадлежать къ прежнему обществу; большею же частію они переходили въ поморство, гдѣ брачная жизнь допускалась, или даже оставались до смерти членами православной церкви, хотя и не особенно искренними. На такой порядокъ вещей жаловался сочинитель „отсловія къ новоженамъ", говоря: „мы не упоминаемъ о тѣхъ, кои свою законность (брачную) подкрѣпили благословеніемъ, либо записаніемъ внѣшнимъ, и кои чувствуютъ свое паденіе, но *за оскудѣніе вѣры и усердія*, ко истинному исправленію способа не обрѣтаютъ, или находятъ великое неудобство разрѣшити чисто пута своего беззаконія, и за ради рожденныхъ чадъ и прочихъ житейскихъ нуждъ, и боящеся мірской власти, и коихъ одинъ смертный случай приводитъ на покаяніе, или кромѣ сего, увы! на судъ Божій отходятъ" (2). На то же указываетъ и авторъ „бесѣды о бракѣ", когда въ доказательство „бѣдъ, какія происходятъ отъ не всѣмъ вмѣстимаго законодѣвственнаго ученія" ѳедосѣевскаго, ссылался на то, что „многіе изъ ѳедосѣевцевъ женятся въ инославныхъ церквахъ и остаются тамъ сами и дѣти ихъ" (3). Когда же, въ послѣдніе годы царствованія императора Николая Павловича, вслѣдствіе строгихъ мѣръ

(1) Сборн. библ. покойн. митр. Григорія № 200, л. 11.
(2) Тамъ же л. 6 и 7.
(3) Сборн. библ. митр. Григорія № 154, л. 8.

противъ раскола, многіе ѳедосѣевцы стали вѣнчаться въ церквахъ православныхъ и единовѣрческихъ только „изъ политики“, по принужденію, чтобы этимъ маневромъ узаконить своихъ дѣтей (1),—наставники ѳедосѣевскіе смягчили свои отношенія къ подобнымъ бракамъ, и наконецъ дѣло дошло до того, что нерѣдко богатый ѳедосѣевецъ, вступившій въ бракъ съ благословенія православнаго, или единовѣрческаго, священника, по прежнему оставался, по принесеніи покаянія за свой грѣхъ, во главѣ общины и считался даже „кормильцемъ“ ея. На него смотрѣли не болѣе, какъ на новожена, и часто подобныя личности задавали тонъ самимъ безбрачнымъ наставникамъ. Авторъ разсмотрѣннаго нами прежде сочиненія, написаннаго въ 1852 году въ защиту безбрачія, не произноситъ надъ вѣнчавшимися въ церквахъ православныхъ и единовѣрческихъ ѳедосѣецами никакого суда, а только замѣчаетъ: „мы для женитьбы въ инославную церковь никого не посылаемъ, но каждый имѣетъ свою волю и желаніе, или въ церкви инославной, или по своему обычаю, жениться, и объ этомъ насъ никто не спрашиваетъ“ (2). Видно, вѣнчаніе въ православныхъ церквахъ ѳедосѣевскіе наставники признали за необходимость, противъ которой не было силъ вооружаться, и смирялись предъ заключенными привославнымъ священникомъ браками, какъ предъ „совершившимся фактомъ“.

Съ однимъ только никакъ не могли примириться вожаки ѳедосѣевскіе,—это—съ браками ѳедосѣевцевъ, женившихся на православныхъ дѣвицахъ, и, конечно, потому, что подобные браки не вынуждались никакою неотразимою необходимостію, а вполнѣ зависѣли отъ воли брачившихся и совершались большею частію по расчетамъ

(1) Кельсіев. вып. 4, стр. 29.

(2) Сборн. библ. покойн. митр. Григорія № 154, л. 127 об.

житейскимъ—довольно своекорыстнымъ. Тутъ все возмущало истаго бракоборца: и нарушеніе его братомъ по вѣрѣ обѣта цѣломудрія, и сожительство „вѣрнаго съ невѣрною“, и несомнѣнность вѣнчанія подобныхъ браковъ „въ церкви еретической“, съ предварительнымъ отлученіемъ жениха„ отъ христіанства“, то есть, раскола, и наконецъ горькая мысль о томъ, что дѣти такихъ отступниковъ отъ вѣры не будутъ принадлежать къ „истинному христіанству“, такъ какъ, по законамъ, раскольникъ могъ жениться на православной дѣвицѣ не иначе, какъ послѣ предварительнаго присоединенія къ церкви и—обязательства воспитывать дѣтей своихъ въ православіи (1), что́ иногда и исполнялось. По этому на такіе браки большинство наставниковъ ѳедосѣевскихъ смотрѣло, какъ на „знаменіе времени втораго пришествія Христова“ (2), и вооружалось противъ нихъ дѣломъ и словомъ: *дѣломъ*,—отлучая отъ своего общества женившихся на православныхъ дѣвицахъ ѳедосѣевцевъ, какъ отступниковъ отъ вѣры, и не принимая ихъ на покаяніе „прежде даже не расторгнутъ брака, аще будетъ и дѣти сотворили“; *словомъ*, — пиша одно за другимъ сочиненія, въ которыхъ всѣми правдами и неправдами старались доказать, что жениться ѳедосѣевцу на православной дѣвицѣ значитъ „уду Христову сдѣлаться удомъ блудничимъ“, значитъ „Христову храму соединиться съ вертепомъ дьявольскимъ, Духу Божію—съ духомъ лукавымъ и антихристовымъ, Христу—съ веліаромъ, благословенію — съ клятвою, тѣлу живому—съ трупомъ мертвымъ, овцѣ—съ волкомъ“ и проч. и проч. Одно изъ такихъ сочиненій, подъ названіемъ: „о половинкахъ, сі есть, вѣрной части спрягающейся съ невѣрною, яко незаконно; вѣрная на покаяніе, а невѣрная часть на крещеніе безъ раз-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 218—219.
(2) Сборн. библ. покойн. митр. Григорія № 200, л. 12 и 13.

воду не пріемлются въ церковь", мы читали въ сборникѣ библіотеки покойнаго преосвящ. митрополита Григорія (1). Впрочемъ въ этомъ сочиненіи не столько интересны доказательства, которыми авторъ старался подтвердить свою мысль о томъ, что „православному христіанину" (т. е. ѳедосѣевцу) не слѣдуетъ вступать въ бракъ съ „лицемъ иновѣрнымъ" (т. е. съ дѣвицею православнаго исповѣданія), и которыя состоятъ изъ разныхъ мѣстъ св. писанія ветхаго завѣта, изъ свидѣтельствъ отеческихъ, и особенно изъ правилъ соборныхъ, сколько любопытенъ указанный сочинителемъ мотивъ, по которому нѣкоторые изъ ѳедосѣевцевъ стали въ прошлое царствованіе вступать въ браки съ православными дѣвицами. Сказавъ съ глубокою скорбію о томъ, что многіе изъ „дѣвственниковъ" стали нарушать цѣломудріе—вступленіемъ въ безсвященнословныя сожительства, авторъ продолжаетъ: „врагъ прелютый, иною коснію подходя, умыслилъ открыть послушнымъ своимъ еще глубочайшій ровъ паденія, рекше, совокуплятися вѣрнымъ съ частію невѣрныхъ, подкрадая сдесна, яко бы тѣмъ совокупленіемъ могутъ обратить его на православіе и исполнити апостоломъ реченное: святится жена невѣрна о мужи вѣрнѣ" (л. 100 об. и 101). Впрочемъ подобное оправданіе, по словамъ автора, было только на словахъ, а на дѣлѣ большею частію „посягшая вѣрная часть" не только не обращала къ своей вѣрѣ „невѣрной", но и сама, „обязавшись домостройствомъ и умноженіемъ чадъ, до кончины живота своего оставалась въ нечаяніи, не имѣя власти и силы къ покаянію притещи". Если же и случалось, что ѳедосѣевецъ, женившійся на православной дѣвицѣ, успѣвалъ совратить жену свою въ расколъ, отъ этого, по мнѣнію автора, происходило еще бо́льшее

(1) Сборн. № 112, л. 97—141; нынѣ этотъ сборникъ находится въ библіотекѣ казанской духовной академіи.

зло. „Ибо, писалъ онъ, которая часть невѣрная убѣдится вѣрною частію въ правду, или того каварнымъ вымысломъ, приступить къ части вѣрной, просить пріобщитися церкви святой (т. е. раскола) видомъ цѣломудреннаго обѣта, еже и бысть и присно бываетъ; питомцы же церковные (т. е. наставники ѳедосѣевскіе), препущая то кротостію и смиреніемъ и не видя притомъ яснаго въ св. писаніи свидѣтельства, и подая имъ право неоспоримое, еже бы до познанія сшедшагося неразлучима оставити отъ тоя, развѣ точію за неимѣніемъ свято-церковнаго благословенія на томъ брацѣ, плотское смѣшеніе тому запретятъ. Тако и пріимаху многія безъ расторженія того беззаконнаго брака. Они же, мало потерпѣвъ, мню, паче кознею хитрою вражіею побѣждаеми, дабы породу церковную сею гнусностію окалять, преступивъ обѣтъ, смѣшиваются плотски и такъ оттолѣ едва ли до смерти, или до глубокой старости могутъ удержаться“, заражая, разумѣется, своимъ примѣромъ и другихъ „дѣвственниковъ“. Во избѣжаніе подобнаго обмана, нѣкоторые, весьма впрочемъ немногіе, наставники ѳедосѣевскіе, „зная, по словамъ автора, правильный разумъ“, принимали въ расколъ православныхъ дѣвицъ, вступавшихъ въ браки съ ѳедосѣевцами, не прежде, какъ по разлученіи ихъ другъ отъ друга, или по разводѣ. Мало этого: по увѣренію автора сочиненія „о половинкахъ“, нѣкоторые изъ ѳедосѣевцевъ въ прошлое царствованіе пускались на такіе Фокусы, которымъ трудно и повѣрить. Чтобы явиться въ глазахъ своихъ вожаковъ не *новоженами*, а *староженами*, положеніе которыхъ въ обществѣ ѳедосѣевскомъ всегда было нѣсколько лучше положенія новоженовъ, такъ какъ старожены, по переходѣ въ расколъ, не разлучались отъ единодомовнаго сожительства, нѣкоторые изъ молодыхъ раскольниковъ, вѣроятно, по внушенію родныхъ, показы-

вали видъ, что они не—раскольники, а православные, и даже не крестились въ расколѣ до совершеннаго возраста, хотя имѣли родителей „вѣрныхъ“, т. е. раскольниковъ; а потомъ, придя въ возрастъ и „по своему сердечному залогу гнушаясь мірскихъ“ (т. е. православныхъ) женъ, избирали себѣ „христіанокъ“ (т. е. ѳедосѣевокъ) и, „прельстивъ, совокуплялись“ съ ними „иные въ церкви внѣшней самымъ дѣломъ, а другіе видомъ, иніи же словомъ, а овіи сами собою, или родительскимъ беззаконнымъ благословеніемъ“, чѣмъ ясно показывали, что они не—сыны церкви и въ душѣ принадлежали къ расколу. „Сопрягшись таковыми и симъ подобными вселукавыми вымыслы“ и „поживъ мало времени“ внѣ раскола, эти искатели приключеній начинали „стараться, какъ бы ни есть, въ породу церковную внити“ (т. е. вступить въ расколъ); говорили, что они узнали „православіе (т. е. расколъ) отъ вѣрныя своея части“, всячески убѣждали „пріять ихъ на просвѣщеніе (т. е. крещеніе), давая при этомъ „обѣты хранить дѣвство и чистоту безпорочно“. А когда „старѣйшины, по влекущейся издавна привычкѣ, просьбу ихъ удовлетворяли“, новые члены ѳедосѣевскаго общества, вступивъ „въ породу церковную и мало помедля, по козни вражіей“, нарушали свои обѣты и начинали жить, какъ подобаетъ мужьямъ, терпя за свое „смѣшеніе плотски“, какъ старожены, только „мало нѣчто“, или „видъ наказанія“, и потомъ „паки на ту же блевотину возвращаясь“, такъ какъ старожену разрѣшалось родить троихъ дѣтей,—и даже больше (1). И такъ „безстудствовали, безчествуя церковную породу, до глубокой старости и даже до смерти“. „И сія скареда, по словамъ автора разсматриваемаго сочиненія, въ церкви святой (т. е. въ обществѣ ѳе-

(1) См. выпускъ перв. стр. 293—4 и 352; Сборн. для истор. старообр. т. 1, стр. 20, прав. 45, стр. 23 и 33.

досѣевскомъ) вмѣстилась не уже въ углѣ, но по всему помосту лежитъ“ (л. 104), т. е. проникла собою все ѳедосѣевское общество. Мало этого: большинство ѳедосѣевцевъ и даже „мнози старѣйшины“, т. е. вожди, ихъ не только не смущались подобными „беззаконными прелюбодѣйными сопряженіями“, но даже какъ бы оправдывали ихъ, „по привычкѣ своей единаче толкуя, яко обратившаяся часть изъ невѣрныхъ неоспоримое имѣетъ право съ вѣрною частію единокупно жити, для чего и оставляли вѣрную часть до смерти быть внѣ церкви (?) со оною нерасторжену“. А слѣдствіемъ этого было то, что подобные супруги, „удовлетворяя другъ друга распутствомъ и необузданною свободностію, жили, какъ хотѣли“ (л. 141). Что же касается браковъ ѳедосѣевокъ, выходившихъ за мужъ за православныхъ, то отъ подобныхъ браковъ расколъ не только ничего не терялъ, напротивъ многое пріобрѣталъ. И прежде всего — часто, и очень часто, православные, женившись на раскольницахъ— ѳедосѣевкахъ, сами дѣлались раскольниками. Если же мнимо-православная жена по какимъ-либо причинамъ не успѣвала пріобрѣсть расколу мужа, она старалась воспитать въ расколѣ своихъ дѣтей, что́ большею частію и удавалось. А если, наконецъ, встрѣчались препятствія и на этомъ пути, бывшая ѳедосѣевка все-таки исполняла свой обѣтъ, который давала, выходя за мужъ за православнаго; а этотъ обѣтъ состоялъ въ томъ, чтобы замѣнить себя для раскола первою дочерью (1). По этой-то, вѣроятно, причинѣ наставники раскольническіе впослѣдствіи времени стали охотнѣе соглашаться на выходъ раскольницъ за мужъ за православныхъ, чѣмъ на браки раскольниковъ съ православными дѣвицами. Авторъ выше разсмотрѣннаго сочиненія „о половинкахъ“ не произно-

(1) Кельсіев. вып. 4, стр. 49 и 149.

сить никакого суда надъ женщинами ѳедосѣевскими, выходящими за-мужъ за православныхъ, а только видитъ въ этомъ явленіи насиліе господствующей церкви надъ расколомъ. „Мнози отъ иновѣрныхъ, *ругаяся православнымъ*, дщерей ихъ тайно восхищаютъ на сочетаніе себѣ“, говоритъ онъ, не отвергая впрочемъ и того, что часто „тіи дѣвицы сами, по увѣщанію рачителей (т. е. своихъ возлюбленныхъ), или сродниковъ ихъ, отбѣгали отъ родителей“ (л. 127).

ГЛАВА ПЯТАЯ

Перемѣна въ ученіи поповцевъ о бракѣ, происшедшая въ прошлое царствованіе; причина этого: строгость власти къ, такъ называемымъ, бѣглымъ попамъ, при посредствѣ которыхъ старообрядцы вѣнчали свои браки; развратъ въ поповщинскихъ монастыряхъ; отношеніе къ бѣглымъ попамъ власти свѣтской и духовной, въ царствованіе Александра Благословеннаго; перемѣна во взглядѣ на этотъ предметъ, начавшаяся въ первые годы царствованія императора Николая I-го; мѣры, какія употребляла власть свѣтская и духовная, къ прекращенію побѣга въ расколъ православныхъ священнослужителей и къ ограниченію незаконныхъ дѣйствій бѣглыхъ поповъ, уже находившихся въ расколѣ, на основаніи прежнихъ узаконеній; слѣдствія такихъ мѣръ: крайній недостатокъ въ поповщинѣ бѣглыхъ поповъ, появленіе среди заблуждающихъ, подъ именемъ поповъ, разнаго рода пройдохъ, не имѣвшихъ никакого священнаго сана, обращеніе поповцевъ за совершеніемъ требъ и таинствъ къ, такъ называемымъ, разстригамъ и въ концѣ концевъ—крайнее затрудненіе заблуждающихъ въ исправленіи духовныхъ нуждъ; средства, къ какимъ прибѣгли раскольники, чтобы выйти изъ неловкаго положенія, въ какое поставило ихъ правительство: одни изъ нихъ задумываютъ объ учрежденіи своей собственной епархіи; другіе, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ о возстановленіи прежнихъ узаконеній о бѣглыхъ попахъ, обращаются къ правительству съ просьбами о дарованіи имъ священниковъ отъ епархіальныхъ архіереевъ, но на условіяхъ, на которыя власть не соглашается; третьи, за неимѣніемъ бѣглыхъ поповъ, начинаютъ совершать требы и таинства чрезъ единовѣрческихъ и православныхъ священниковъ; четвертые, недумая долго, рѣшаются предоставить совершеніе требъ, и даже таинствъ, простымъ мірянамъ и такимъ образомъ превращаются въ безпоповцевъ; какъ совершались браки и другія требы у этихъ послѣднихъ поповцевъ? недовольство правительства такимъ порядкомъ вещей и разнаго рода со стороны его уступки заблуждающимъ; отсутствіе системы въ распоряженіяхъ правительства относительно поповцевъ вообще и браковъ поповщинскихъ въ частности; печальные плоды безсвященнословныхъ сопряженій поповщинскихъ; причины, по которымъ нѣкоторые поповцы вступаютъ въ безсвященнословные браки даже въ наши дни, когда поповщина не имѣетъ недостатка не только въ попахъ, но даже въ архіереяхъ, такъ называемаго, австрійскаго поставленья; сущность ученія о бракѣ поповцевъ, допустившихъ у себя сводные браки.

Все, что мы изложили въ предъидущихъ главахъ относительно брачной жизни въ безпоповщинскомъ расколѣ,

даетъ намъ, кажется, право сказать, что прошлое царствованіе, говоря вообще, представляетъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, не мало довольно утѣшительныхъ для нравственнаго чувства сторонъ въ рѣшеніи главными безпоповщинскими сектами вопроса о бракѣ. Но если посмотрѣть на дѣло внимательнѣе, то окажется, что въ царствованіе императора Николая Павловича явились въ расколѣ, по вопросу о бракѣ, и такіе грустные факты, какіе въ прежнее время не имѣли въ немъ мѣста и причиной которыхъ была та же строгость власти къ заблуждающимъ, которая заставила большинство безпоповцевъ допустить у себя брачную жизнь, и даже освящать ее благословеніемъ церкви. Мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ перемѣну въ устройствѣ брачной жизни, допущенную въ прошлое царствованіе нѣкоторыми *поповцами*, и перемѣну, нужно сказать, не къ лучшему.

Выше мы говорили (1), что поповцы, рѣшившіеся, изъ опасенія лишиться таинствъ, принимать къ себѣ, такъ называемыхъ, бѣглыхъ поповъ, не имѣли никакихъ побужденій измѣнять православное ученіе о бракѣ и на самомъ дѣлѣ отличались отъ православныхъ въ этомъ отношеніи только тѣмъ, что требовали совершенія брака по старопечатнымъ служебникамъ. Такъ было въ началѣ раздѣленія раскола на поповщину и безпоповщину, тотъ же порядокъ вещей продолжался и послѣ—до царствованія императора Николая Павловича. Поповцы, желавшіе вступить въ бракъ, выбирали себѣ невѣстъ и вѣнчались у своихъ бѣглыхъ поповъ (2). Бывали, правда, случаи, когда тотъ, или другой, поповецъ, за неимѣніемъ подъ рукой бѣглаго попа, обращался за вѣнчаніемъ въ церковь православную; но эти случаи были не часты, и при-

(1) См. выпускъ перв. гл. 1, стр. 17.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 48—9, 75, 79, 98, 174.

томъ большею частію дѣло устроивалось такъ, что бракъ совершался по старопечатному требнику. Если же во времена сильныхъ гоненій на расколъ, какъ было это напр. въ правленіе Софьи Алексѣевны, поповцы уклонялись отъ брачной жизни, это зависѣло не отъ теоріи какой-либо и дѣлалось „не въ гнушеніе брака“, а просто по причинѣ „трудныхъ обстоятельствъ“, среди которыхъ заблуждающимъ было не до семейныхъ радостей. Но лишь только гоненія прекращались, поповцы снова начинали жить полною и радостною жизнію семейныхъ людей. Разумѣется, существованіе въ поповщинѣ брака не спасало нѣкоторыхъ ея членовъ отъ паденій, отъ грѣховъ противъ цѣломудрія. Но опять-таки эти грѣхи не условливались, не вынуждались никакими принципами, какъ это было напр. въ безпоповщинѣ, а были только уклоненіями немощной совѣсти отъ нравственнаго пути, какія случаются во всякомъ обществѣ. Притомъ нарушеніе седьмой заповѣди допускалось, по преимуществу, не жиловыми поповцами, а, такъ называемыми, старцами и старицами поповщинскими, т. е. людьми, которые, не взвѣсивъ своихъ нравственныхъ силъ, надѣвали на себя черную рясу и клобукъ и послѣ только позорили ихъ. А что это такъ, въ доказательство можно привесть много фактовъ. Въ 1720 году была поймана въ Москвѣ раскольница поповщинской секты, которая на допросѣ показала, что она жила блудно съ раскольническими духовниками Леонтіемъ и Кипріаномъ и прижитаго съ ними младенца бросила въ отхожее мѣсто. Эта раскольница была вѣтковская старица Ѳеодулія (1) Въ тоже время, взятый на ижерской заставѣ раскольничій старецъ Антоній, на допросѣ въ александро-невской канцеляріи, показалъ, что въ брянскихъ (?) лѣсахъ много жило старцевъ, изъ которыхъ нѣ-

(1) Опис. докум. и дѣл. св. сунода т. 1, стр. 179.

которые назывались „черными попами“, т. е., кромѣ монашества, имѣли еще санъ священства. Въ верстѣ отъ ихъ келлій находился женскій скитъ, которымъ завѣдывала старица Ѳедосья, сестра одного изъ старцевъ, имѣвшая подъ начальствомъ до двадцати старицъ. Объ отношеніяхъ этихъ старицъ къ старцамъ Антоній разсказалъ слѣдующее: къ вечернѣ, утренѣ и часамъ старцы и старицы сходились вмѣстѣ; въ посты по понедѣльникамъ, средамъ, и пятницамъ ѣли однажды; исповѣдывались у чернаго попа Леонтія, а причащались по кельямъ причастіемъ, которое привозилось изъ зарубежа, съ Вѣтки. Затѣмъ въ свободное время старцы посѣщали старицъ „по часту“, вслѣдствіе чего у старицъ рождались дѣти, которыя подкидывались по деревнямъ (1). Или вотъ что говоритъ Іоанновъ (2) о стародубскомъ казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, которымъ завѣдывалъ извѣстный бѣглый попъ Михайло калмыкъ: „не думаешь ли ты, любезный читатель, что седьмь сотъ дѣвокъ, бабъ и старухъ здѣсь собралось Бога ради на житье? Нѣтъ, всѣ онѣ преданы любострастію... Очень весело смотрѣть на то, продолжаетъ Іоанновъ, когда у ратуши среди народа монахи (3) и монахини, цѣпями скованные, въ трудахъ упражняются. На сіе осуждаютъ ихъ слободскіе старосты за ихъ частое другъ друга посѣщеніе. И ежели таковая привычка въ комъ усилится, то годныхъ чернецевъ отъ общества въ солдаты отдаютъ, а матерей съ таковыми сестрами публично предъ судейскою палками наказываютъ. Но совершенная вольница сія всегда остается безъ исправленія“. Чтобы понять это упорство во грѣхѣ по-

(1) Тамъ же стр. 185.

(2) Полн. истор. извѣст. стр. 371—372; снес. собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 585.

(3) Покровскаго монастыря, находившагося въ 3-хъ верстахъ отъ казанскаго (полн. истор. извѣст. стр. 349—350).

поповщинскихъ чернецовъ и чёрницъ, нужно помнить, что Михайло калмыкъ, управлявшій означенными монастырями, постригалъ и схимилъ всѣхъ „веселою рукою“, по выраженію Іоаннова, и слѣдовательно въ числѣ старцевъ и старицъ часто оказывались личности, которыя и въ мірѣ-то были никуда негожи. Наконецъ, эти Манеевы, Аполлинаріи, Мавры Кузьмовны и проч. и проч., которыхъ такъ любитъ выводить на сцену г. Печерскій, какъ образцы лицемѣрія, ханжества и разврата (1), это—также „матери и сестры“, жившія въ поповщинскихъ керженскихъ скитахъ. Такимъ образомъ, разврата никогда не чужда была и поповщина, но только, или, по крайней мѣрѣ, преимущественно, монастырская; жиловые же поповцы всегда смотрѣли на него, какъ на позоръ своему обществу, и по мѣрѣ силъ преслѣдовали зло; сами же обзаводились, при помощи бѣглыхъ поповъ, женами и жили съ ними „по закону“, хотя, какъ мы уже видѣли, власть, и особенно церковная, никогда не признавала законными и браковъ поповщинскихъ.

Такъ было съ начала раскола и продолжалось до царствованія императора Николая Павловича. Этотъ Государь, наложившій, какъ мы видѣли, свою мощную руку на расколъ безпоповщинскій, не могъ, конечно, оставить въ покоѣ и поповщину, какъ заблужденіе. Главное вниманіе покойнаго Государя обращено было на ту особенность поповщины, которою она отличалась отъ безпоповщины и которая давала заблуждающимъ нѣкоторое основаніе считать свое общество мнимо-истинною церковію. Мы разумѣемъ—бѣглыхъ поповъ, при посредствѣ которыхъ поповцы какъ вѣнчали свои браки, такъ совершали и другія таинства. Въ царствованіе императора Александра I-го, свѣтское правительство, по его собственнымъ сло-

(1) Русск. Вѣстн. 1857 г. №№ 4, 8 и др. 1868 г. №№ 8, 9 и др.

вамъ, „смотрѣло“ на бѣглыхъ поповъ „сквозь пальцы“ и только старалось не подавать вида „явнаго имъ покровительства“ (1). Такъ поступала власть для того, чтобы „изгнаніемъ“ бѣглыхъ поповъ изъ раскольничьихъ общинъ не ожесточить заблуждающихъ и не лишить ихъ способовъ крещенія, погребенія и проч. Снисходительность правительства къ поповцамъ въ царствованіе Александра Благословеннаго простиралась до того, что имъ позволялось имѣть священниковъ, бѣжавшихъ къ нимъ не прямо отъ церкви православной, а отъ какого-нибудь раскольническаго общества, въ родѣ Иргиза, Рогожскаго кладбища и друг. (2), хотя, впрочемъ, такія милости оказывались и не всѣмъ поповцамъ (3). Такъ было въ началѣ царствованія Александра I. Въ концѣ этого царствованія, именно въ 1822 году, издано было нѣсколько новыхъ правилъ касательно бѣглыхъ поповъ; по этимъ правиламъ, „бѣглыхъ священниковъ, находившихся у раскольниковъ“, велѣно было губернаторамъ „оставлять на мѣстѣ, какъ такихъ людей, коими не дорожатъ“, и, въ случаѣ требованія епархіальныхъ архіереевъ о высылкѣ такихъ священниковъ, отвѣчать, что они „находятся при своихъ мѣстахъ“; въ одномъ только случаѣ губернаторы обязывались выдавать бѣглецовъ епархіальному начальству,—когда они обвинялись въ какихъ-либо уголовныхъ преступленіяхъ (4). Правда, церковная власть дѣйствовала въ означенное время въ отношеніи къ бѣглымъ попамъ нѣсколько въ другомъ тонѣ, и именно: тѣхъ изъ нихъ, кои какимъ-либо образомъ сами попадали въ руки ея агентовъ, лишала сана и по растриженіи отсылала ихъ въ гражданскіе суды на

(1) Собр. постан. по ч. раск. 1858 г., стр. 28.

(2) Тамъ же стр. 27.

(3) Тамъ же стр. 38—39; собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 171—172.

(4) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 75—76.

„разсмотрѣніе“ (1); тѣхъ же, кои не являлись въ консисторію съ повинною, требовала для суда и наказанія чрезъ свѣтское правительство (2); но очевидно, что такой порядокъ вещей, послѣ изданія Высочайше утвержденныхъ 26 марта 1822 года правилъ о бѣглыхъ попахъ, уже не могъ болѣе имѣть мѣста, и церковной власти, по силѣ указанныхъ правилъ, не оставалось ничего болѣе, какъ только требовать отъ епархіальныхъ преосвященныхъ возможно-строгаго исполненія указа св. сѵнода отъ $\frac{6 \text{ іюня}}{11 \text{ іюля}}$ 1821 года, которымъ, для пресѣченія недостойнымъ священнослужителямъ возможности бѣжать къ раскольникамъ, предписывалось епархіальному начальству: 1) отъ тѣхъ священно и церковно-служителей, кои, находясь подъ судомъ, удалены отъ своихъ должностей, равно какъ и тѣхъ священнослужителей, кои низведены въ причетническую должность, отбирать ставленыя грамоты и другіе виды на званіе, для храненія при дѣлахъ, возвращать же имъ оныя тогда, какъ они опредѣлены будутъ къ должностямъ своего сана и чина; 2) билеты, или письменные виды, если ими необходимо будетъ снабжать кого-либо изъ священно-церковнослужителей для пріисканія мѣстъ въ одной и той же епархіи, давать съ должною осмотрительностію, судя по нравственному состоянію каждаго лица, и притомъ 3) давать виды срочные, не болѣе какъ на одинъ мѣсяцъ, по прошествіи котораго давать новый видъ на такой же срокъ, отбирая прежній (3). Но само собою разумѣется, что эти чисто внѣшніе пріемы къ удержанію недостойныхъ священно-церковно-служителей отъ перехода въ расколъ не достигали цѣли — особенно потому, что большинство бѣглыхъ священниковъ находило въ ра-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 9—11.
(2) Тамъ же стр. 160.
(3) Тамъ же стр. 155.

сколѣ гораздо больше средствъ къ жизни, чѣмъ въ православіи; а между тѣмъ, по силѣ указа 1822 года (26 марта), они уже не боялись болѣе быть выданными въ руки церковной власти, если не знали за собою никакихъ уголовныхъ преступленій.

Въ первые же годы царствованія императора Николая Павловича отношенія власти къ бѣглымъ попамъ измѣняются. Въ 1827 году (мая 25) запрещено было бѣглымъ попамъ отлучаться для исправленія требъ отъ мѣстъ своего жительства въ другіе уѣзды, а тѣмъ болѣе губерніи; съ нарушителями этого постановленія, если они не будутъ имѣть надлежащихъ видовъ (то есть, свидѣтельствъ и ставленыхъ грамотъ отъ епархіальныхъ архіереевъ), велѣно было поступать, какъ съ бродягами (1). Въ тоже время свѣтская власть отнеслась къ духовной съ вопросомъ, какія преступленія бѣглыхъ поповъ нужно считать уголовными, за которыя, по указу 1822 года 26 марта, велѣно ихъ высылать къ своимъ мѣстамъ,—по требованію епархіальныхъ архіереевъ. Св. сѵнодъ, опредѣленіемъ отъ 28 октября того же 1827 года, положилъ, что на предложенный ему, для разрѣшенія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вопросъ, онъ справедливымъ и необходимымъ признаетъ отвѣчать слѣдующее: 1) „въ бѣглыхъ священникахъ преступленіями уголовными, требующими непремѣнной высылки виновныхъ къ суду, почитать преступленія, подъ именемъ злодѣяній поименованныя въ указѣ правительствующаго сената 1725 года мая 3 дня, въ которомъ, послѣ тягчайшихъ государственныхъ и частныхъ преступленій, упоминаются: церковный мятежъ, отступленіе въ расколъ и воровство, обнаруженное поимкою и поличнымъ; 2) если послѣ бѣжавшаго священника не окажется чего—

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 106. Это постановленіе подтверждалось неоднократно и послѣ (тамъ же стр. 171).

либо въ церкви, которая была ему поручена, и потому онъ подлежать будетъ отвѣту въ похищеніи, или растратѣ, церковной собственности: въ семъ случаѣ также необходимо нужно, чтобы бѣжавшій священникъ былъ высланъ къ слѣдствію и суду, какъ по важности преступленія, такъ и для того, чтобы оказать должную справедливость обиженной церкви и приходу, который ее содержитъ; 3) если священникъ сдѣлаетъ побѣгъ въ то время, когда находится подъ слѣдствіемъ, или судомъ, или епитиміею, за какое бы то ни было преступленіе: справедливость и благоустройство управленія требуетъ и въ семъ случаѣ, чтобы онъ высланъ былъ для окончанія слѣдствія, суда и епитиміи; поелику Высочайшаго манифеста 1787 года апрѣля 21 дня 54 пунктомъ повелѣно всякое преступленіе противъ повиновенія начальству и власти мѣстъ и особъ, по всей строгости законовъ, неупустительно взыскивать; со стороны же власть и начальство имѣющихъ наблюдать за сохраненіемъ порядка и должнаго послушанія, подъ опасеніемъ, что всякое послабленіе въ томъ, яко влекущее по себѣ разстройство въ подчиненности по службѣ, вмѣнится начальникамъ въ сущее упущеніе. Допустить, чтобы подсудимаго за преступленіе священника новое преступленіе, то есть, побѣгъ, могло избавить отъ суда и наказанія, было бы противно всѣмъ понятіямъ о правосудіи и вредно для подчиненности и благонравія; сіе было бы родъ обнадеженія въ ненаказанности преступленій; наконецъ 4) св. сунодъ, какъ мѣсто, которому ввѣрено охраненіе ненарушимости священныхъ правилъ и церковнаго благочинія, не можетъ не признать самаго побѣга священника отъ своего мѣста и должности къ раскольникамъ за преступленіе тяжкое, требующее неупустительнаго правосудія по слѣдующимъ уваженіямъ: а) 15 правило св. апостолъ пресвитера, или діакона, или причетника, который свое-

вольно оставилъ свое мѣсто и по требованію епископа не возвращается, подвергаетъ изверженію; тоже самое подтверждаетъ: антіохійскаго собора правило 3, сардикійскаго 20 и VII вселенскаго 10; б) на основаніи духовнаго регламента (приб. о прич. пункт. 5), священникъ, въ произносимой предъ поставленіемъ въ сей санъ присягѣ, между причимъ, обязуется раскольниковъ словомъ Божіимъ и св. отецъ писаній духомъ кротости обличати и приводити къ обращенію и соединенію съ церковію, о неисправляющихся же и въ упрямствѣ своемъ пребывающихъ, паче же о развратникахъ и другихъ отъ соединенія церкве отвлекающихъ, куда надлежитъ, письменно и словесно представлять: то священникъ, перебѣгающій самъ отъ церкви къ раскольникамъ, есть явный нарушитель той же самой присяги, въ которой онъ и Его императорскому Величеству вѣрностію обязался; и потому сколько нужно сохранять святость церковной и государственной присяги, какъ ради высочайшей святости имени Бога, которымъ клянутся, такъ ради безопасности всѣхъ связей общественныхъ, столько же необходимо наблюдать, чтобы таковый клятвопреступникъ никакимъ послабленіемъ не былъ укрываемъ отъ правосудія. Сіе клятвопреступленіе бѣглыхъ священниковъ увеличивается еще тѣмъ, что, присоединяясь къ раскольникамъ, они даютъ имъ противоположную присягу, въ которой ученіе и обряды православной церкви называютъ еретическимъ злочестіемъ, и даже нѣкоторые гражданскіе обычаи, принятые правительствомъ, проклинаютъ“ (1).

Само собою понятно, что, послѣ такого заявленія со стороны церковной власти о сущности преступленій, какія совершали своимъ побѣгомъ къ раскольникамъ священники, власть свѣтская уже не могла „оставить Высочайше утвер-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г., стр. 200—203.

жденныхъ 26 марта 1822 года о бѣглыхъ попахъ правилъ безъ всякой перемѣны". Но такъ какъ, по смыслу изложеннаго опредѣленія св. сѵнода, ни одинъ бѣглый попъ не могъ оставаться въ расколѣ, а между тѣмъ удаленіе изъ среды поповцевъ этихъ измѣнниковъ православію прямо противорѣчило бы прежнимъ объ этомъ правиламъ, сдѣлавшимся для гражданскихъ начальствъ руководствомъ, и кромѣ того, вдругъ лишивъ поповцевъ возможности совершать таинства и другія требы, на что̀ правительство указами 9 января и 13 февраля 1626 года дало заблуждающимъ право, могло произвесть между заблуждающими неудовольствіе и волненіе, чего правительство особенно боялось (1),—то свѣтской власти, въ виду такихъ затрудненій, не оставалось ничего болѣе, какъ объявить заблуждающимъ, что бѣглые попы, находящіеся у нихъ, могутъ оставаться при своихъ мѣстахъ, но что вновь подобныхъ бѣглецевъ правительство не потерпитъ. Такъ дѣйствительно и было. Когда въ томъ же 1827 году дошли до власти свѣдѣнія о бѣглыхъ попахъ, находившихся въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ, Государь императоръ повелѣлъ увѣдомить князя Голицына, тогдашняго московскаго генералъ-губернатора, „чтобы нынѣ находящихся оставить въ покоѣ, но новыхъ не дозволять отнюдь принимать" (2). Это распоряженіе, касавшееся сперва только Москвы, распространено было въ скоромъ времени на Петербургъ и пермскую губернію, а въ 1832 году оно стало закономъ и для всѣхъ остальныхъ губерній (3). Но такъ какъ и послѣ этого являлись въ средѣ православнаго духовенства артисты, которые изъ-за матеріальныхъ выгодъ оставляли свои приходы и бѣжали

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 94 и 549.
(2) Тамъ же стр. 111.
(3) Тамъ же стр. 131—133.

къ раскольникамъ,—то правительство свѣтское, для пресѣченія подобнаго зла, независимо отъ распоряженій о томъ, чтобы гражданскія начальства надъ каждымъ, вновь бѣжавшимъ, священникомъ учреждали секретный полицейскій надзоръ и доносили о виновныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, ожидая его распоряженій (1), обратило вниманіе на тотъ притонъ, куда стекались бѣглые попы и откуда, по учиненіи надъ ними исправы, разсылались по всѣмъ раскольничьимъ общинамъ. Мы разумѣемъ иргизскіе монастыри, которые съ конца прошлаго столѣтія сдѣлались мѣстомъ, гдѣ бѣглые попы получали какъ бы посвященіе, или, по крайней мѣрѣ, право на названіе „правовѣрнаго“. Въ 1836 году было предписано саратовскому губернатору—обязать старшинъ, или настоятелей, иргизскихъ монастырей подписками, чтобы впредь они не принимали въ эти монастыри бѣглыхъ поповъ на исправу, какъ противную церковнымъ и гражданскимъ законамъ; въ противномъ случаѣ они, равно какъ совершившіе и принявшіе исправу попы, подвергались суду, какъ распространители ереси (2). А когда вскорѣ послѣ этого иргизскіе монастыри одинъ за другимъ обращены были въ единовѣрческіе (3),—фабрикація въ нихъ, такъ называемыхъ, раскольничьихъ поповъ должна была прекратиться сама собою. Въ свою очередь и церковая власть принимала разнаго рода мѣры къ удержанію священнослужителей отъ побѣговъ къ раскольникамъ. Такъ, когда дошло до свѣдѣнія св. сунода, что „наиболѣе впадаютъ въ раскольническое заблужденіе священники калужской и тульской

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 171 и 179.

(2) Тамъ же стр. 199—200.

(3) См. объ этомъ въ Правосл. собесѣдн. 1858 г. ч. I, стр. 231—261, а также въ Сынѣ отечества (1862 г. № 38) нашу замѣтку: „сказанія старообрядцевъ объ обращеніи иргизскихъ старообрядческихъ монастырей въ единовѣрческіе“.

епархій", онъ предписалъ указами преосвященнымъ указанныхъ епархій „войти въ надлежащее разсмотрѣніе какъ причинъ, служащихъ священникамъ поводомъ къ такому поползновенію и преступленію, такъ и средствъ къ прекращенію оныхъ, и свои заключенія по этому предмету представить на разсмотрѣніе св. сунода". Въ скоромъ времени (въ 1836 году) получены были въ св. сунодѣ донесенія указанныхъ преосвященныхъ, и эти донесенія такъ интересны, что мы находимъ не лишнимъ познакомить съ ихъ содержаніемъ читателей. Преосвященный калужскій писалъ, что впродолженіе послѣднихъ 10 лѣтъ бѣжавшихъ къ раскольникамъ священниковъ разныхъ уѣздовъ и селъ было 20, изъ которыхъ 15 подлежали суду за несообразные духовному сану поступки и приговорены были къ достойному наказанію, прочіе же 5 до побѣга ни за что судимы не были. Касательно причинъ, заставлявшихъ священниковъ оставлять свои приходы и бѣжать къ раскольникамъ, преосвященный доносилъ слѣдующее: „въ городахъ Калугѣ и Боровскѣ и уѣздѣ сего послѣдняго, равно въ селахъ и деревняхъ другихъ уѣздовъ, изстари находится и каждогодно въ исповѣдныхъ росписяхъ означается большое количество раскольниковъ, которые, по недальнему разстоянію стародубскихъ слободъ отъ калужской губерніи, весьма нерѣдко сносятся между собою и по торговлѣ, и по родству, и по расколу; а изъ сего и изъ благочинническихъ рапортовъ открывается, что главнѣйшею причиною побѣга священниковъ изъ калужской епархіи есть то, что нѣкоторые изъ тамошнихъ раскольниковъ, имѣющихъ взаимныя сношенія съ стародубскими жителями, зная приверженность ихъ къ бѣглымъ попамъ и діаконамъ, въ намѣреніи получить за то значительную сумму денегъ, прежде знакомятся съ порочными священниками и діаконами, потомъ всяческими способами пріоб-

рѣтаютъ къ себѣ ихъ довѣренность и, прельщая ихъ подъ разными предлогами, описываютъ имъ сельскую жизнь скучною и бѣдною; послѣ же того, въ видѣ искренняго своего благожеланія, совѣтуя имъ удалиться къ раскольникамъ, обѣщаютъ въ тамошнихъ стародубскихъ обществахъ спокойное и безотчетное пребываніе и во всемъ великій избытокъ; а наконецъ, въ довершеніе своихъ происковъ и обольщеній, предлагаютъ будто бы изъ дружбы свои имъ услуги и удобный случай отправиться съ ними въ стародубскія слободы; отъ таковыхъ прельщеній, полагаясь на благорасположеніе знакомыхъ раскольниковъ, малодушные служители церкви, особенно тѣ, кои преслѣдуются уже закономъ, во избѣжаніе ожидаемаго ими наказанія за пороки,—а иные, ослабѣвъ въ поведеніи своемъ и доброй нравственности, въ намѣреніи скрыть стыдъ своей зазорной жизни, или опасаясь доносовъ и преслѣдованій мѣстнаго и высшаго начальства,—иные же по вдовству и отъ неимѣнія дѣтей, а другіе наконецъ отъ обремененія семейства, — за лучшее для себя почитаютъ удалиться къ раскольникамъ и дѣйствительно уѣзжаютъ въ слободы. Между тѣмъ семейства ихъ остаются въ епархіи и дѣти, обучаясь въ семинаріи, при пособіяхъ, присылаемыхъ имъ отцами изъ раскольничьихъ слободъ, оканчиваютъ семинарскій курсъ наукъ и занимаютъ священническія мѣста; а нерѣдко случалось и то, что бѣжавшіе къ раскольникамъ священники съ богатымъ приданымъ и значительною суммою денегъ выдавали дочерей своихъ за лучшихъ учениковъ высшаго отдѣленія семинаріи и учителей, поступавшихъ въ священники“. На основаніи такихъ данныхъ преосвященный калужскій, вмѣстѣ съ консисторіею, считалъ „надежными способами“ къ удержанію подчиненныхъ ему священниковъ отъ побѣга къ раскольникамъ слѣдующее: 1) объявить по всей епархіи указами, что бѣжав-

шимъ отъ своихъ церквей въ раскольническія общества священникамъ и діаконамъ ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ предлогомъ, отнынѣ не будетъ прощенія и помилованія; 2) что даже если бы они возвратились изъ побѣга добровольно, и въ такомъ случаѣ они не получатъ себѣ никакихъ мѣстъ въ духовномъ вѣдомствѣ, но еще, какъ поправшіе совѣсть и присягу, данную при рукоположеніи ихъ въ санъ священства, будутъ преданы суду и наказанію по всей строгости законовъ; 3) что семейства ихъ, равно какъ и дѣти, находящіяся въ училищныхъ заведеніяхъ, вмѣстѣ съ отцами будутъ „вовсе“ исключены изъ духовнаго званія съ лишеніемъ всѣхъ правъ, а выходящимъ на мѣста духовнымъ воспитанникамъ „имѣетъ быть запрещено“ брать за себя въ замужество дочерей бѣжавшихъ къ раскольникамъ священниковъ и діаконовъ, такъ какъ случалось, что священники, находившіеся въ расколѣ, вызывали туда же—отецъ сына и тесть зятя, а сами записывались въ мѣщанскія общества. Кромѣ того преосвященный калужскій находилъ полезнымъ предавать уголовному суду сводчиковъ, или соблазнителей, священниковъ и діаконовъ и тѣхъ, кои принимали бѣглецовъ,— первыхъ, какъ возмутителей, послѣднихъ, какъ пристанодержателей; а священно-церковно-служителей, которые бы донесли благочинному о намѣреніи того, или другаго, духовнаго лица бѣжать въ расколъ, награждать, по усмотрѣнію начальства, лучшими мѣстами. Наконецъ „надежнымъ способомъ“ для удержанія священниковъ отъ побѣга къ раскольникамъ преосвященный калужскій находилъ храненіе ставленыхъ грамотъ священническихъ и діаконскихъ — въ ризницѣ съ церковными документами, за замкомъ и печатью священно-и церковно-служителей и церковнаго старосты.

Преосвященный тульскій доносилъ Св. Суноду, что въ

теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ изъ его епархіи бѣжали къ раскольникамъ 5 священниковъ, и причиной этого были: необразованность ихъ, скудное содержаніе при бѣдныхъ приходахъ и наконецъ близость къ мѣстамъ, гдѣ жили раскольники, обольщавшіе малодушныхъ разными выгодами, и особенно—тѣхъ изъ нихъ, кои при бѣдности своей опорочивали свое поведеніе какими-либо предосудительными поступками. Къ прекращенію такого злоупотребленія преосвященный тульскій не находилъ съ своей стороны другихъ средствъ, кромѣ тѣхъ, кои указаны были въ указѣ св. сунода отъ 6 іюня 1821 года и которыя мы уже видѣли.

Св. сунодъ, разсмотрѣвъ означенныя донесенія преосвященныхъ, нашелъ достаточнымъ, впредь до усмотрѣнія, ограничиться испытаніемъ по упомянутымъ епархіямъ только слѣдующихъ мѣръ: 1) объявлять всѣмъ ученикамъ семинарій и прочимъ лицамъ, намѣревающимся поступить въ священнослужительскія должности, чтобы они въ брачные союзы съ дочерьми бѣжавшихъ къ раскольникамъ священнослужителей отнюдь не вступали; если же кто преслушаетъ сіе запрещеніе, таковаго, не производя въ санъ священнослужителя, оставлять въ званіи причетника, доколѣ временемъ и службою загладитъ сей поступокъ и докажетъ свою благонадежность къ священству; 2) благочиннымъ по секрету строжайше приказать, чтобы они, подъ страхомъ отвѣтственности предъ высшимъ начальствомъ, тщательно наблюдали за подвѣдомственными имъ священнослужителями, въ отношеніи къ образу мыслей о православной церкви, и о людяхъ подозрительныхъ доносили безъ малѣйшей огласки преосвященному, — который немедленно вызываетъ такихъ священно-церковно-служителей въ свой архіерейскій домъ, или въ монастырь, для испытанія, при чемъ отбираетъ у подозрѣваемаго гра-

моту на санъ и возвращаетъ ее не ранѣе совершеннаго удостовѣренія о его благонадежности; 3) преосвященному вмѣнить въ обязанность, при выдачѣ паспортовъ священнослужителямъ, просящимъ отпуска въ другую епархію, обращать вниманіе на благонадежность просителей, и „если они, по бытности подъ судомъ, по свидѣтельствамъ благочинныхъ, или по личнымъ замѣчаніямъ преосвященнаго, представятся сомнительными, въ такомъ случаѣ велѣть, при выдачѣ имъ паспортовъ, ставленыя ихъ грамоты брать въ консисторію къ дѣлу, до обратнаго представленія паспортовъ по концѣ отпуска“ (1). А въ Высочайше утвержденномъ въ 1841 году уставѣ духовныхъ консисторій было сказано, что священники, отступившіе отъ святой православно-каѳолической восточной церкви въ ересь, или расколъ, подвергаются лишенію сана, съ исключеніемъ въ то же время изъ духовнаго вѣдомства, наравнѣ съ священнослужителями, обличенными въ уголовныхъ преступленіяхъ, — послѣ чего они обращаются къ гражданскому начальству, для поступленія съ ними по опредѣленіямъ уголовныхъ присутственныхъ мѣстъ (2). Если ко всему сказанному мы прибавимъ, что на помощь церковной власти къ пресѣченію побѣговъ къ раскольникамъ священниковъ было предписано, какъ мы уже сказали, начальникамъ губерній—отыскивать и учреждать до рѣшенія дѣла секретный полицейскій надзоръ за каждымъ, вновь бѣжавшимъ къ раскольникамъ, священникомъ, о которомъ только заявляло епархіальное начальство (3),—то поймемъ, какъ въ разсматриваемое нами время трудно было раскольникамъ переманивать къ себѣ православныхъ священниковъ и скрывать ихъ въ своихъ трущобахъ.

---

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 304—311.
(2) Тамъ же стр. 378.
(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 171 и 179.

Но дѣйствія власти, какъ свѣтской, такъ и церковной, не ограничивались только распоряженіями къ удержанію православныхъ священнослужителей отъ побѣга къ раскольникамъ. Считая — и справедливо—бѣглыхъ поповъ главными виновниками того, что поповцы смотрѣли на свое общество, какъ на истинную церковь, и чуждались православной истины, правительство пришло къ убѣжденію, что „государственное правосудіе не можетъ навсегда попустить того снисхожденія къ бѣглымъ священникамъ“, издавна уже находившимся въ расколѣ, „которое до времени оказываемо было только въ надеждѣ вразумленія и обращенія ихъ къ порядку“ (1). Въ силу такого убѣжденія, начинается рядъ мѣропріятій, которыми власть старалась такъ, или иначе, ограничить незаконныя дѣйствія бѣглыхъ поповъ, уже находившихся въ расколѣ. Въ 1834 году 4 января Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: не дозволять ни по какому случаю въ Москвѣ оставаться пріѣзжающимъ изъ другихъ мѣстъ, такъ называемымъ, раскольничьимъ, или бѣглымъ, попамъ, а еще менѣе допускать имъ исправленіе требъ и временное пребываніе на Рогожскомъ кладбищѣ (2); а въ маѣ того же года запрещено было принимать ревизскія сказки о бѣглыхъ попахъ, которыя находились у раскольниковъ (3). Въ мартѣ 1835 года предписано было всѣмъ начальникамъ губерній дать знать бѣглымъ попамъ, находившимся у раскольниковъ, что они получатъ прощеніе, если явятся „къ своему начальству съ искреннимъ раскаяніемъ въ ихъ проступкѣ“,—при чемъ повелѣвалось „оказывать изъявившимъ готовность къ раскаянію всевозможное пособіе къ исполненію ихъ намѣренія“ (4). И это обращеніе къ совѣсти

(1) Тамъ же стр. 246.
(2) Тамъ же стр. 149—150.
(3) Тамъ же стр. 159.
(4) Тамъ же стр. 175—176.

бѣглецовъ не осталось безъ послѣдствій. Нашлись священники и діаконы, которые изъявили раскаяніе въ своемъ заблужденіи и добровольно возвращались къ церкви, за что̀, по опредѣленію св. сунода, получали соотвѣтственныя ихъ сану мѣста въ православныхъ приходахъ (1). Указомъ 8 октября 1835 года повелѣвалось—бѣглымъ попамъ, лишеннымъ сана, „сверхъ воспрещенія вступать въ государственную службу, не дозволять никогда имѣть пребываніе, а тѣмъ менѣе приписываться къ городскимъ, или сельскимъ обществамъ въ той губерніи, гдѣ они были священниками, или находились у раскольниковъ, равно какъ и въ обѣихъ столицахъ“ (2). Въ 1837 году было объявлено поповцамъ, что какъ всякій побѣгъ есть преступленіе противъ общественнаго порядка и закона, то и побѣга священника отъ своего законнаго мѣста нельзя не почитать преступленіемъ, и что поэтому государственное правосудіе не можетъ навсегда попустить того снисхожденія къ бѣглымъ священникамъ раскольническимъ, которое до времени оказываемо было только въ надеждѣ вразумленія и обращенія ихъ къ порядку, — особенно же не можетъ быть терпимъ и долженъ подлежать суду своего законнаго начальства тотъ изъ бѣглыхъ поповъ, который осмѣлился бы совратить въ расколъ кого-либо изъ православныхъ (3). Наконецъ, въ 1839 году послѣдовало повелѣніе—не допускать наименованія раскольническихъ священниковъ, какъ несвойственнаго сему сана, и вмѣсто того писать: остающійся у раскольниковъ *попъ*, или *исправляющій у раскольниковъ духовныя требы* (4). Съ этаго года правительство не издаетъ никакихъ новыхъ постановленій противъ бѣглыхъ поповъ, а только повелѣваетъ строго

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 302—304 и 329.
(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 186—7.
(3) Тамъ же стр. 246.
(4) Тамъ же стр. 336—337.

наблюдать существующія узаконенія ([1]); — но и указанныхъ мѣръ было достаточно для того, чтобы бѣглые попы, разгуливавшіе въ прежнее время свободно по Россіи, попрятались теперь, какъ кроты, въ свои норы. Если же при этомъ мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что правительство, согласно буквальному смыслу указа 26 марта 1822 года, рѣшившись терпѣть до времени присутствіе въ расколѣ бѣглыхъ поповъ, не считало нужнымъ также снисходительно относиться и къ бѣглымъ іеромонахамъ и діаконамъ, о которыхъ въ означенномъ указѣ не было сказано ни слова и которыхъ поэтому указами 11 марта 1836 года и 19 марта 1837 года велѣно было „немедля высылать за карауломъ къ архіерею той епархіи, изъ которой они бѣжали, для поступленія по законамъ“ ([2]),— то поймемъ, какой недостатокъ въ бѣгломъ священствѣ долженъ былъ обнаружиться въ поповщинѣ, вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ мѣропріятій. Такъ дѣйствительно и было. Спустя нѣсколько лѣтъ отъ начала царствованія императора Николая, дѣло дошло до того, что даже такія мѣста, какъ Иргизъ, стародубскія слободы, Рогожское кладбище и пр., въ былое время снабжавшія бѣглыми попами всѣхъ своихъ единовѣрцевъ, теперь сами стали ощущать страшный недостатокъ въ нихъ. Что же оставалось дѣлать среди такихъ обстоятельствъ поповцамъ, которые потому только и составляли особую секту въ расколѣ, что принимали и всегда имѣли у себя, такъ называемыхъ, бѣглыхъ поповъ, совершавшихъ имъ всѣ таинства, и въ частности таинство брака, и которымъ, замѣтимъ, и теперь правительство, изъ опасенія произвесть въ средѣ старообрядцевъ „большія безпокойства“, разрѣшало формально исправленіе всѣхъ требъ и обрядовъ, лишь бы только расколь-

([1]) Тамъ же стр. 370.
([2]) Тамъ же стр. 210 и 254.

ники не совращали православныхъ въ свое заблужденіе (1)? Оставалось прежде всего убѣдиться, что задача, взятая на себя правительствомъ,—держаться въ отношеніи къ расколу правилъ, въ которыхъ „духъ терпимости соединялся бы съ необходимыми мѣрами строгости“ (2), — дѣло не такое простое, чтобы здравый смыслъ не нашелъ въ немъ иногда прямаго противорѣчія, а за тѣмъ—ломать голову надъ пріисканіемъ средствъ, какъ бы вытти изъ того нелѣпаго положенія, въ которое ставились поповцы,— съ одной стороны имѣвшіе право, на основаніи закона, совершать всѣ таинства и другія требы, по своимъ обрядамъ,—съ другой лишавшіеся, по волѣ правительства, тѣхъ самыхъ лицъ, которыя одни могли совершать эти таинства. И какъ ни просты были люди, которыхъ правительство рѣшилось довести до крайности — съ тѣмъ, чтобы, если не убѣжденіемъ, такъ по крайней мѣрѣ принужденіемъ, ввести ихъ въ ограду церкви, заставивъ принять правильное священство (3); тѣмъ не менѣе они придумали такую комбинацію для поправленія своихъ обстоятельствъ, какая не приходила на мысль и самой власти. Такъ называемая „австрійская іерархія“ съ ея не только попами, но даже архіереями, составляющими въ наши дни „соборы“ въ нашей древней столицѣ, была результатомъ думъ, какимъ предались поповцы, лишенные возможности пріобрѣтать себѣ бѣглыхъ поповъ отъ православной церкви, и вмѣстѣ сюрпризомъ для власти, не на шутку обезпокоившимъ наше правительство и заставившимъ его войти въ дипломатическую переписку и съ вѣнскимъ кабинетомъ (4) и съ вселенскимъ патріархомъ (5). Но при-

(1) Тамъ же стр. 93—94, 96 и 98.
(2) Тамъ же стр. 129.
(3) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 459—460.
(4) Кельсіев. вып. 1, стр. 152.
(5) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 436—443.

вести въ исполненіе такую грандіозную затѣю, какъ пріобрѣтеніе лжемитрополита Амвросія, разумѣется, можно было не вдругъ; а между тѣмъ, пока происходили совѣщанія объ устройствѣ *за границей* раскольничьей митрополіи между разными Кочуевыми, Рахмановыми, Громовыми и другими вліятельными поповцами Москвы, Петербурга и другихъ городовъ, пока извѣстный Алимпій и Павелъ скитались для отысканія архіерея по разнымъ странамъ Европы, Азіи и Африки,—время шло и—не малое. Мысль объ учрежденіи заграничной епископской каѳедры, явившаяся въ поповщинѣ въ 1832 году (1), была приведена въ исполненіе только въ 1846 году; а между тѣмъ у поповцевъ русскихъ дѣла шли своимъ чередомъ, одни рождались, другіе умирали, а люди молодые хотѣли даже жениться и посягать. Что же дѣлали эти люди, поставленные правительствомъ въ такое затруднительное положеніе? Гдѣ и какъ совершали они свои требы и таинства, и особенно таинство брака, о которомъ у насъ рѣчь? Сперва поповцы московскіе рѣшились хлопотать о возстановленіи правилъ 26 марта 1822 года (2). Когда эти попытки не привели ни къ чему, нѣкоторые изъ поповцевъ стали просить себѣ у правительства священниковъ отъ епархіальнаго вѣдомства, но на условіяхъ, отличныхъ отъ тѣхъ, на коихъ допущено единовѣріе. Такъ одни просили, чтобы ихъ церкви, съ принятыми отъ епархіальныхъ архіереевъ священниками, назывались не просто единовѣрческими, а единовѣрческими — старообрядческими (3); другіе просили права принимать къ себѣ священниковъ и діаконовъ изъ всѣхъ россійскихъ епархій, но съ тѣмъ, чтобы эти священники и діаконы, находясь

(1) Сборн. для истор. старообр. т. 2, стр. 236 и 237.

(2) Русск. Вѣстн. 1866 г. май, истор. очеркъ поповщ. стр. 85; сентябрь стр. 38, 40, 46.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 259—263.

у раскольниковъ, не зависѣли отъ епархіальнаго начальства, а подчинялись вѣдѣнію свѣтской власти и самихъ раскольниковъ, которые могли бы ихъ и выбирать и отсылать отъ себя, по своему усмотрѣнію, то есть, просили, какъ сказано въ указѣ, больше того, что было дано имъ правилами 1822 года 26 марта (1). Но когда и эти домогательства раскольниковъ были отвергнуты, тогда тѣ изъ нихъ, у которыхъ много было денегъ, стали ѣздить по своимъ духовнымъ нуждамъ въ Москву—на Рогожское кладбище, въ Стародубскія слободы, на Вѣтку и въ другія мѣста, гдѣ еще оставались прежніе бѣглые попы, а иногда, хотя и весьма рѣдко, появлялись и новые, и здѣсь за большія деньги справляли свои нужды. Тѣ же, коимъ дальнія дороги были не по карману, рѣшили предоставить крещеніе мірянамъ, погребеніе и исповѣдь совершать „по почтѣ“, или „съ оказіей“ (2), и только для заключенія браковъ считали нужнымъ личное присутствіе попа, и для этого ѣздили то въ Москву, то въ Стародубье, то на Вѣтку. Чтобы видѣть, какихъ хлопотъ и издержекъ стоили подобныя поѣздки и съ какими безчинствами вѣнчали своихъ учениковъ бѣглые попы, сознавшіе теперь все свое значеніе и цѣну,—мы приведемъ слѣдующее мѣсто изъ статьи: „свѣдѣнія о раскольникахъ витебской губерніи“, помѣщенной въ Вѣстникѣ западной россіи (3) и основанной на разсказахъ самихъ поповцевъ. „Въ слободахъ (черниговскихъ), разсказывали они, завелись въ разсматриваемое нами время факторы,—проводники къ попу; къ нимъ и нужно было прежде всего обратиться съ деньгами, чтобы они устроили дѣло: переговорили предварительно съ попомъ и условились съ нимъ въ цѣнѣ за вѣнецъ. Кромѣ

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 279—286; снес. стр. 111 и 276.

(2) Сборн. для истор. старообр. т. 2, стр. 242; Русск. Вѣстн. 1866 г. май, истор. очеркъ поповщ. стр. 21 и 86.

(3) Вѣстн. зап. рос. $186^{5}/_{6}$ г. кн. 1, стр. 38—39.

разныхъ притѣсненій въ квартирѣ: дорогою платою за помѣщеніе, за пищу, за сѣно, за овесъ, на полицію и дорогой платы попу за вѣнецъ,—факторы и сватьи требовали еще подарковъ себѣ. Для вѣнчанья иногда собиралось въ одинъ разъ болѣе 10 паръ. Въ такомъ случаѣ прежде вѣнчалась та пара, которая не жалѣла денегъ попу. Дѣло обыкновенно дѣлалось такъ: избирался извѣстный домъ, въ который всѣ желающіе брачиться должны были собраться въ поздній вечеръ; а ночью уже привозился въ сборную избу попъ, который, получивъ чрезъ руки своихъ факторовъ условленныя деньги, здѣсь—на мѣстѣ начиналъ новый торгъ — „кто больше дастъ, того прежде повѣнчаю“. Не смотря на всѣ предварительныя издержки, и въ этомъ случаѣ давали попу по два и по три полуимперіала. Нашъ, нынѣ единовѣрческій староста, продолжаетъ о. Волковъ, купецъ Е. Н. С. ѣздилъ вѣнчаться въ слободы въ январѣ 1840 года. Съ нимъ ѣздили мѣщане: дѣдъ невѣсты, ея дядя и братъ. Въ могилевской губерніи они не нашли попа. Поѣхали въ черниговскую, были въ Стародубьѣ, въ Лужкахъ, въ Воронкѣ и нигдѣ не нашли попа. Но имъ, разумѣется, за деньги шепнули, что есть попъ въ Еленкѣ, тоже черниговской губерніи. Пріѣхали въ Еленку; тотчасъ къ проводникамъ съ просьбою и *поклонцемъ*: „помогите Христа ради, не допустите до грѣха, заставьте вѣкъ Бога молить, дайте отца“. Отецъ-то есть, отвѣчаютъ факторы, но вѣдь сами знаете, надобно и высокоблагородіе и благородіе ублаготворить, и попу за трудъ, и говорщику, и сватьямъ, да и намъ даромъ не для чего время терять: будетъ маненько стоить. „Что хотите берите, а дайте отца“. „Ну да что съ вами будешь дѣлать, поживите, повѣнчаемъ“. Вотъ живутъ наши витебляне въ Еленкѣ день, два и три, а факторы все будто бы обдѣлываютъ дѣло. Наконецъ, указанъ домъ

и вечеръ на совершеніе браковъ, коихъ собралось до 10 паръ. Ночью привозятъ попа, коего факторы называли Никола Руссовъ, до того нагруженнаго водкой, что едва ввели его въ избу. Послѣ переторжекъ надобно было приступать къ дѣлу; но отецъ Никола не могъ стоять на ногахъ. Факторы взяли и держали его все время подъ руки, на головы молодыхъ поставили, вмѣсто вѣнцевъ, иконы; дьячекъ пѣлъ и читалъ за себя и за отца Николу, обвели молодыхъ трижды вокругъ стола; Никола вмѣсто благословенія махнулъ рукой; дѣло тѣмъ и кончилось".

А что этотъ разсказъ не вымыселъ, а горькая быль, доказательствомъ этого можетъ служить то, что въ разсматриваемое нами время съ неменьшими безчинствами совершались браки и на Рогожскомъ кладбищѣ,—этомъ, въ былое время, образцѣ порядка и благочинія. „Въ одно воскресенье, говорится въ одной рукописи, намъ принадлежащей, пріѣхало на Рогожское кладбище вѣнчаться 20 свадебъ,—10 московскихъ и 10 деревенскихъ; тогда по одиначкѣ свадебъ не вѣнчали, а вѣнчали столько, сколько наберется; были исключенія, да очень рѣдкія. Священникъ назначилъ съѣзжаться всѣмъ въ 12 часовъ дня. Разумѣется, просрочить было нельзя по двумъ причинамъ: первое—Боже сохрани—разсердить священника,—бѣда! а второе—потому, что этотъ день былъ послѣдній, когда дозволялось вѣнчать браки. И вотъ, ровно въ 12 часовъ, часовня наполнилась народомъ: кто пріѣхалъ съ свадебнымъ поѣздомъ, а кто любопытства ради... ждутъ попа часъ, ждутъ два, наконецъ дѣлается вечеръ, а попа все нѣтъ какъ нѣтъ. Въ числѣ московскихъ свадебъ были и богатыя, даже самого попечителя З. сынъ долженъ былъ вѣнчаться. Стали сначала посылать дьячковъ,—тѣхъ не допускали къ нему; потомъ видятъ, что наступила ночь, да и

поѣзжане съ 12 часовъ изнемогли всѣ. Сговорились нѣкоторые изъ нихъ идти сами, надѣясь на свое вліяніе, ибо они были всѣ люди богатые... Когда они пришли, кое-какъ добились увидать священника, и что же увидѣли? Священникъ мертвецки пьянъ и на всѣ ихъ просьбы и убѣжденія говоритъ одно: не могу... Но для такихъ прихожанъ, какъ наши старообрядцы, это ничего не значило; имъ нужна была только форма отъ попа... И вотъ они становятся всѣ на колѣна и давай его чуть-чуть не со слезами умаливать, дабы обвѣнчалъ *хоть какъ-нибудь*... Но попъ одно затвердилъ: не могу да и не могу. Наконецъ часовъ въ 10 чья-то молитва была услышана, какъ тогда выражались наши,— пьяный попъ введенъ былъ въ часовню. Разставили всѣ 20 паръ полукружіемъ и началось таинство брака. Но попъ какъ ни усиливался стоять, пары винные сильно ему мѣшали... Много дѣлалъ онъ тогда безобразностей, кощунства, какъ—то: читая евангеліе, когда говорится: бысть бракъ въ Канѣ Галилейстѣй... и недоставшу вину... попъ обращается къ народу и говоритъ: „все выпили“. Или во время, когда нужно читать эктенію, онъ, облокотясь на налой, не читая ничего, только кричитъ: „пойте“. Ну дьячки и поютъ: Господи помилуй. Или когда стали надѣвать вѣнцы, Б. купецъ хотѣлъ было поддержать вѣнецъ надъ невѣстою З.; попъ, видя это, закричалъ: „ты Б. не берись, у тебя руки нечисты.“ А потомъ, надѣвая вѣнцы на прочихъ (1), вмѣсто молитвы приговаривалъ, смѣясь: „и ты Б-ъ, и ты Б-ъ“ и т. дал. И много такого тутъ происходило, что не лѣть есть языкомъ глаго-

(1) Когда, „за оскудѣніемъ священства“, стали вѣнчать на Рогожскомъ кладбищѣ за разъ по 20 свадебъ, устроено было и 20 паръ совершенно одинаковыхъ бронзовыхъ вѣнцевъ, хранившихся въ Рождественской часовнѣ; впрочемъ для вѣнчанія богатыхъ свадебъ были вѣнцы серебряные— вызолоченные, съ брилліантами, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями (Русск. Вѣстн. 1866 г. май, истор. очеркъ поповщ., стр. 19).

лати, по писанію". А иногда случалось и то, что иной попъ Рогожскаго кладбища по дряхлости не могъ совершать браковъ, стоя; въ такомъ случаѣ его сажали въ кресла на колесахъ и брачившіеся, въ вѣнцахъ, ходя по солонь вокругъ налоя, сами возили попа въ креслахъ (1). Само собою разумѣется, что подобныя безобразія, совершавшіяся бѣглыми попами, при вѣнчаніи браковъ даже богачей и людей вліятельныхъ, не могли не смущать совѣсти многихъ поповцевъ; но пособить горю было нечѣмъ, и волей-неволей приходилось „ублаготворять" какихъ-либо пьяныхъ Русановыхъ, или развратныхъ Ястребовыхъ. Скоро впрочемъ и этотъ путь къ вѣнчанію поповщинскихъ браковъ былъ если не вовсе пресѣченъ, такъ по крайней мѣрѣ значительно затрудненъ. Въ 1839 году было запрещено совершеніе браковъ иногородныхъ раскольниковъ на Рогожскомъ кладбищѣ (2); а въ 1847 году обращено было вниманіе правительства на посады и слободы черниговской губерніи, гдѣ въ 1837 году находилось до тридцати бѣглыхъ поповъ и іеромонаховъ (3), и, въ видахъ прекращенія происходившихъ здѣсь безпорядковъ, въ однихъ изъ нихъ были усилены способы земской полиціи, въ другихъ образованы были вновь „особыя полиціи" (4). Значитъ, для ублаготворенія разныхъ „высокоблагородій и благородій" потребовались съ этого времени еще бо́льшія суммы денегъ со стороны желавшихъ вѣнчаться здѣсь раскольниковъ. А послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, по недостатку бѣглыхъ поповъ, нѣкоторые изъ поповцевъ умирали безъ покаянія, а дѣти ихъ оставались некрещенными (5), что въ озна-

(1) Тамъ же стр. 32—33.
(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 329—330.
(3) Тамъ же стр. 253.
(4) Тамъ же стр. 486—491.
(5) Ист. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 569.

ченное время стали появляться въ поповщинѣ, подъ именемъ бѣглыхъ поповъ, разные пройдохи, — крѣпостные крестьяне, убѣжавшіе отъ своихъ господъ, бѣглые солдаты и др., которыхъ поповцы, безъ всякихъ справокъ объ ихъ достоинствѣ и санѣ, брали себѣ въ пастыри и хранили ихъ, какъ зѣницу ока, пока не разоблачалась темная исторія этихъ темныхъ людей (1), и что нѣкоторые изъ поповцевъ, по недостатку „настоящихъ поповъ", стали обращаться по недостатку требъ, и въ частности за совершеніемъ браковъ, къ тѣмъ несчастнымъ православнымъ пастырямъ, которые за свои пороки подвергались лишенію сана и, въ качествѣ разстригъ, ссылались на житье въ разныя губерніи (2). Въ 1846 году саратовскій гражданскій губернаторъ доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что „всѣ вообще требы у тамошнихъ раскольниковъ отправлялись сосланными туда изъ разныхъ мѣстъ разстригами, которые, приписываясь къ городскимъ и сельскимъ обществамъ, получали билеты и паспорты отъ этихъ обществъ и, находившимися у нихъ поддѣльными, или настоящими, священническими видами обманывали въ одно время легковѣрныхъ раскольниковъ и избѣгали преслѣдованія мѣстныхъ властей" (3). Но и этотъ мутный источникъ пастырскаго благословенія, которымъ нѣкоторые поповцы саратовской, вологодской, олонецкой, оренбургской и ставропольской губерній рѣшились-было освящать свои брачные союзы, вскорѣ изсякъ. Въ 1849 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе: всѣхъ, лишаемыхъ духовнаго сана (кромѣ подвергшихся уголовному суду) помѣщать, по назначенію св. сунода, въ монастыри, для преподанія имъ средства восчувствовать свою вину при духовныхъ увѣщаніяхъ и для

(1) См. о бѣглыхъ попахъ въ царствованіе императора Николая въ сборн. для истор. старообр. т. 2, вып. V, гл. 3.

(2) Истор. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 584 и 586.

(3) Собр. постан. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 433—434.

отнятія у нихъ способовъ исправлять требы у раскольниковъ (1); а за тѣмъ въ 1851 году, вѣроятно, вслѣдствіе неудобства содержать въ монастыряхъ людей, изъ которыхъ для многихъ, по суду св. сунода, приличнымъ мѣстомъ помѣщенія могли быть только арестантскія роты и большинство которыхъ были люди семейные, былъ изданъ слѣдующій указъ: „исключаемыхъ изъ духовнаго званія за пороки ссылать въ закавказскій край и водворять тамъ, по распоряженію намѣстника кавказскаго; касательно же сосланныхъ въ поименованныя губерніи, то, изъ числа ихъ, находящихся въ безъизвѣстной отлучкѣ, нынѣ же отыскавъ, отправить въ закавказскій край посредствомъ этаповъ, а прочихъ, между коими могутъ быть такіе, которые пріобрѣли въ помянутыхъ губерніяхъ постоянную осѣдлость и не замѣчены ни въ чемъ противозаконномъ, предварительно истребовать отъ начальниковъ губерній надлежащія свѣдѣнія о поведеніи и образѣ жизни ихъ, и тѣхъ, кои окажутся вредными для православія и единовѣрія, равномѣрно сослать въ закавказскій край, а остальныхъ за тѣмъ оставить на мѣстѣ теперешняго ихъ жительства подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ“ (2). Послѣ этого поповцамъ, желавшимъ сохранить у себя тотъ строй церковной жизни, какого держались они въ теченіи почти двухъ столѣтій, не оставалось ничего болѣе, какъ заимствоваться таинствами и другими требами отъ священниковъ православныхъ, или единовѣрческихъ, что́ собственно и имѣла въ виду власть, лишая заблуждающихъ права имѣть, такъ называемыхъ, бѣглыхъ поповъ. Такъ дѣйствительно и стали поступать тѣ изъ поповцевъ, которые по какимъ-либо обстоятельствамъ не имѣли подъ руками поповъ, убѣжавшихъ къ нимъ до 1827 года, и которые въ тоже время почему-либо затруд-

(1) Тамъ же стр. 475—480.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 558.

нялись предпринимать путешествія въ разныя Стародубья, Вѣтки и проч. Въ 1833 году саратовскій преосвященный уже доносилъ св. суноду, что онъ позволилъ нѣкоторымъ священникамъ своей епархіи совершать у раскольниковъ, по призывамъ ихъ, крещеніе младенцевъ, бракосочетаніе, напутствованіе святыми тайнами больныхъ и отпѣваніе умершихъ, объясняя, что сдѣлалъ это „въ надеждѣ, что симъ средствомъ, при помощи Божіей, удобнѣе смягчить сердца закоренѣлыхъ въ расколѣ и постепенно удалить ихъ отъ призыванія, для исправленія требъ, бѣглыхъ раскольническихъ поповъ“ (1). Если же, какъ видно изъ этого донесенія, поповцы саратовскіе, имѣвшіе подъ рукою знаменитый Иргизъ, нашли нужнымъ обращаться за требоисправленіемъ къ православнымъ пастырямъ, то само собою понятно, что раскольники другихъ мѣстъ, удаленныхъ отъ Москвы, Стародубья и проч., имѣли къ тому еще больше побужденій. Жаль только, что власть церковная, разрѣшивъ преосвященному—давать подчиненнымъ ему священникамъ право крестить у раскольниковъ младенцевъ безъ всякихъ ограниченій, не съ такою же снисходительностію отнеслась къ раскольникамъ „возрастнымъ“, предписавъ допускать ихъ до православныхъ таинствъ не иначе, какъ послѣ предварительнаго присоединенія ихъ къ церкви установленнымъ образомъ (2). Съ тѣми же ограниченіями позволилъ св. сунодъ допускать раскольниковъ до православныхъ таинствъ и вятскому преосвященному, доносившему въ томъ же году суноду о желаніи нѣкоторыхъ старообрядцевъ „поповскаго толка рождаемыхъ ими дѣтей крестить, а достигшихъ узаконенныхъ ко вступленію въ супружество лѣтъ вѣнчать въ православной церкви“ (3). А это значило, что поповцы не иначе

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 251.
(2) Тамъ же стр. 253—254.
(3) Тамъ же стр. 254—256.

могли вступить въ бракъ, съ благословенія пастыря церкви, какъ сдѣлавшись напередъ православными. Какъ ни тяжело было для истыхъ ревнителей старины выполненіе такого условія, тѣмъ не менѣе желаніе избавиться „отъ грѣха“ заставляло многихъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ притворно, соглашаться на принятіе предъ бракомъ мvропомазанія и на выдачу подписки въ томъ, что „они послѣ своего бракосочетанія будутъ жить во всемъ согласно съ греко-россійскимъ православіемъ“. Нѣкоторые, впрочемъ, успѣвали подкупать православныхъ священниковъ и вѣнчались у нихъ не только безъ предварительнаго присоединенія къ церкви, но даже по „старому обряду“ (1). Что же оставалось дѣлать тѣмъ поповцамъ, которые были предубѣждены противъ православной церкви на столько, что считали тяжкимъ грѣхомъ присоединеніе къ ней, хотя бы и притворное? Оставалось избрать для заключенія своихъ браковъ другой путь, котораго правительсто не желало и, кажется, не предвидѣло, но мысль о которомъ приходила поповцамъ въ голову, еще при первой вѣсти объ ограниченіи ихъ права имѣть бѣглыхъ поповъ. Мы разумѣемъ—браки безсвященнословные. Когда въ 1821 году саратовскій гражданскій губернаторъ, вслѣдствіе представленія пензенскаго преосвященнаго, потребовалъ отъ настоятелей иргизскихъ монастырей подписки въ томъ, что на будущее время они не будутъ принимать къ себѣ бѣглыхъ священниковъ,—настоятели отказали ему въ такой подпискѣ, оправдывая свой отказъ тѣмъ, что 1) „они, имѣя довольное число жителей, не могутъ обойтись безъ священниковъ въ разсужденіи богослуженія и требоисправленія, и что 2) дать требуемую подписку, по мнѣнію ихъ, значитъ, лишиться священства, безъ коего могутъ они удалиться въ расколъ ѳеодосійскаго согласія и

(1) Истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 257 и 529.

другія разныя богопротивныя и ими, старообрядцами, нетерпимыя секты“ (1). Точно также, когда въ 1827 году Рогожскому кладбищу запрещено было вновь принимать бѣглыхъ поповъ, — у его послѣдователей немедленно родилось опасеніе, какъ бы имъ, за неимѣніемъ поповъ, не впасть въ безпоповщину, или не присоединиться къ православной церкви, на условіяхъ единовѣрія (2). Такимъ образомъ, очевидно, поповцы не обманывались на счетъ своего будущаго, когда правительство стало преслѣдовать ихъ бѣглыхъ поповъ; жаль только, что власть не обратила вниманія на эту сторону дѣла и своими строгими мѣрами противъ бѣглыхъ поповъ, своимъ запрещеніемъ заимствоваться старообрядцамъ таинствами отъ православной церкви, довела поповщину до того, что часть ея превратилась въ безпоповщину и такимъ образомъ изъ секты „менѣе вредной“ сдѣлалась „вредною“. Не вдругъ совершилось это превращеніе нѣкоторыхъ поповцевъ въ безпоповцевъ. Сперва, какъ мы уже отчасти говорили, за недостаткомъ бѣглыхъ поповъ, нѣкоторые изъ поповцевъ предоставили простымъ инокамъ, мірянамъ и даже женщинамъ совершеніе такихъ требъ, которыя не относились къ числу таинствъ, напр. чтеніе молитвъ родильницѣ, служеніе вечерни, утрени, часовъ, молебновъ, панихидъ и проч., погребеніе умершихъ и т. д., или если — и таинствъ, то только такихъ, которыя, по ученію безпоповцевъ, въ случаѣ нужды, имѣетъ право совершить и „искусный простолюдинъ паче, нежели невѣжа попъ, паче же еретикъ“ (3), то есть, крещенія и исповѣди. И такой порядокъ вещей былъ допущенъ по „нуждѣ“ не только въ тѣхъ поповщинскихъ общинахъ, которыя и въ прежнее время не

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 161; Истор. мин. внутр. дѣлъ, стр. 107.

(2) Русск. Вѣстн. 1866 г. май, истор. очеркъ поповщ., стр. 27.

(3) Опис. раск. соч. А. Б. ч. II, стр. 18.

часто видѣли у себя бѣглыхъ поповъ, но даже и въ такихъ, гдѣ въ былое время бѣглое іерейство „процвѣтало, яко финиксъ“, напр. на Рогожскомъ кладбищѣ и др. (1). Конечно, не безъ смущенія въ совѣсти отдавали себя поповцы въ руководство и пасеніе разнымъ старикамъ и старухамъ, и многіе изъ нихъ, поручивъ, напр., отпѣть надъ умершимъ своимъ родственникомъ „канонъ за единоумершаго“ старику, посылали въ тоже время деньги въ Москву — на Рогожское кладбище, или на Иргизъ, — съ тѣмъ, чтобы кто-либо изъ тамошнихъ поповъ отслужилъ „погребеніе“ заочно. Такое погребеніе называлось погребеніемъ „по почтѣ“, или „съ оказіей“ (2). Точно также многіе поступали и съ исповѣдью: старцы выслушивали грѣхи кающихся и затѣмъ, записавъ ихъ на бумажкѣ, по почтѣ отправляли свои „посланьица“ къ какому-либо бѣглому попу, который по почтѣ же присылалъ и разрѣшеніе кающимся. И такой порядокъ вещей признанъ былъ законнымъ на самомъ Рогожскомъ кладбищѣ, которое на одномъ изъ своихъ совѣщаній постановило слѣдующее правило: „ради тѣсноты обстоянія и великаго оскудѣнія древлеблагочестиваго священства исповѣдывать въ дальныхъ мѣстахъ обрѣтающихся христіанъ, соблюдающихъ истинную вѣру и древнія святоотеческія преданія, по почтѣ, или съ оказіей“ (3). Но само собой понятно, что къ такимъ заочнымъ исправленіямъ требъ бѣглыми попами, соединеннымъ съ разнаго рода затрудненіями и расходами, прибѣгали только богатые и вліятельные поповцы; большинство же считало такой порядокъ вещей роскошью и, не долго думая, а въ тоже время долго не видя среди себя „поповъ“, рѣшило, наконецъ, что можно обойтись

(4) Русск. Вѣстн. 1866 г. май, истор. очеркъ поповщ. стр. 28, 31 и др.
(5) Тамъ же стр. 21; Сборн. для истор. старообр. т. 2, вып. V, стр. 242.
(6) Православн. Собесѣдн. 1857 г. кн. 1, стр. 72.

*

и безъ ихъ заочныхъ услугъ въ совершеніи означенныхъ таинствъ и требъ. Съ однимъ только не могли скоро примириться поповцы,—это—съ заключеніемъ брачныхъ союзовъ безъ молитвословія и благословенія попа (1). Сколько ни рылись они въ своихъ „номоканонахъ, потребникахъ, кормчихъ“ и другихъ „богодухновенныхъ“ книгахъ, нигдѣ не могли отыскать разрѣшенія мірянину вѣнчать браки. Но „нужда“, на которую такъ любятъ ссылаться заблуждающіе, помогла поповцамъ и въ этомъ случаѣ. „Чѣмъ предаваться блуду, думали они, или идти за вѣнчаніемъ въ никоніанскіе храмы, лучше вступать въ союзъ брачный по благословенію „стариковъ“, которые крестятъ же нашихъ дѣтей, исповѣдуютъ и отправляютъ другія службы, прежде совершавшіяся бѣглыми попами“. И вотъ, „презирая законъ Божій, скажемъ словами одного старообрядца, и вѣру своихъ отцевъ“, многіе поповцы саратовской, симбирской, самарской и другихъ губерній (2) „окончательно пошли по слѣдамъ безпоповщины“ и стали заключать свои браки, по уставу поморскаго толка, то есть, безъ благословенія священническаго. И такъ какъ это была новость въ поповщинѣ, то понятно, что въ разныхъ мѣстахъ стали совершаться поповцами безсвященнословные браки различно. Въ одномъ мѣстѣ заключеніе браковъ состояло въ томъ, что женихъ съ невѣстою при семи свидѣтеляхъ мѣнялись кольцами, сопровождая этотъ обмѣнъ фразами: „азъ тя полагаю въ жену мою“ — со стороны жениха, „азъ же тя полагаю въ мужа моего“—со стороны невѣсты; затѣмъ брачные прикладывались ко кресту, цѣловались между собою и получали отъ свидѣтелей обычныя поздравленія, чѣмъ и оканчивался бракъ. Въ другихъ

(1) Ист. мин. внутр. дѣлъ кн. 8, стр. 569.

(2) Тамъ же стр. 541; Сборн. для истор. старообр. т. 2, вып. V, стр. 123, 138 и 142.

мѣстахъ къ указанной церемоніи прибавлялось чтеніе каноновъ, извѣстнаго зачала посланій апостола Павла и Евангелія,—а иногда—большой началъ, молитва: Царю небесный и символъ вѣры. Явились и такіе артисты среди поповцевъ, которые, вѣроятно, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, сами вѣнчали своихъ дѣтей и поступали въ этомъ случаѣ такъ: поставивъ жениха и невѣсту предъ образами, отецъ жениха громко произносилъ: „се земля подъ вами, а небо надъ вами, — живите, Богъ съ вами“, послѣ чего женихъ и невѣста считались уже обвѣнчанными и сажались за столъ, какъ новобрачные. Этотъ послѣдній способъ заключенія браковъ былъ до того страненъ, что осуждался самими поповцами. „Браки благословляются родителями, отцами крестными съ обѣихъ сторонъ, безъ всякихъ причудъ, безъ молитвъ; перстнями не мѣняются и на платъ не ставятся, — это вѣрно выдумка“, писалъ объ указанныхъ бракахъ одинъ изъ бѣглыхъ поповъ (1). Само собой разумѣется, что появленіе у поповцевъ безсвященнословныхъ браковъ, которые, по мысли правительства, вносили въ жизнь заблуждающихъ „развратъ и беззаконную жизнь“, стало извѣстно власти и не могло быть пріятно ей; и вотъ, для пресѣченія такихъ браковъ, начинаются разнаго рода уступки поповцамъ со стороны правительства. Для того, чтобы облегчить имъ вѣнчаніе браковъ въ церквахъ православныхъ и единовѣрческихъ, издаются повелѣнія, которыми разрѣшалось православнымъ и единовѣрческимъ священникамъ вѣнчать поповцевъ, не требуя отъ нихъ предварительнаго присоединенія къ церкви (2). Но, вѣроятно, не надѣясь одною этою мѣрою прекратить зло, власть свѣтская, запретившая бѣг-

(1) Сборн. для истор. старообр. т. 2, вып. V, стр. 125—127.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 381, 387 и 391; Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 502.

лымъ попамъ переѣзжать для исправленія требъ изъ одной губерніи въ другую, начинаетъ въ тоже время разрѣшать самимъ поповцамъ обращаться за требоисправленіемъ къ находившимся въ разныхъ губерніяхъ попамъ, которые извѣстны были правительству и доживали свой вѣкъ, на основаніи правилъ 1822 года. Такъ въ 1840 году было разрѣшено раскольникамъ смоленской губерніи, писковскаго приказа, исправлять христіанскія требы у поповъ ржевскаго молитвеннаго дома (1), а въ 1843 году тоже разрѣшеніе дано было раскольникамъ смоленской губерніи, сычевскаго округа, андреевской волости (2),—„въ надеждѣ, какъ говорилось въ указѣ, что раскольники, восчувствовавъ таковое къ нимъ снисхожденіе, обратятся со временемъ на истинный путь“, и съ тѣмъ однакожъ ограниченіемъ, чтобы такое позволеніе „не было оглашаемо предъ раскольниками собственно ржевскими, которымъ знать о семъ не нужно“. Въ декабрѣ 1841 года послѣдовало разрѣшеніе раскольникамъ калужской губерніи совершать требы у раскольническихъ поповъ черниговской губерніи, а раскольникамъ тверской губерніи—исполнять требы у поповъ ржевскаго молитвеннаго дома (3). Въ 1847 году въ томъ же ржевскомъ домѣ дозволено было совершать требы раскольникамъ семеновской волости, демьянскаго уѣзда, новгородской губерніи (4), а въ 1848 году—раскольникамъ той же губерніи, крестецкаго уѣзда, рахинскаго яма (5). Но такъ какъ всѣ указанныя распоряженія дѣлались „секретно“, состояли только въ приказаніи мѣстнымъ начальствамъ „не мѣшать“ раскольникамъ дѣлать то, о чемъ они просили правительство, и касались

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 378.
(2) Тамъ же стр. 435.
(3) Тамъ же стр. 392—393.
(4) Тамъ же стр. 479.
(5) Тамъ же стр. 507.

только *нѣкоторыхъ* поповцевъ, то неудивительно, что заблуждающіе другихъ губерній по прежнему затруднялись въ исполненіи своихъ духовныхъ нуждъ и многіе изъ нихъ по прежнему продолжали вступать въ, такъ называемые, сводные браки (1). И это—тѣмъ болѣе, что правительство, позволяя, хотя и не формально, однимъ поповцамъ совершать требы у находившихся въ разныхъ мѣстахъ и извѣстныхъ ему бѣглыхъ поповъ, другимъ въ тоже время отказывало въ этой милости. Такъ напр. въ 1842 году повелѣно было мѣстному начальству города Ростова (вѣроятно на Дону) и посада Дубовскаго, чтобы оно „подъ благовиднымъ предлогомъ воспретило находившимся тамъ при часовняхъ и моленныхъ попамъ раскольничьимъ совершать браки донскихъ раскольниковъ“ (2), хотя въ томъ же году, того же числа и мѣсяца, на основаніи Высочайше утвержденнаго 9 января 1826 года положенія комитета министровъ, велѣно было „не касаться разсмотрѣнія обрядовъ, по коимъ раскольники войска донскаго совершали свое вѣнчаніе чрезъ раскольническихъ поповъ, оставляя совершеніе браковъ ихъ произволу“, и только предписывалось преслѣдовать браки несовершеннолѣтнихъ (3). Въ 1843 году запрещено было раскольничьимъ попамъ, находившимся въ воронежской губерніи, вѣнчать браки раскольниковъ другихъ губерній, и особенно раскольниковъ войска донскаго (4), и эту мѣру предположено было распространить и „на другія, смежныя съ землями войска донскаго, губерніи“; а въ 1845 г. запрещено было раскольникамъ войска донскаго посѣщать посадъ Лужки черниговской губерніи, гдѣ никогда не выводились бѣглые попы (5). Однимъ

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 532.
(2) Тамъ же стр. 391.
(3) Тамъ же стр. 388—389.
(4) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 429.
(5) Тамъ же стр. 452—453; хотя напр. на просьбу некрасовцевъ—о

словомъ: въ разсматриваемое нами время въ отношеніяхъ правительства къ поповщинскому расколу, и въ частности къ бракамъ поповцевъ, не было никакой опредѣленной системы, въ чемъ сознавалось и само правительство (1): что дѣлалось сегодня, то часто уничтожалось завтра, что дозволялось однимъ раскольникамъ, то запрещалось въ то же время другимъ. Самый вопросъ о законности, или незаконности, поповщинскихъ браковъ не имѣлъ опредѣленнаго рѣшенія со стороны гражданской власти. Запретивъ духовенству и мѣстнымъ гражданскимъ властямъ вмѣшиваться въ брачныя дѣла раскольниковъ и предоставивъ судъ объ нихъ министерству внутреннихъ дѣлъ (2), правительство свѣтское въ прошлое царствованіе и само не всегда одинаково дѣйствовало въ своихъ приговорахъ о значеніи поповщинскихъ супружескихъ союзовъ. То оно, по видимому, признавало, по крайней мѣрѣ, гражданскую законность поповщинскихъ браковъ, то иногда считало подобные союзы прямо незаконными. Такъ напр. при 8-й ревизіи, бывшей въ 1833 году, жены и дѣти поповцевъ были записаны женами и законными ихъ дѣтьми. Далѣе, когда въ 1834 году встрѣтилось недоумѣніе, какъ считать дѣтей казачьей дочери, вступившей въ бракъ съ помѣщичьимъ крестьяниномъ и вѣнчанной неизвѣстнымъ иргизскимъ попомъ, т. е. вольными, или крѣпостными, комитетъ министровъ Высочайше утвержденнымъ журналомъ положилъ, что „дѣти крестьянина Карпа Галушкина, прижитыя имъ отъ брака съ казачьею дочерью Анною Аѳанасьевою, должны

дозволеніи имъ отправлять богослуженіе по правиламъ старообрядческой секты и имѣть своихъ священниковъ, „по особымъ политическимъ видамъ“, послѣдовало въ 1838 году высочайшее повелѣніе слѣдующаго рода: „для оказанія возможнаго снисхожденія и покровительства некрасовцамъ предписать особо и секретно бессарабскому военному губернатору—не мѣшать имъ отправлять богослуженіе по своимъ обрядамъ“ (тамъ же стр. 320—321).

(1) Тамъ же стр. 343.

(2) Тамъ же стр. 93—94, 97, 109; Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 454.

оставаться крѣпкими помѣщику по отцѣ“ (1). А это значило, что, по мысли правительства, бракъ Галушкина былъ дѣйствителенъ, такъ какъ дѣти, рожденныя отъ него, пріобрѣтали всѣ права отца. Основаніемъ такого рѣшенія могло служить и то обстоятельство, что, по мысли правительства, заявленной имъ въ 1839 году, „незаконнорожденными дѣтьми признаются только тѣ, кои рождены отъ лицъ женскаго пола, не сожительствующихъ мужу, по правиламъ своего вѣрованія“ (2), а о женахъ поповцевъ нельзя было сказать этого. Между тѣмъ, когда въ томъ же 1834 году одна раскольница лишила своего сына, обратившагося въ православіе, наслѣдства, и этотъ послѣдній принесъ на нее жалобу за это, секретный комитетъ, куда передана была жалоба министромъ внутреннихъ дѣлъ, такъ разсудилъ по этому предмету: „такъ какъ, по церковнымъ правиламъ, не признается бракъ между раскольниками, то и къ послѣдствіямъ онаго, т. е. къ дѣтямъ и правамъ наслѣдства не можно приложить гражданскихъ законовъ; посему нельзя постановить и общаго правила для передачи имѣнія отъ раскольниковъ—родителей къ православнымъ ихъ дѣтямъ“ (3). И хотя раскольница, лишившая своего сына наслѣдства, принадлежала къ ѳедосѣевской сектѣ, тѣмъ не менѣе опредѣленіе комитета справедливо можно относить и къ бракамъ поповцевъ; такъ какъ и поповщинскіе браки никогда не признавались властію законными, по церковнымъ правиламъ, а только „терпимыми въ гражданскомъ отношеніи“. Въ 1837 году московскіе поповцы заявили правительству о необходимости имѣть „свидѣтельства о женахъ своихъ для причисленія ихъ по дому градскаго общества въ семейства“. Московскій секретный комитетъ журналомъ, бывшимъ на разсмотрѣніи

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр., 153—154.
(2) Тамъ же стр. 343.
(3) Тамъ же стр. 168.

Государя императора, постановилъ слѣдующее: „хотя браки раскольниковъ, совершаемые внѣ церкви, не признаются законными, однакожь остаются терпимыми въ отношеніи гражданскомъ, и для дома градскаго общества нужно свѣдѣніе не только о рождающихся и умирающихъ, но и о ихъ (?) женахъ для причисленія ихъ къ семействамъ. По чему, дабы удовлетворить сей надобности, *не давая вида законности* раскольническимъ бракамъ, не представляется другаго средства, какъ дозволить полиціи раскольническихъ женъ поповщинской секты вносить въ обывательскія книги тѣмъ же порядкомъ, какъ записываются рождающіеся, не упоминая о бракахъ, и, въ случаѣ надобности, на основаніи сихъ книгъ выдавать раскольникамъ свидѣтельства о ихъ женахъ“ (1). Этими свидѣтельствами и нелѣпо было въ 1846 году руководствоваться, при причисленіи къ семействамъ женъ и дѣтей раскольниковъ Рогожскаго кладбища (поповской секты), тогда какъ дѣтей безпоповцевъ велѣно было считать незаконнорожденными (2). Между тѣмъ, когда одинъ Ржевскій поповецъ Мясниковъ въ 1849 году обратился съ просьбою къ правительству о дозволеніи ему усыновить, съ передачею своей фамиліи, находившагося у него на воспитаніи купеческаго сына — поповца же,—Государь императоръ 28 января повелѣлъ отказать Мясникову въ просьбѣ, на томъ основаніи, что „постановленія о дозволеніи купцамъ усыновлять ихъ воспитанниковъ и вводить таковыхъ во всѣ права, *законнымъ дѣтямъ* предоставленныя, не относятся къ раскольникамъ, такъ какъ браки ихъ не освящаются св. церковію и дѣти ихъ причисляются къ семействамъ только по полицейскимъ спискамъ и потому не могутъ пользоваться правами законныхъ дѣтей“ (3). Наконецъ,

(1) Тамъ же стр. 265.
(2) Тамъ же стр. 461.
(3) Тамъ же стр. 512; снес. стр. 570.

когда въ 1850 году назначена была 9 народная перепись, Государь императоръ Высочайше повелѣлъ—женъ и дѣтей раскольниковъ, пріемлющихъ священство, показывать таковыми въ ревизскихъ сказкахъ, на основаніи полицейскихъ свидѣтельствъ, или обывательскихъ книгъ, *не требуя въ семъ случаѣ другихъ доказательствъ о дѣйствительности браковъ тѣхъ женщинъ и о законности происхожденія ихъ дѣтей* (1). Не смотря однакожъ на это, въ 1853 году 10 іюня послѣдовало Высочайше утвержденное распоряженіе о томъ, чтобы „въ случаяхъ дѣлъ о бракахъ и дѣтяхъ раскольниковъ (поповцевъ), присутственныя мѣста не полагали своихъ рѣшеній о событіи браковъ и законности дѣтей на основаніи однѣхъ ревизскихъ сказокъ, а *требовали метрическія свидѣтельства*“ и эти свидѣтельства сообщали бы на предварительное разсмотрѣніе мѣстныхъ духовныхъ начальствъ (2); хотя въ томъ же 1853 году, по вопросу о служебныхъ правахъ дѣтей офицеровъ Уральскаго казачьяго войска, состоявшихъ въ расколѣ и не могшихъ, по замѣчанію правительства, представить метрическихъ свидѣтельствъ о рожденіи своихъ дѣтей, послѣдовало такое распоряженіе: „браки чиновниковъ и казаковъ Уральскаго войска, совершенные въ старообрядческихъ часовняхъ и домахъ, оставить въ прежней силѣ, не отвергая законности прижитыхъ въ оныхъ дѣтей“ (3), и хотя, подобно раскольникамъ Уральскаго казачьяго войска, и другіе поповцы не могли также представить метрическихъ свидѣтельствъ о рожденіи своихъ дѣтей,—такъ какъ веденіе метрическихъ книгъ бѣглымъ попамъ было запрещено еще въ 1837 году (4) и послѣ этого поповцы,

(1) Тамъ же стр. 537; снес. стр. 549.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 598—599; снес. собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 521—523; Кельсіев. вып. 2, стр. 183—184, 196.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 584—585.

(4) Тамъ же стр. 259—260; снес. стр. 340.

съ дозволенія самого правительства, обходились безъ метрическихъ свидѣтельствъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было имъ доказать законность своихъ дѣтей (1). Цѣль, какую имѣло правительство, издавая вышеизложенное распоряженіе о требованіи отъ поповцевъ метрическихъ свидѣтельствъ о законности ихъ дѣтей, которыхъ (т. е. свидѣтельствъ) они не могли представить, понятна и указана въ слѣдующихъ словахъ указа: „но при семъ, въ видахъ открытія раскольникамъ всѣхъ средствъ къ сближенію съ церковію, вмѣстѣ съ присоединеніемъ ихъ къ церкви, признавать законными браки и дѣтей ихъ“. Къ сожалѣнію, цѣль эта достигалась не вполнѣ. За исключеніемъ раскольниковъ, обратившихся къ церкви на правилахъ единовѣрія, чтобы этимъ узаконить свое потомство, было не мало и такихъ, которые считали правильными только браки, вѣнчанные священниками, не подчиненными православному архипастырству, и потому просили правительство о дозволеніи имъ имѣть священство, подъ вѣдѣніемъ одного гражданскаго начальства, хотя, разумѣется, и безъ успѣха (2). А другіе, видя, что правительство рѣшительно не хочетъ отмѣнить своихъ распоряженій относительно „бѣгствующаго іерейства“, по прежнему продолжали вступать въ безсвященнословные браки, что́, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, не прекратилось между поповцами даже и въ наши дни (3)—съ тою только разницею, что въ послѣднее время безпоповщинскій обрядъ вѣнчанія браковъ принялъ у поповцевъ самыя разнообразныя формы: стали возлагать на головы брачащихся, вмѣсто вѣнцевъ, иконы, а за неимѣніемъ ихъ—нагрудные кресты, кладутъ на столъ большой домашній пирогъ на платкѣ предъ образами, а на пирогъ обручальныя кольца, кото-

(1) Тамъ же стр. 498—499.

(2) Тамъ же стр. 620—623.

(3) Сборн. для истор. старообр. т. 2, вып. V, стр. 141—149.

рыми потомъ и обмѣниваются между собою женихъ и невѣста и т. д. Нѣтъ нужды говорить, что сводные браки поповщинскіе приводятъ мнимыхъ супруговъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какія происходятъ въ безпоповщинѣ отъ, такъ называемыхъ, безсвященнословныхъ сожительствъ. „Эти мужья — отцы, пишетъ одинъ иргизскій старообрядецъ, бросаютъ своихъ дѣтей вмѣстѣ съ бѣдною, беззащитною женщиною на произволъ судьбы, и, къ большему ужасу покинутой матери, берутъ въ той же деревнѣ другую жену, съ которою поступаютъ тоже по произволу... Точно также поступаютъ и жены... Каждый прохожій имѣетъ полное право нравиться мнимой женѣ; мужъ въ этомъ дѣлѣ лице стороннее. Каждый хорошо зналъ, что вѣнчаніе ихъ было шуточное, а не *взаправское*, что сводный бракъ его былъ дѣломъ незаконнымъ, что вѣнчаніе дѣлается *ради бабъ*. Бывали примѣры, что поповцы вступали въ сводные браки разъ по семи, мѣняя одну жену на другую и оставляя каждой, какъ бы въ награду, малолѣтнихъ дѣтей въ самой крайней крестьянской бѣдности“ (1). Причина, по которой удержались въ поповщинѣ сводные браки даже до нашихъ дней, когда, такъ называемое, австрійское священство восполнило собою недостатокъ бѣглыхъ поповъ, заключается въ томъ, что съ одной стороны рукоположенныхъ Амвросіемъ пастырей до послѣдняго времени нѣкоторые поповцы не признавали законными, за ихъ происхожденіе отъ грека—(будто бы) обливанца,—съ другой—поповщинскіе проповѣдники ученія о сводныхъ бракахъ, подъ вліяніемъ доктрины безпоповцевъ, съумѣли, по своимъ корыстнымъ цѣлямъ, дать новому дѣлу такой видъ, что оно многимъ невѣжественнымъ ревнителямъ старины стало казаться даже законнымъ. Во 2-мъ томѣ сборника для исторіи старообрядчества, изданнаго г. Поповымъ, помѣщено весьма лю-

(1) Тамъ же стр. 143—145.

бопытное изложеніе вѣроученія тѣхъ поповцевъ, которые, за неимѣніемъ бѣглыхъ поповъ и по другимъ причинамъ, во многомъ сошлись съ безпоповщиной и, между прочимъ, въ ученіи о бракѣ. Въ этомъ документѣ рѣчь идетъ и о сводныхъ бракахъ и доказывается ихъ правильность тѣми же примѣрами и свидѣтельствами древности, на которые ссылались и послѣдователи Покровской часовни, въ защиту своихъ безсвященнословныхъ сопряженій. На вопросъ: „что есть бракъ законный и кіи въ брацѣ случаи бываемые и како мощно кромѣ іерея бракъ составити христіанину правовѣрному“, дается такой отвѣтъ: „законный бракъ нарицается, иже внутрь предѣлъ естественныхъ и писанныхъ пребываетъ, якоже видится въ книгѣ Матѳея правильника, въ составѣ 3, во главѣ 2 пишетъ сице законъ: бракъ есть мужа и жены совокупленіе, наслѣдіе во всей жизни, божественныхъ и человѣческихъ правинъ пріобщеніе, любо благословеніемъ, любо вѣнчаніемъ, любо съ записаніемъ. А яже кромѣ сихъ бываемая, яко не бывша вмѣняемъ... Ибо елико законъ глаголетъ, къ сущимъ подъ игомъ власти законныя глаголетъ; о не имущихъ же надъ собою власти, таковыхъ право законное не истязуетъ, но по приличію нужныхъ временъ и случаевъ мнози праведніи мужіе обычно браки составляху, яко же и покажемъ здѣ отъ первыхъ даже и до послѣднихъ. Авраамъ, отецъ всѣмъ вѣрующимъ, сына своего Исаака бракомъ сочеталъ чрезъ раба своего Елеазара, а не чрезъ іерея,—зри бытія 24 главу и въ Кормч. л. 404 и 408 согласное свидѣтельство показуется: бесѣд. л. 1991 и 2135 и 1787, образу Авраамову о брацѣ бывшемъ подобитися и подражати повелѣваетъ. Патріархъ московскій Филаретъ Никитичъ въ большомъ катихизисѣ тому же подобно ученіе о брацѣ предлагаетъ: вѣрно слово и пріятія достойно, яко бракъ симъ образомъ составляемый—бракъ законный есть, а не блудъ. Іаковъ патріархъ у Лавана поятъ

дщери, кромѣ вѣнчанія іерейскаго. Бытія глав. 41, Іосифъ цѣломудренный поятъ дщерь Асенефу у жреца египетскаго изъ Иліополя. Исход. гл. 2, Моисей Боговидецъ поятъ дщерь у Іофора мадіамскаго жреца. Давидъ царь и пророкъ поятъ дщерь царя асурскаго, 11 Царствъ, гл. 3. Товія праведный нареченъ есть послѣднему роду образъ въ книгѣ его, гл. 2; той живяше въ плѣненіи чуждей земли, и того сына Товію ангелъ Господень бракомъ сочета, гл. 6 и 7. Но и въ благодатномъ законѣ Тимоѳей апостолъ сынъ бѣ жены іудеянки, отца же еллина, Дѣян. гл. 16. Января 23 въ житіи св. Климента, тамо узриши бракъ не вѣнчанный іереемъ былъ. Августа 21, св. мучен. Васса съ мужемъ невѣрнымъ живяше. Января 25, Григорій Богословъ сынъ бѣ родителей не единовѣрныхъ. Павелъ апостолъ вѣрнаго мужа съ невѣрною женою живущаго не расторгаетъ, но бракомъ законнымъ именуетъ. 1 Коринѳ. бесѣд. 19, л. 743 и 744, нравоуч. 34. Златоустъ еллинскую жену съ вѣрнымъ мужемъ не расторгаетъ. Къ Тит. бесѣд. 4, л. 2679, вѣрнымъ женамъ невѣрныхъ мужей своими нравы повелѣваетъ приводити ко благочестію. Подобно сему, Іоаннъ Зонаръ прав. 112 вѣрнаго мужа съ невѣрною женою живущаго не разлучаетъ. Книга Степенная, грань 15, глава 23, великій князь Иванъ Васильевичъ дщерь свою великую княжну Елену обручи за литовскаго князя Александра, вѣрою латынщика. А во главѣ 25 пишетъ, яко сей князь Александръ былъ уже въ лѣто 7008. Въ той же Степенной лѣта 6829 князь московскій Симеонъ, по благословенію отца своего Ѳеогноста (митрополита), отдалъ свесть свою великую княжну Ульянію Александровну за литовскаго князя Ольгерда, который, послѣди увѣщанъ бывъ женою своею, уже при кончинѣ живота крестися, по рожденіи седми сыновъ. Катихиз. больш. гл. 79, л. 342 (1) о шестой

(1) По Гродн. издан. л. 391

тайнѣ, сирѣчь, о брацѣ законномъ. Вопросъ. Что есть бракъ? Отвѣтъ. Бракъ есть тайна и проч.... Зри же противниче! убо тогда при толицѣхъ церковныхъ свѣтилахъ брацы обычно творими бываху; кольми паче нынѣ, въ толицѣй глубоцѣй нощи, кто похвалится совершенными законами оградити себе и законно кромѣ всякаго препятія правильный бракъ содѣлати? воистинну никто же". Намекнувъ за тѣмъ на послѣднія времена міра (1) и приведя нѣкоторыя свидѣтельства Златоуста, неизвѣстный поповецъ заключаетъ такъ: „помощію Божіею отъ свидѣтелей достовѣрныхъ здѣ предложихомъ, яко бракъ можетъ твердъ быти и кромѣ іерея; понеже другъ другу женихъ и невѣста— купецъ и продавецъ, и сами брачущіися сію себѣ тайну дѣйствуютъ. Сіе показаніе вѣрно и свидѣтельство истинно и не ложно есть" (2).

Такимъ образомъ строгость власти противъ бѣглыхъ поповъ и признаніе ею (въ 1853 году) браковъ поповщинскихъ незаконными достигли совершенно другихъ результатовъ, чѣмъ какихъ ожидало правительство. Вмѣсто обращенія къ единовѣрію, или православію, многіе изъ поповцевъ перешли въ безпоповщину, или, по крайней мѣрѣ, усвоили себѣ безпоповщинскія воззрѣнія и убѣжденія касательно брака,—и надежда св. сунода,—будто „оглашеніе незаконности поповщинскихъ браковъ отклонитъ могущее войти въ употребленіе между раскольниками опасное введеніе браковъ по условіямъ" (3), не оправдалась на дѣлѣ.

(1) Строгость власти къ расколу даже въ поповцахъ родила мысль объ антихристѣ.

(2) Сборн. для истор. старообр. т. 2, вып. V, стр. 177—179.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 523.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стран.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Краткій очеркъ правительственныхъ распоряженій относительно раскольничьихъ браковъ — со времени Петра I до царствованія императора Николая I; новыя, сравнительно съ прежними болѣе снисходительныя и точныя, постановленія касательно этого предмета, изданныя въ первые годы царствованія императора Николая Павловича и благопріятствовавшія развитію въ средѣ безпоповщинскаго раскола ученія о необходимости брачной жизни; московская поморщина; дѣятельность ея главныхъ членовъ въ пользу брачной жизни; обстоятельства, вредившія успѣху этой дѣятельности; уничтоженіе въ 1837 году Покровской часовни; рѣшеніе вопроса о бракѣ петербургскою поморщиной; Павелъ Любопытный и его письменная дѣятельность въ пользу брака; снисходительность къ петербургскимъ безпоповцамъ низшихъ административныхъ инстанцій и даже высшаго правительства; вѣнчаніе поморскихъ браковъ въ Малоохтенской часовнѣ Павломъ Любопытнымъ и его сотрудниками: Карпомъ Новосадовымъ и Иваномъ Неклюдовымъ; преслѣдованіе властію петербургскихъ поморцевъ и уничтоженіе ихъ моленныхъ — въ Моховой улицѣ и на малой Охтѣ; происшедшія въ слѣдствіе этого затрудненія ихъ въ заключеніи браковъ; «Марья Карповна» Новосадова; вѣнчаніе ею безпоповщинскихъ браковъ; нѣкоторые изъ столичныхъ поморцевъ рѣшаются вступать въ браки съ благословенія православныхъ пастырей и даже женятся на православныхъ дѣвицахъ. . . . . 5 — 44

ГЛАВА ВТОРАЯ. Рѣшеніе вопроса о бракѣ иногородними поморцами; проповѣдь въ пользу брачной жизни одного изъ петербургскихъ поморцевъ—въ Поморьѣ; обстоятельства, благопріятствовавшія успѣху этой проповѣди: строгость власти къ выговскому общежительству, заправлявшему раскольниками олонецкой и др. губерній, и крайній развратъ его насельниковъ и насельницъ; по примѣру Поморья, и особенно столицъ, начинаютъ сознавать необходимость брака и поморцы губерній вятской, пермской, оренбургской и тобольской; отношеніе къ безсвященнословнымъ, или своднымъ, бракамъ раскольниковъ указанныхъ губерній—власти

свѣтской и духовной; распространеніе сводныхъ браковъ между поморцами другихъ губерній, кромѣ вятской, пермской, оренбургской и тобольской; строгое преслѣдованіе этихъ браковъ свѣтскимъ правительствомъ; краткое изложеніе мѣръ, какія съ 1850 года употребляла свѣтская власть къ пресѣченію сводныхъ браковъ между поморцами; 9-я народная перепись; Высочайшее повелѣніе о внесеніи въ ревизскія сказки дѣтей поморцевъ подъ именемъ незаконнорожденныхъ и о причисленіи женъ ихъ къ семействамъ, къ которымъ онѣ принадлежали по рожденію; противорѣчіе этого распоряженія прежнимъ узаконеніямъ; результаты его: вѣнчаніе однихъ поморцевъ въ церквахъ единовѣрческихъ и православныхъ и подкупъ другими православныхъ причтовъ на выдачу фальшивыхъ свидѣтельствъ о повѣнчаніи. . 45 — 80

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Отношеніе къ вопросу о бракѣ ѳедосѣевцевъ; ѳедосѣевщина московская; не смотря на строгость власти къ Преображенскому кладбищу за его ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ, начавшуюся еще въ послѣдніе годы царствованія Александра Благословеннаго, и на заключеніе въ Соловецкій монастырь главныхъ распространителей этого ученія, въ первые годы царствованія императора Николая Павловича московскіе ѳедосѣевцы неуклонно слѣдуютъ ученію Гнусина и Таровитаго объ обязательномъ для всѣхъ безбрачіи — съ правомъ грѣшить и каяться; обстоятельства, благопріятствовавшія такому направленію жизни московскихъ ѳедосѣевцевъ; разныя формы семейныхъ союзовъ и разврата въ московской ѳедосѣевщинѣ; изувѣрное ученіе нѣкоторыхъ наставниковъ Преображенскаго кладбища о бракѣ, о семьѣ, о дѣтяхъ, о родствѣ, бывшее причиной самыхъ дикихъ явленій въ средѣ заблуждающихъ; протестъ противъ такого ученія лучшихъ людей ѳедосѣевскаго общества и желаніе ихъ освободиться отъ вліянія Преображенскаго кладбища; обстоятельства, содѣйствовавшія исполненію этого желанія; признаніе нѣкоторыми послѣдователями Ковылина необходимости брака, и притомъ церковнаго; появленіе около 1850 года въ окрестностяхъ Москвы новаго толка—изъ женщинъ и дѣвицъ, поставившаго себѣ правиломъ «ненавидѣть бракъ»; отношеніе къ вопросу о бракѣ петербургскихъ ѳедосѣевцевъ; строгія мѣры власти противъ ѳедосѣевскихъ заведеній въ столицѣ; признаніе большинствомъ заблуждающихъ ученія о безбрачіи, за которое главнымъ образомъ и преслѣдовало правительство петербургскихъ ѳедосѣевцевъ,—не приложимымъ къ жизни и вступленіе ихъ, въ слѣдствіе этого, въ браки сперва безсвященнословные, по обрядамъ поморцевъ и въ поморскихъ часовняхъ, а за тѣмъ и церковные, съ благословенія единовѣрческихъ и православныхъ священниковъ. 81 — 124

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Рѣшеніе вопроса о бракѣ ѳедосѣевцами провинціальными; рижская ѳедосѣевская община; отношеніе ея къ браку въ концѣ прошлаго и въ первой четверти настоящаго столѣтія; потворство рижскимъ бракоборцамъ мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ, часто неправославныхъ; правила относительно рижскихъ раскольническихъ заведеній, изданныя въ первые годы царствованія императора Николая Павловича; неловкое положеніе рижскихъ ѳедосѣевцевъ по поводу этихъ правилъ; признаніе въ 1837 году рижскою общиною необходимости брака; причина этого: усиленная дѣятельность въ пользу православной истины рижскаго преосвящ. Иринарха, возбудившая неудовольствіе въ мѣстныхъ гражданскихъ властяхъ и дошедшая до свѣдѣнія Государя императора; новыя распоряженія власти относительно рижскихъ раскольниковъ, еще болѣе стѣснившія ихъ своеволіе и развратъ; приглашеніе рижскихъ раскольниковъ къ заключенію браковъ въ единовѣрческихъ церквахъ, не достигшее цѣли; новыя строгія постановленія относительно рижскихъ раскольниковъ, бывшія причиной того, что, къ концу царствованія императора Николая, болѣе видные члены ѳедосѣевской общины присоединились къ единовѣрію и стали вѣнчаться въ единовѣрческихъ и даже православныхъ церквахъ, хотя большинство заблуждающихъ продолжало сожительствовать съ избранными ими женщинами, нерѣдко даже православнаго исповѣданія, безъ всякихъ формальныхъ договоровъ и обязательствъ; мѣры власти церковной къ ограниченію подобныхъ злоупотребленій; рѣшеніе вопроса о бракѣ другими ѳедосѣевцами остзейскаго края, находившимися въ зависимости отъ Риги, а равно ѳедосѣевцами западно-русскаго края, большинство которыхъ также находилось въ сношеніяхъ съ Ригою; признаніе необходимости брачной жизни ѳедосѣевцами губерній: псковской, ярославской, костромской, иркутской и многихъ другихъ; причины этого: примѣръ столичныхъ раскольниковъ, допустившихъ у себя брачную жизнь, и строгія мѣры правительства противъ всѣхъ вообще ѳедосѣевцевъ, признанныхъ властію *особенно вредными* сектантами, за отрицаніе ими брака и молитвы за царя; краткое изложеніе этихъ мѣръ; Филиппъ Осиповъ, казанскій проповѣдникъ безбрачія, и его письменный отвѣтъ автору «бесѣды о бракѣ»; отношеніе къ разнымъ формамъ брачныхъ сопряженій ѳедосѣевскихъ—наставниковъ этого толка. . . . . 125 — 210

ГЛАВА ПЯТАЯ. Перемѣна въ ученіи поповцевъ о бракѣ, происшедшая въ прошлое царствованіе; причина этого: строгость власти къ, такъ называемымъ, бѣглымъ попамъ, при посредствѣ которыхъ старообрядцы вѣнчали свои браки;

развратъ въ поповщинскихъ монастыряхъ; отношеніе къ бѣглымъ попамъ власти свѣтской и духовной, въ царствованіе Александра Благословеннаго; перемѣна во взглядѣ на этотъ предметъ, начавшаяся въ первые годы царствованія императора Николая I-го; мѣры, какія употребляла власть свѣтская и духовная, къ прекращенію побѣга въ расколъ православныхъ священнослужителей и къ ограниченію незаконныхъ дѣйствій бѣглыхъ поповъ, уже находившихся въ расколѣ, на основаніи прежнихъ узаконеній; слѣдствія такихъ мѣръ: крайній недостатокъ въ поповщинѣ бѣглыхъ поповъ, появленіе среди заблуждающихъ, подъ именемъ поповъ, разнаго рода пройдохъ, не имѣвшихъ никакого священнаго сана, обращеніе поповцевъ за совершеніемъ требъ и таинствъ къ, такъ называемымъ, разстригамъ и въ концѣ концевъ—крайнее затрудненіе заблуждающихъ въ исправленіи духовныхъ нуждъ; средства, къ какимъ прибѣгли раскольники, чтобы выйти изъ неловкаго положенія, въ какое поставило ихъ правительство: одни изъ нихъ задумываютъ объ учрежденіи своей собственной іерархіи; другіе, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ о возстановленіи прежнихъ узаконеній о бѣглыхъ попахъ, обращаются къ правительству съ просьбами о дарованіи имъ священниковъ отъ епархіальныхъ архіереевъ, но на условіяхъ, на которыя власть не соглашается; третьи, за неимѣніемъ бѣглыхъ поповъ, начинаютъ совершать требы и таинства чрезъ единовѣрческихъ и православныхъ священниковъ; четвертые, не думая долго, рѣшаются предоставить совершеніе требъ, и даже таинствъ, простымъ мірянамъ и такимъ образомъ превращаются въ безпоповцевъ; какъ совершались браки и другія требы у этихъ послѣднихъ поповцевъ? недовольство правительства такимъ порядкомъ вещей и разнаго рода со стороны его уступки заблуждающимъ; отсутствіе системы въ распоряженіяхъ правительства относительно поповцевъ вообще и—браковъ поповщинскихъ въ частности; печальные плоды безсвященнословныхъ сопряженій поповщинскихъ; причины, по которымъ нѣкоторые поповцы вступаютъ въ безсвященнословные браки даже въ наши дни, когда поповщина не имѣетъ недостатка не только въ попахъ, но даже въ архіереяхъ, такъ называемаго, австрійскаго поставленья; сущность ученія о бракѣ поповцевъ, допустившихъ у себя сводные браки . . . . . 211—256

